САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

MONGOLICA

III

Санкт-Петербург
1994

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

MONGOLICA-III

Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX вв.

Составитель и автор предисловия И.В.Кульганек

Санкт-Петербург
Издательство "Фарн"
1994

"Монголика-III".—СПб., "Фарн", 1994.—с.96 с илл.

ISBN 5-900461-028-5

Сборник издан на средства фонда "Культурная инициатива"

Сборник, состоящий из двух частей: "Из истории российского монголоведения" и "Монголоведение сегодня", ставит своей целью заполнить многочисленные лакуны и восстановить "забытые страницы" целых периодов существования монголоведной науки. Главными источниками данного исследования явились архивные материалы, впервые введенные в научный оборот. Книга рассчитана как на профессионалов-монголоведов, так и на более широкий круг читателей публики, интересующейся историей культуры России.

Отв.редактор С.Г.Кляшторный

ISBN 5-900461-028-5

© Все авторские права сохранены. Перепечатка отдельных статей преследуется законом и разрешена только с согласия авторов.
© Издательство "Фарн", 1994.
© Виноградова Н.А. Оформление, 1994.

Содержание

Foreword 5
Предисловие 8

Из истории российского монголоведения

В.Л.Успенский. Монголоведение в Казанской Духовной Академии 11
Е.М.Даревская. Англичанин из Лондона в ургинской школе 18
К.Н.Яцковская. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П.Шастиной (1898-1980) 23
Н.П.Шастина. Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе 26
Н.П.Шастина. Фрагменты статьи об аймачном храме "Орлуд" 28
И.И.Ломакина. В.А.Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе 35
В.М.Алпатов. Советское востоковедение в оценках Н.Поппе 38
Е.М.Даревская. Письма И.М.Майского А.В.Бурдукову 47
Н.А.Симукова. Имя А.Д.Симукова возвращается в науку 57
Список опубликованных работ А.Д.Симукова (на русском языке) 61
А.Симуков. Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и ее результатах 62
А.Симуков. Итоги работы Географического отделения Научно-Исследовательского Комитета МНР за 15 лет 64

Монголоведение сегодня

Дмитриев С.В. Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики (I. Теб-Тенгри) 72
Ю.В.Кузьмин. Русско-монгольские отношения в 1911—1912 годах и позиция общественных кругов России 75
С.Кибирова. Лютни Центральной Азии в инструментарии монголов, бурят и уйгуров 80
В.К.Шивлянова. Коллекция валиков Б.Я.Владимирцова в Пушкинском доме 86
Н.С.Яхонтова. "Краткое [изложение] "Ключа разума" 89

Foreword

The collection "Mongolica-3" consists of two parts, "From the History of the Mongolian Studies in Russia" and "Mongolian Studies Today".

The history of the Mongolian studies in Russia has not been written yet. It is only in separate miscellaneous collections, monographs and articles that this issue is briefly touched upon. To compile a history of a discipline which is two-odd centuries old, a huge body of data should first he collected to bridge the numerous gaps which prevent us from representing it as a progressive and coherent development in which continuity between generations is preserved. It appears that this crucial stage at which information is accumulated and published will not be completed before long, as quite a few "blank spots" and "forgotten pages" have remained relating to the entire periods in the existence of this discipline.

The first part opens with V.L.Uspensky's article "Mongolian Studies at the Kazan Spiritual Academy". Kazan is believed to be the birthplace of our Mongolian scholarship. It is here that the study of history, culture, and religion of the Mongolian-speaking peoples, as well as the collection of Mongolian books and manuscripts was first placed on a scientific basis. However, the Russian Mongolists still take it for granted that after the Oriental Department had been transferred to Petersburg University, no Mongolian studies were conducted in Kazan any longer. This view is erroneous since in fact several generations of lecturers and visiting specialists in Mongolian linguistics, philology, ethnography, and religion were engaged in active and productive research at Kazan Spiritual Acadeny (KSA) until October 1917. Their activities included writing scholarly essays, training missionaries for working in parishes with a predominantly Buryat or Kalmyk population, translating a large number of Christian books into vernaculare (Buryat and Kalmyk). Mongolian studies at KSA were interrupted at a time when they were attaining their second peak. This page in the history of Russian science has not yet been read properly, although it does deserve attention for a number of reasons, including the high level of teaching at the Mongolian Department (attested for by textbooks and instructuins, which are still used bu the students of Oriental Departments), the personalities of lecturers and professors at KSA, who were prominent authorities in the religion of Mongolian peoples (A.I.Popov, V.V.Mirotvortsev, I.V.Popov, A.A.Bobrovnikov, and Archimandrite Guriy), the foreign ties of KSA, the library with its excellent collection of Mongolian and Tibetan books, the ethnographical museum where meny artefacts and ritual objects were exhibited, which had been made by the Mongolian-speaking people and collected by the missionaries who were former KSA graduates (the fate of the museum is also unknown). All this precious part of our spiritual culture, one which had nourished several generations of Russian Mongolists, is still being completely ignored. Also neglected is the continuity linking the first talented self-made natives and zealous missionaries, who worked in Buryat and Kalmyk uluses (communities), with the national intellegentsia of Buryatia and Kalmykia (quite a number of persons founded clans whose members could be described as intellectuals by birth, such as the Sharakshinov, the Shastins, the Badmayevs, the Normayevs; most or all of these founders were associated with KSA.

There people belonged to the galaxy of Mongolists who worked in the 1920s and 1930s. Having become involved in the dramatic events in the new history of the Mongolian people both as eyewitnesses and as participants, they often performed daring exploits in a political situation which was by no means favourable for a full realization of their scholarly potential. Too much of their legacy has remained unknown and unpublished, including their records, views, analyses, and generalizations, which have retained the value of a primary source without which the modern authors' ideas concerning Mongolian life at that stage of history are deficient.

The next article, written by E.M.Darevskaya and entitled "An Englishman from London at a school in Urga", describes the activities of a school in Urga, the first European-type nonreligious school of general education for the Mongols which functioned under the auspices of the Russian Consulate. It was founded by V.F.Lyuba (the Russian Consul in Urga), and Ts.Zhamtsarano, who was directly engaged in its activities. The first school year of 1912-13 was successful, and fourteen pupils were sent from Urga to Troitsko-Slavsk and Irkutsk where they were supposed to continue their studies. Darevskaya's article focuses on the teacher of English at the Urga school, Frederick George Whittick.

The 20th century has changed the face of the Russian Orientology, including the Mongolian studies. Paral-

lel to the classical research into Mongolian, Buryat, and Kalmyk traditional culture and literature, a new subdiscipline was shaped by scholars who, having been brought to Mongolia by will of fate and being keenly interested in its people, began to get familiar with its culture and nature and to register their first amateurish and superficial impressions; subsequently, in the process of deepening their theoretical knowledge, they initiated new trends in Soviet Mongolian studies. Among them are N.P.Shastina, A.D.Simukov, and S.A.Kondratyev. At that time, young representatives of the new Mongolian scholarship concentrated around the Scientific Committee of the People's Republic of Mongolia. Tsyben Zhamtsarano and Bazar Baradiyn of Petersburg were invited to work with this institution. By that time they had gained a considerable experience in theoretical and field work. It was Zhamtsarano who invited two young researchers, A.D.Simukov and S.A.Kondratyev (both of them were working with the P.K.Kozlov archaeological expedition excavating the Noin-Ula burial mound) to stay in Ulan-Bator after the end of the expedition to work with the Scientific Committee. The invitation was accepted, and Kondratyev became the organizer and director of the first ethnographical museum in Ulan-Bator, while Simukov started doing research at the Geographical Department of the Scientific Committee.

Later, the name of Simukov, who devoted all his life to the investigations into the geography and economics of Mongolia, where he had spent sixteen years, became legendary in the Mongolian steppes. Yet in the 1930a it disappeared from the publications dealing with Mongolia and did not reappear for a long time, although the specialists believe Simukov's research to be so important in both scope and depth that he might be placed among the leading experts in 20th century Mongolian economics and geography. It is hoped that the publication of Simukov's writings, prepared by his daughter, Natalia Andreyevna Simukova, and a brief biographical sketch written by her will shed first light on some previously unknown facts from his life and work. Among the documents published are unknown fragments of the paper "On the work done in the People's Republic of Mongolia over the past twelve years and its results" and the report "Results of the work conducted at the Geographical Department of the Scientific Committee of the People's Republic of Mongolia over the past fifteen years", which was printed in the journal "Sovremennaya Mongoliya" ("Modern Mongolia"), 1936, N 4, and has become a bibliographical rarity. The present publication is yet another in a series of attempts jointly undertaken by the Russian and Mongolian Academies of Sciences, and actively supported by the Russian and international associations of Mongolists, with a view of bringing the name of A.D.Simukov, who greatly contributed to the development of Mongolian studies in Russia, back to science.

Nina Pavlovna Shastina, who later became one of the leading Mongolists of the 20th century, appeared in Mongolia at the same time with the family of her father, P.N.Shastin, a physician who came there to organize the medical care of the native population. At that time, she felt an interest towirds Buddhism, which became the focus of her attention for the rest of her life. The publication prepared by K.N.Yatskovskaya is rather unusual since she selected some of the first unpublished fragments of papers written by the young Shastina at the very beginning of her scholary career. The importance of these fragments is due to the fact they contain an extremely detailed, although incomplete, information concerning a unique monastery which unfortunately has not survived until the present. The introductory article gives a sketch of Mongolia at the time when the young Nina Pavlovna arrived there.

Two years earlier, Vladimir Aleksandrovich Kazakevich, a student of the Petrograd Institute of Spoken Oriental Languages, joined the Scientific Committee of the People's Republic of Mongolia where he had to do his practical work. Later he became "the only major expert in the history of the 12th-17th century Mongols", as N.N.Poppe wrote in his memorandum to A.S.Samoylovich, who was then director of the Institute of Oriental Studies. Kazakevich's personality also failed to receive due appraisal in the community of Mongolists, his life was tragically severed like that of many Mongolists of that time, such as A.D.Simukov, Ts.Zhamtsarano, B.Baradiyn, and A.V.Burdukov: in 1937 he was executed in Leningrad, having left behind him unfinished projects of a deep archaeological exploration in Central Mongolia (Onon and Ongiyn Gol basins, and the Northern Gobi area). I.I.Lomakina, in her article "V.A.Kazakevich as a Mongolist and his data on Jah-Lama", without touching upon many aspects of his research, focuses on just one episode of his life, connected with the legendary figure which played a certain role in the political life of Mongolia at that period, a figure which has not been properly understood or fully explained — Jah-Lama. The author presents documents and field records which were made by V.A.Kazakevich in Mongolia and later kept by V.D.Yakimov, his colleague at the institute, a historian of Mongolia, who in 1937 came up with an idea of writing a story of Jah-Lama, entitied "The Holy Gunman: The Vicar of Buddha".

Memoirs concerning the Soviet Orientology of the 1920s and 1930s are rather few. All the more worth attention are those written by N.N.Poppe, one of the major modern Russian scholars, and published in the U.S.A. in 1982. The author portrays a gallery of the famous Orientalists who were active in the first third of the 20th century, such as A.N.Samoylovich, N.Ya.Marr, E.D.Polivanov, P.K.Kokovtsev, L.Ya.Sternberg, S.E.Malov, and others. But the most vivid of all is the portrait of Poppe himself, a man who was ready to make many compromises with life in order to have a possibility of being engaged with his favourite business to which he devoted seven decades of his work, having published some fifty books and a host articles and reviews. A critical analysis of these memoirs is presented in the article by V.M.Alpatov.

The possibility of establishing trade relations with Mongolia was always high on the agenda in Russia. The problem was solved by occasionally sending trade missions to Mongolia. One of the major missions, in which representatives of 73 firms took part, was launcged in 1910 by the Siberian merchant Trapeznikov. To maintain young Russian trade relations with foreign countries, the All-Russian Central Union of Consumers' Societes was created, whose Irkutsk office specialized in trade with the Far Eastern countries, including Mongolia. In spring 1918, the Central Union invited I.V.Maisky (Lyakhovetsky) to lead a small-scale mission which was to make a short visit to Mongolia before the forthcoming cattle deal to clarify the further prospects of Russian-Mongolian trade. This was how the future prominent diplomat, who was also a brillaint journalist, writer of memoirs, historian, member of the Academy, a person widely-known both in Russia and abroad, first found himself amidst the "half-primitive life of Central Asia". Here he came to know Aleksey Vasilyevich Burdukov, then head of the Russian-Mongolian trading centre in Khangeltsyk. This was "a true self-made man", a prominent Mongolist, a brilliant expert in Mongolian life, an author of numerous papers on Mongolian ethnography, language, history, and the compiler of the Mongolian-Russian dictionary. I.V.Maisky's letters to A.V.Burdukov, written in 1919-33 and published by E.I.Darevskaya, besides illustrating the friendly relations between th two extraordinary people who lived in a troublesome period of history, reflect also a difficult stage of their political biographies, the interaction of their political views to the mutual benefit for the spiritual worlds of both.

The second part of the collection is opened with S.V.Dmitriyev's article "A version of Temuchin's coronation, from the viewpoint of Teb Tengri's political logic", in which Temuchin's coronation, reconstructed on the basis

of various sources, orings the author to the conclusion that these sources reflect different political traditions in the treatment of the specific event. All these traditions proceed from the same political rule: when a fierce struggle is poing on for power, for the leadership, the winner, who strives to legitimize the power gained by him as a result of his victory, either discredits his opponent or idealizes his past image and their past relations, wishing to represent things in such a way as though their lives were governed by external factors rather than by themselves.

Although being unable to reveal the causes of historical events, the archive documents (certificates, protocols and other) may occasionally add new touches to our knowledge of these events. This is especially true of the confused and contradictory history of the early 20th century. Yu.V.Kuzmin's article "Russian-Mongolian relations in 1911-12 and the attitudes of the Russian society" deals with unique documents which are kept at Russian archives and almost completely overlooked by our modern scholars. They pertain to the international situation which arose in 1911 in the triangle Russia—Mongolia —China following the emergence of the independent state of Mongolia after the Sinhal Revolution in China and the national liberation movement in Mongolia. Outlining polar views of the development of the relations between Russia and Mongolia, Kuzmin focuses on documents illustrationg the attitudes of the Russian intellectuals, including Academician B.Ya.Vladimirtsov, journalist and writer I.I.Popov, linguist and ethnographer N.P.Yevstafyev, who advocated the creation of an independent Mongolian state and the equitable nature of Mongolo-Russian relations; they also suggested that aid should be offered to Mongolia. The publication of these documents is especially topical nowadays, at the time when Russia actively extends her relations with the Eastern countries.

Frequent removals adversely affected the collection of phonographic recordings on wax cylinder which is now possessed by the Institute of Russian Literature (Pushkin House); for example, two cylinders from Ochirov's collection of Kalmyk folk music, with the recordings of the Kalmyk epic Zhangar, were later possessed by Academician Vladimirytsov. The fact has been established by V.K.Shivlyanova, who worked at the archives of sound recordings in 188-89. Her article "Academician Vladimirtsov's collection of phonographic cylinders, now at the archives of sound recordings of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)" deals with the recordings collected by Vladimirtsov in 1911-12 in northwestern Mongolia. Shivlyanova's publication includes the list of this collection, made by A.B.Burdukov in 1936.

Museum collections are still growing and being studied even today. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography possesses a collection of musical instruments brought by the folklore mission to Mongolia which was organized by the Institute of Ethnography and Anthropology in the 1930s. Among the specimens are yechins, morin khurs, shanzes, and lutes. Mongolian music and musical instruments are an important element of Central Asian musical culture. Unfortunately, they are addressed by only few of the Russian musical studies. These include S.N.Kibirova's paper "Central Asian lutes among the instruments of Mongols, Buryats, and Uygurs", which focuses on the origins and history of this musical instrument.

The concluding article is N.S.Yakhontova's translation of a Mongolian text titled "Brief Outline of The Key of Mind" and believed to have been written by Tengiz-Khan. This manuscript ia possessed by the Archives of the Institute of Oriental Studies and ia well known to the historians of Mongolia.

The collection has been prepared by people working at the Istitute of Oriental Studies Saint-Petersburg Branch, while separate papers have been written by specialists associated with various academic centres of Russia, including Buryatia, Kalmykia, Kazakhstan. The book may be of interest not only for the nattow circle of Mongolists, but for everybody who is not indifferent to the history of Russian science, that is, for the broad public.

Предисловие

Сборник "Монголика-3" состоит из двух частей: первая — "Из истории российского монголоведения" и вторая — "Монголоведение сегодня".

История Российского монголоведения еще не написана. Лишь в отдельных сборниках, монографиях и статьях затронуты те или иные, чаще всего отрывочные сюжеты, касающиеся этой темы. Для написания более чем двухсотлетней истории монголоведной науки необходимо предварительно собрать громадный материал, чтобы заполнить многочисленные лакуны, не позволяющие представить этот процесс как нечто поступательное, единое, сохраняющее преемственность поколений. Представляется, что этот чрезвычайно важный этап накопления и издания подобных материалов будет завершен не скоро, поскольку до настоящего времени осталось немало "белых пятен" и "забытых страниц", касающихся целых периодов существования этой науки.

Колыбелью отечественного монголоведения считается Казань, где впервые на научную основу было поставлено изучение истории, культуры, религии монголоязычных народов, собирание монгольских книг и рукописей. Но до сих пор как само собой разумеющееся среди отечественных востоковедов бытует ошибочное мнение, что после перевода восточного факультета в Петербургский университет, казанское монголоведение прекратило свое существование, в то время как еще на протяжении нескольких поколений преподавателей-монголоведов, стажеров вплоть до октября 1917 г. в Казанской Духовной Академии велась активная творческая работа по изучению языков, литературы, этнографии, религии монгольских народов, писались научные труды по филологии и истории, готовились миссионеры для работы в епархиях с бурятским и калмыцким населением, переводилось большое количество христианских книг на народный бурятский и калмыцкий языки. Развитие монголоведения в КДА было прервано в то время, когда оно находилось на этапе своего второго подъема. Эта страница истории отечественной науки до сих пор осталась не прочитанной, хотя несомненного внимания заслуживают и высокий уровень преподавания предметов монгольского отделения, о чем говорят методические пособия и учебники, которыми пользуются студенты восточных факультетов и по настоящее время, и имена известных монголистов, преподавателей и профессоров КДА, оставивших свои научные труды по религии монгольских народов, такие как А.И.Попов, В.В.Миротворцев, И.В.Попов, А.А.Бобровников, архимандрит Гурий, и международные связи КДА, и библиотека с богатейшей коллекцией монгольских и тибетских книг, и этнографический музей, где было собрано большое количество предметов быта и культа инородцев миссионерами — бывшими выпускниками КДА, дальнейшая судьба которого также неизвестна. И этот богатейший пласт нашей духовной культуры, питавший несколько поколений отечественных монголоведов, остается совершенно неосвещенным в истории науки, как не прослежена и преемственность от первых самородков и миссионеров-подвижников, работавших в бурятских и калмыцких улусах — до национальной интеллигенции Бурятии и Калмыкии, в то время, как немало имен родоначальников целых семейных кланов потомственной интеллигенции, таких как Ширакшиновых, Шастиных, Бадмаевых, Нормаевых были связаны с КДА.

Статья В.Л.Успенского "Монголоведение в Казанской Духовной Академии", открывающая сборник, посвящена именно этой "забытой странице" отечественного монголоведения.

Хронологически примыкает к этой статье следующая статья Е.М.Даревской "Англичанин из Лондона в ургинской школе", посвященная образованию и работе первой светской общеобразовательной школы европейского типа в Урге при российском консульстве. У истоков ее создания стоял Российский консул в Урге В.Ф.Люба, непосредственно руководил ее созданием Ц.Жамцарано. Первый учебный 1912-1913 год был удачным, и 14 учеников из Урги были отправлены для продолжения образования в Троицкославск и Иркутск. Среди преподавательского состава Ургинской школы автор выделяет преподавателя английского языка Frederick Georg Whittik. Этому человеку и посвящена статья Даревской.

Блестяща плеяда монголоведов 20-30 годов XX века. Ставшие свидетелями и участниками решающих событий новейшей истории монгольского народа, эти исследователи нередко совершали свой научный подвиг в той политической обстановке, которая не способствовала сколько-нибудь полному раскрытию их научного потенциала. Слишком много осталось неизвестным и неопубликованным в их творческом

наследии, а между тем их записи, суждения, анализ и обобщения сохранили значимость первоисточника, без которого суждения нынешних авторов о том этапе исторической жизни Монголии, не всегда полны.

XX век изменил лицо отечественной монголистики. Наряду с классическим изучением традиционной культуры и литературы монголов, бурят и калмыков, формируется ветвь исследователей, которые волею судьбы попав в Монголию, знакомясь с ее культурой, природой, испытывая при этом живой интерес к ее народу, фиксируют сначала свои первые внешние, подилетантски поверхностные впечатления, но затем, углубляя приобретаемые теоретические знания, становятся основателями целых направлений советского монголоведения. Это имена Н.П.Шастиной, А.Д.Симукова, С.А.Кондратьева. В то время молодая научная жизнь концентрировалась вокруг Ученого Комитета МНР, из которого впоследствии выросла Академия Наук МНР. На работу в него были приглашены из Петербурга Цыбен Жамцарано и Базар Барадийн, имевшие к тому времени большой опыт научно-исследовательской и экспедиционной работы. Именно Ц.Жамцарано предложил молодым сотрудникам А.Д.Симукову и С.А.Кондратьеву, работавшим в то время в археологической экспедиции П.К.Козлова на раскопках Ноинульского кургана, после завершения экспедиции остаться в Улан-Баторе для работы в Ученом комитете. Предложение было принято, и Кондратьев становится организатором и директором первого этнографического музея Улан-Батора, а А.Д.Симуков — сотрудником Географического отдела Ученого Комитета.

Впоследствии имя А.Д.Симукова, посвятившего всю свою жизнь исследованиям географии и экономики Монголии, где он провел 16 лет, станет легендой в монгольских степях, однако, с 30-х годов в монголоведной литературе оно надолго исчезает, хотя, по оценкам специалистов, приоритетность исследований, объем, широта, диапазон и глубина затронутых А.Д.Симуковым проблем свидетельствуют о том, что он может встать в ряд ведущих монголоведов в области экономики и географии Монголии XX века. Публикация материалов А.Д.Симукова, подготовленная его дочерью — Натальей Андреевной Симуковой, предваряемая кратким биографическим очерком, написанным также ею, ставит своей целью впервые раскрыть некоторые неизвестные обстоятельства жизни и творчества А.Д.Симукова, предложить неизвестные фрагменты доклада "О двенадцатилетней работе в МНР и ее результатах" и ставший библиографической редкостью отчет "Итоги работы Географического отдела Научно-исследовательского Комитета МНР за 15 лет", напечатанный в журнале "Современная Монголия" за 1936 г., N 4. Данная публикация также продолжает начатое совместными усилиями Академии Наук России и Монголии при активном содействии Российской и Международной ассоциации монголоведов дело по возвращению в науку имени А.Д.Симукова, внесшего большой вклад своими исследованиями в развитие отечественного монголоведения XX века.

Нина Павловна Шастина, ставшая одним из ведущих монголоведов XX века, появляется в это время в Монголии, следуя за семьей своего отца — врача П.Н.Шастина, приехавшего туда для налаживания медицинского обслуживания местного населения. Именно в это время у нее зародился интерес к буддийской тематике, к которой она будет обращаться на протяжении всей своей научной жизни. Необычность публикации, подготовленной К.Н.Яцковской, состоит в том, что ею выбраны одни из первых неоконченных фрагментов научных статей молодого ученого, характеризующие ее научный старт. Самоценность же этих материалов — в том, что они содержат подробнейшие, хотя и неполные сведения об уникальном монастырском комплексе, к сожалению, не сохранившемся до настоящего времени. В статье, предваряющей публикацию, дается абрис тогдашней Монголии, куда попала молодая Нина Павловна. Сюда же на практику в Ученый Комитет МНР двумя годами раньше приезжает студент Петроградского института живых восточных языков Владимир Александрович Казакевич, впоследствии "единственный крупнейший специалист в области истории монголов XII-XVII вв.", как его характеризует впоследствии Н.Н.Поппе в докладной записке тогдашнему директору Института востоковедения А.С.Самойловичу. Имя В.А.Казакевича также не получило должной оценки в монголоведных кругах, его научная жизнь трагически оборвалась подобно судьбе, постигшей многих других востоковедов того периода, таких как А.Д.Симуков, Ц.Жамцарано, Б.Барадийн, А.В.Бурдуков, и завершилась расстрелом в Ленинграде в 1937 г., оставив незавершенными планы глубокой археологической разведки на территории Центральной части Монголии в бассейне рек Онона и притоков Онгийн гола и районах Северной Гоби. Автор статьи "В.А.Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе" И.И.Ломакина, не затрагивая многих аспектов научных интересов В.А.Казакевича, обращает внимание лишь на один эпизод его жизни, связанный с легендарной личностью, сыгравшей определенную роль в политической жизни Монголии того периода, до конца еще не понятую и не получившую объективно полного объяснения — с Джа-ламой. Автор предлагает читателю документы и полевые записи, сделанные В.А.Казакевичем в Монголии и попавшие в архив В.Д.Якимова, его коллеги по институту, историка-монголоведа, задумавшего написать в 1937 году повесть "Святой бандит. Наместник Будды".

Не так много написано о советском востоковедении 20-30-х годов. Тем большего внимания заслуживают "Воспоминания" Н.Н.Поппе — одного из крупнейших отечественных ученых наших лет, вышедшие в США в 1983 г., где автор рисует целую галерею виднейших ученых востоковедов первой трети XX в.: А.Н.Самойловича, Н.Я.Марра, Е.Д.Поливанова, П.К.Коковцева, Л.Я.Штернберга, С.Е.Малова и др. Но отчетливее всего его мемуары характеризуют личность самого Н Н.Поппе, идущего на многие компромиссы с жизнью, чтобы иметь возможность заниматься любимым делом, которому он посвятил семь десятилетий творческой работы, издав около 50-ти книг, множество статей и рецензий. Критическому разбору этих "Воспоминаний" посвящена статья А.М.Алпатова.

Возможность торговых отношений с Монголией всегда занимала Россию, решалась она торговыми экспедициями, направляемыми туда в разное время. Одна из самых крупных таких экспедиций была снаряжена в 1910 году по инициативе сибирского купца Трапезникова. В ней участвовали представители 73-х фирм. В молодой России для осуществления торговых отношений с зарубежными странами был создан центральный Союз потребительских обществ, Иркутская контора которого специализировалась на торговле со странами Дальнего Востока, в том числе — с Монголией. Весной 1918 года Центросоюз предложил И.В.Майскому (Ляховецкому) возглавить небольшую краткосрочную экспедицию в Монголию перед предстоящей закупкой там скота для выяснения дальнейших возможностей и перспектив русско-монгольской торговли. Так впервые попадает в "полупервобытную обстановку Центральной Азии" будущий выдающийся дипломат, блестящий публицист и мемуарист,

ученый-историк, академик, широко известный у нас и за рубежом. Здесь он знакомится с "настоящим самородком" — выдающимся монголистом, прекрасным знатоком быта монголов, автором многочисленных статей по этнографии, языку, истории монголов, создателем русско-монгольского словаря — Алексеем Васильевичем Бурдуковым, возглавлявшим тогда центр русско-монгольской торговли в Хангельцыке. Е.И.Даревская предлагает к публикации письма И.В.Майского А.В.Бурдукову периода 1919-1933 гг., свидетельствующие не только о дружеских отношениях двух интереснейших людей сложной исторической эпохи, письма отражают также трудный период политической биографии, взаимовлияние политических взглядов и взаимообогащение духовного мира обоих.

Вторая часть сборника открывается статьей С.В.Дмитриева "Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики. I. Тэб-Тэнгри", в которой на примере сюжета коронации Темучина — Чингисхана — прослеженному по разнообразным источникам, автор приходит к выводу, что в них отражены разные политические традиции в трактовке конкретных событий, которые исходят от существующего в политике правила: когда идет жесткая борьба за власть, за лидерство, победитель в этой борьбе, чтобы легитимизировать полученную в результате победы власть, либо дискредитирует своего противника, либо, "задним числом", идеализирует его и свои с ним отношения, желая представить дело таким образом, что якобы обстоятельства, а не человек становятся властными над судьбой каждого из них.

Часто архивные материалы: справки, документы, протоколы, если и не раскрывают причин каких-либо исторических событий, то добавляют штрихи к знаниям о них, особенно это касается такого противоречивого, неоднозначного времени, каким является начало XX века. На уникальных материалах по русско-монгольским отношениям, которые крайне редко и фрагментарно используются нашими современными учеными, находящимися в архивах России, написана статья Ю.В.Кузьмина "Русско-монгольские отношения в 1911-1912 годах и позиции общественных кругов России", посвященная рассмотрению международной ситуации в треугольнике: Россия-Монголия-Китай, сложившейся в 1911 году после создания независимого государства в Монголии в результате синьхайской революции в Китае и национально-освободительного движения в Монголии. Представляя полярные точки зрения на проблемы развития русско-монгольских отношений, автор особо останавливается на документальных свидетельствах, представляющих мнение по этому вопросу кругов российской интеллигенции: акад. Б.Я.Владимирцова, публициста и писателя И.И.Попова, языковеда и этнографа Н.П.Евстафьева, которые ратовали за создание независимого монгольского государства, равноправность монголо-российских отношений, предлагали оказать помощь Монголии. Раскрытие подобных ранее неизвестных документов чрезвычайно актуально в то время, когда активно расширяются отношения России со странами Востока.

Проблема формирования и атрибуции коллекций стоит в настоящее время на первом месте с музейной и архивной работе. На надежную сохранность и правильную оценку коллекции влияет в частности стабильность ее местонахождения. Расформирование, перемещение и передача коллекции в другие фонды всегда имеют негативные последствия, приводят к невосполнимым потерям. Так частые переезды пагубно сказались на коллекции фонографических валиков, находящейся ныне в Институте русской литературы (Пушкинской Дом), в результате которых, например, два валика из коллекции Н.Очирова — собирателя калмыцкого музыкального фольклора, с записями "Жанграра" — известного калмыцкого эпоса — попали в коллекцию Б.Я.Владимирцова, что удалось выяснить работавшей в фонограммархиве в 1988-1989 годах В.К.Шивляновой, статья которой "Коллекция фонографических валиков академика В.Я.Владимирцова, находящаяся в фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинской Дом)", посвящена коллекции, собранной ученым в 1911-1912 годах на Северо-Западе Монголии. В.К.Шивлянова приводит опись этой коллекции, выполненную в 1936 году А.В.Бурдуковым.

Пополнение и изучение музейных коллекций продолжается и в настоящее время. В Музее этнографии им.Петра Великого находится коллекция музыкальных инструментов, привезенная фольклорной экспедицией, организованной Институтом этнографии и антропологии в 30-е годы в Монголию, среди которых есть ечины, морин хуры, шанзы, лютни. Музыка и музыкальные инструменты монголов — одна из важных составляющих частей музыкальной культуры Центральной Азии. В отечественном музыкознании пока, к сожалению, мало работ, посвященных исследованию музыкальной культуры монголов. В этой связи интересным представляется исследование С.Н.Кибировой "Лютни Центральной Азии в инструментарии монголов, бурят, уйгуров", посвященное истории формирования и бытования этого музыкального инструмента.

Завершает сборник публикация Н.С.Яхонтовой "Краткое изложение "Ключа разума"", которая представляет из себя публикацию текста и перевод на русский язык монгольского текста памятника, авторство которого приписывается Чингис-хану. Текст этот хранится в Архиве востоковедов. Он хорошо известен историкам монгольской литературы. Списки его имеются во многих собраниях мира. Однако, рукопись, которая представлена в публикации, является совершенно самостоятельным сочинением.

В.Л.Успенский

Монголоведение в Казанской Духовной Академии

Казань является колыбелью российского монголоведения. Хорошо известны труды О.М.Ковалевского в Казанском университете по изучению истории и культуры Монголии, собиранию монгольских книг и рукописей. Между тем среди отечественных монголоведов считается само собой разумеющимся, что после перевода восточного факультета Казанского университета в Петербург монголоведение в Казани прекратилось совершенно. Данная статья имеет своей целью положить конец этому заблуждению наших монголоведов и воздать должное работе нескольких поколений монголоведов-преподавателей и выпускников Казанской Духовной Академии (в дальнейшем, кроме цитат, — КДА), которая продолжалась и после перевода восточного факультета в Петербург и которую прекратила лишь большевистская революция 1917 г.

КДА была основана на основе духовной семинарии в 1797 г., но уже в 1818 г. была закрыта. Вновь КДА была открыта в 1842 г., и в этом же году началась подготовка миссионеров, а в 1854/55 учебном году были открыты миссионерские отделения против раскола, ислама и буддизма. В 1808-1869 гг. все епархии России были разделены на четыре духовно-учебных округа, каждый под ведением своей духовной академии. Как отмечал ректор КДА архимандрит Иоанн (В.Соколов; 1818-1869), "от Камчатки до Кавказа, от Нижнего Новгорода до Томска и Енисейска, не считая самой Камчатки, простирается учебный округ Казанской академии" [1, с.433]. Поскольку калмыки и буряты проживали на территориях, входивших в учебный округ КДА, то именно в ней готовились миссионеры для проповеди православия среди этих народов.

Осенью 1917 г. КДА отметила свой 75-летний юбилей. Для произнесения на торжественном собрании по случаю этого события (впрочем, "по условиям переживаемого времени" такое собрание не состоялось), один из профессоров КДА подготовил речь (оказавшуюся эпитафией), в которой, в частности, отмечал: "противобуддийское отделение большею частию не испытывало недостатка в честных и усердных тружениках — укажем, например, на выдающегося проф. А.А.Бобровникова; но, не имея физической возможности, по дальности расстояния, входить в непосредственное общение с исповедниками буддизма-ламаизма, означенные труженики, вследствие этого, не имели и благоприятных условий для полного раскрытия своих талантов; отсюда работы членов противобуддийского отделения носили не столько практический, сколько теоретический характер" [1, с.437]. О деятельности А.А.Бобровникова (1822-1865) в КДА следует рассказать подробнее.

Алексей Александрович Бобровников был сыном иркутского протоиерея А.Бобровникова, который вел миссионерскую работу среди бурят, свободно владея бурятским и монгольским языками. Его мать была, судя по некоторым сведениям, буряткой; во всяком случае, с родственниками своими она общалась исключительно по-бурятски. Кроме того, дом его отца в Иркутске был даровым пристанищем для приезжих бурят, так что бурятская речь окружала будущего монголоведа с раннего детства.

Поступив в 1842 г. в КДА, Бобровников сразу же начал заниматься монгольским языком. С 1843 г. он ходил в Казанский университет на лекции О.М.Ковалевского. После официального открытия кафедр восточных языков в КДА, Бобровников засел за изучение монгольского и калмыцкого языков вплотную. В КДА занятия по монгольскому языку в это время вел один из "первоучителей" монгольского языка проф. А.И.Попов. Кроме того, Бобровников продолжал посещать лекции по истории и культуре монголов, которые читал Ковалевский. С монгольскими книгами Бобровников не расставался в аудитории и на занятиях по другим предметам.

Как вспоминал один из сокурсников Бобровникова, тот был "человек с благороднейшим характером, честный и откровенный товарищ, и в то же время веселый комик, тонкий и наблюдательный юморист, веселый рассказчик, выдумщик всяких студенческих проказ, душа курса". [2, с.77]. В результате этих "проказ" Бобровников едва не был уволен из КДА и даже сам подумывал о переводе в Казанский университет. Причем инспекция КДА рассматривала даже заявления вроде того, которое подал служитель Федька Косой о том, что "однажды, распарившись в бане, видел, как сама нечистая сила с треском свалилась с потолка бани на пол, потом обратилась в студента Бобровникова, потом провалилась сквозь землю" [2, с.77]. Однажды во время сильного холодного дождя Бобровни-

ков решил продемонстрировать свое сибирское здоровье и стал босиком выплясывать на улице. Результатом стал сильный ревматизм. Однако ректор КДА Григорий относился к Бобровникову очень внимательно. Заботясь о его здоровье, ректор выпросил для него разрешение жить вместе с другими больными студентами в загородном архиерейском доме.

Для своего курсового сочинения Бобровников взял всеохватывающую тему по буддизму. Несколько месяцев Бобровников работал над этой темой с четырех утра до позднего вечера. Исписав около 200 страниц, Бобровников не написал и половины задуманной работы. Когда же он начал харкать кровью, то уже доктор КДА заставил его сузить тему. Сократив свои первоначальные планы, в течение великого поста 1846 г. Бобровников написал сочинение "О различии между христианским и буддийским учением о любви к ближним" (частично опубликованной в Ученых записках Имп.Казанского университета в 1865 г.).

Стараниями ректора Григория Бобровников, окончив курс, попал на кафедру КДА. Ректор дал ему следующее поручение. Для преподавания монгольского и калмыцкого языков в духовных семинариях и самой КДА необходимы были учебные пособия. Если по монгольскому языку такие пособия были, то по калмыцкому — нет. Проф. А.И.Попов давно занимался сбором материала для своей калмыцкой грамматики. Поэтому ректор первоначально обратился к нему с предложением написать такое пособие. Однако размер вознаграждения за подобный труд, которое проф. Попов желал получить, оказался слишком тяжелым для КДА. Тогда ректор предложил написать учебное пособие по калмыцкому языку Бобровникову, который был тогда еще студентом. После некоторых колебаний, тот согласился, однако попросил для себя ученую командировку в калмыцкие степи для более глубокого изучения калмыцкого языка. К окончанию курса было получено разрешение Св.Синода на его командировку сроком на три месяца с выдачей на проезд и содержание 130 руб. (забегая вперед, скажем, что в Астрахани Бобровникову пришлось занять еще 50 руб.). Во время командировки Бобровников должен был:

1. сколько возможно глубже изучить калмыцкий язык в лексическом и грамматическом отношениях, выяснить различия между письменным и разговорным, монгольским и калмыцким языками;

2. возможно обстоятельнее изучить буддийское исповедание калмыков в его догматах и обрядах;

3. приобрести возможно полное понятие об их нравах и обычаях, их нравственности, домашнем и общежительном состоянии [2, с.332-333].

Проф. Попов предложил пункты, в которых Бобровников должен был останавливаться: хурул Хотоутовского улуса кн.Тименева близ Астрахани и ставка кн.Тундутова, владельца Мало-дербетьевского улуса в 20 вестрах от Сарепты.

12 июля 1846 г. Бобровников отправился в путь. Дорога была нелегкой и отняла много времени. Собственно в калмыцких степях он пробыл 33 дня.

По возвращении в Казань Бобровников принялся за составление грамматики. Для необходимых справок по калмыцкому языку он привез в Казань калмыцкого мальчика-сироту Ачирку (Очир), которого подарил ему один из калмыцких владельцев. Этот живой и разговорчивый ребенок прожил у Бобровникова несколько месяцев, а зимой 1847 г., несмотря на все уговоры, возвратился в свои родные степи с проезжими земляками. Другим помощником Бобровникова был бурятский ученый Доржи Банзаров, с которым он подружился во время посещения лекций в университете.

При написании своего труда Бобровников столкнулся с большими трудностями. Он "хотел разгадать законы монгольского языка, как он есть в самом себе, но на эту тему не нашел ни малейшего указания у предшественников. Весь труд его был самостоятельный [...] Замечательно, что покойный Банзаров, ученый монгол, не мог объяснить ему глагольных форм своего родного языка; воспитанный в русской гимназии, он сбивался на русскую грамматику и не мог представить в чистом виде законы своего языка, который однако же в разговорах и письме употреблял совершенно правильно. Бобровников долго не мог напасть на настоящую суть. Главу о глаголах он переписывал несколько раз". [2, с.338]. Самая упорная работа происходила осенью 1847 г. во время эпидемии холеры, когда занятия в КДА не проводились. Бобровников нанял себе квартиру на чердаке одного дома и работал так, что его нельзя было оттащить от книг. Наконец, 21 мая 1848 г. его работа, получившая окончательное название "Грамматика монгольско-калмыцкого языка", была представлена ректору КДА. О.М.Ковалевский дал самый лестный отзыв на это сочинение. В ноябре того же года Св.Синод дал разрешение на печатание грамматики в количестве 1200 экземпляров. Печатание продолжалось целый год, и за это время Бобровников почти полностью переделал свой труд, "состязаясь в быстроте своей работы с наборщиком" [2, с.340]. За эту работу Синод выделил Бобровникову премию в размере 1200 руб. серебром.

В 1850 г. Бобровников представил свою работу в Академию наук на соискание Демидовской премии. Работа была вновь представлена на отзыв О.М.Ковалевскому, который на этот раз дал более чем сдержанный отзыв. Причиной послужил тот факт, что как раз в это время в "Петербургских Ведомостях" появилась заметка за подписью М.Т., в которой грамматика Бобровникова восхвалялась, а научные заслуги Ковалевского и Попова полностью отрицались. Ковалевский заподозрил самого Бобровникова в написании этой заметки (как впоследствии выяснилось, безосновательно, — ее автором был тюрколог И.Н.Березин). Однако Бобровников получил поддержку академика О.Н.Бетлинка, который сам в это время работал над грамматикой якутского языка и читал труд казанского монголоведа еще в типографских листах. Академия наук присудила Бобровникову вторую Демидовскую премию в размере 714 руб. серебром.

Бобровников работал в КДА до 1855 г., когда по материальным причинам он перевелся в пограничную комиссию в Оренбурге, где и умер в бедности через десять лет.

В 1850-1853 гг. в КДА вместе с Бобровниковым работал ученый лама-бурят Галсан Гомбоев, который даже не требовал себе никакого вознаграждения, кроме предоставления ему казенной квартиры в зданиях КДА. За особую плату Гомбоев занимался перепиской необходимых для библиотеки КДА монгольских рукописей. Вместе с Бобровниковым они составляли калмыцкие хрестоматию и разговорник. В этой работе они стремились в сжатой форме представить все житейские обычаи и поверья калмыков. Труд этот остался неоконченным, а потом и вообще куда-то пропал [2, с.343].

После ухода Бобровникова монголоведение в КДА пришло на некоторое время в полный упадок. В 1863-1871 гг. преподавание миссионерских предметов по монгольскому отделу вел проф. В.В.Миротворцев. Однако вскоре не нашлось желающих обучаться на этом отделении, и на этом основании предлагалось вообще закрыть его. Хотя закрытие не состоялось,

преподавание монгольского языка было восстановлено в КДА лишь в 1884 г. В этом году в КДА были образованы две кафедры:

1. кафедра истории и обличения ламайства и монгольского языка с бурятским наречием;

2. кафедра калмыцкого наречия, общего филологического обзора языков и наречий монгольского отдела, этнографии племен этого отдела и истории распространения христианства между ними.

На первой кафедре преподавал проф. Миротворцев, а на второй — кандидат КДА М.С.Нефедьев. Практикантом калмыцкого языка был калмык Дик (в крещении Михаил) Бадмаев [3, сс.28-29, 246, 271].

В 1889/90 учебном году преподавание специальных предметов распределялось на монгольском отделении следующим образом. Миротворцев читал со студентами 1-го курса "Монгольскую хрестоматию" Ковалевского (1 том), со 2-м курсом переводил "Богда Дзунхаба-йн цадиг", с 3-м курсом "Тонилху-йн чимэг" из 2-го тома хрестоматии Ковалевского, с 4-м курсом переводил летопись Саган-Сэцэна, разбирал переводы христианской литературы на бурятский язык и читал произведения монгольской и бурятской народной литературы. Кроме этого, студентам 3-го курса Миротворцев прочитал курс по истории буддизма хинаяны в Индии, в 4-му курсу — историю буддизма махаяны в Индии, истории буддизма в Тибете и среди монгольских племен. Нефедьев же читал со студентами 1-го курса изданные А.М.Позднеевым калмыцкие сказки, на 2-ом курсе — "Цаклаши угей насунду дэльгэрулунчи кэмэху шастир", а с 3-м и 4-м курсами занимался переводом сакусунов, йосолийн судуров и памятников исторической литературы астраханских калмыков, изданных Позднеевым [4, с.31-32].

В 1889/90 гг. при КДА были открыты двухгодичные миссионерские курсы как по татарскому, так и по монгольскому отделам. Цель курсов была "вооружить необходимыми знаниями таких лиц, которые, при всей своей преданности миссионерскому служению, не могут поступить в число действительных студентов Академии. Поэтому и в состав курсов, по избранию и рекомендации начальств епархий с инородческим населением и православного миссионерского общества, дозволено поступать всем, кто, определившись в своем направлении, желает посвятить себя миссионерскому служению, без различия звания и прав по образованию и без всякого испытания" [3, с.253]. Большинство предметов читалось слушателям миссионерских курсов совместно со студентами. Отметим, что в числе первых слушателей монгольского отдела миссионерских курсов был священник Иркутской епархии Николай Иакинфович Шастин, а его сын Павел Николаевич Шастин тогда же стал студентом монгольского отделения КДА [5, сс.99, 194]. Намного позже, уже в 20-е годы нашего столетия последний много потрудился на ниве здравоохранения Монголии. Его дочь, Н.П.Шастина стала известной советской монголисткой.

Вскоре после смерти Миротворцева в 1891 г. преподавать на кафедре монгольского языка стал И.В.Попов, на кафедре калмыцкого языка — И.И.Ястребов (в монашестве Иннокентий). С 1901 г. практикантом калмыцкого языка в КДА стал работать калмык Л.Нормаев. В связи с отказом последнего принять православие, он был заменен вернувшимся в академию Нефедьевым, который, по всей видимости, свободно владел калмыцким языком. В последнее десятилетие существования КДА монголоведение в ней стало развиваться стабильно и быстро. Можно сказать, что революция положила конец казанскому монголоведению во время второго подъема. Связан этот подъем, прежде всего, с деятельностью архимандрита Гурия.

Окончив монгольское отделение КДА в 1906 г., Гурий (в миру А.И.Степанов) уже через четыре года стал ее экстраординарным профессором, а еще через два года — ее инспектором. В духовных академиях инспектор был вторым после ректора человеком, заменял его в случае отсутствия или болезни и отвечал за работу со студентами. В 1916 г. он получил ученую степень доктора церковной истории за свой труд "Очерки распространения христианства среди монгольских племен". Опубликованный 1-й том этого капитального труда посвящен калмыкам. В нем было использовано много архивных материалов, хранившихся в различных духовных учреждениях Астрахани, Ставрополя и других городов. Едва ли эти материалы сохранились. Кроме того, при написании вводного общего очерка истории монголов, Гурий использовал неопубликованный труд Ковалевского по истории монголов.

Гурий использовал свои организаторские способности и административные возможности для лучшей постановки преподавания в КДА миссионерских предметов монгольской группы. На заседании совета КДА в 1912 г., обсуждавшим вопрос об увеличении числа преподавателей миссионерского отделения, Гурий сформулировал проблемы монголоведения следующим образом: "на монгольской группе миссионерского отделения приходится иметь дело не с двумя языками, как это на татарской группе (татарским и арабским), а с четырьмя (монгольским, калмыцким, бурятским и тибетским), где при этом всего только три преподавателя". "Языки тибетский и монгольский сравнительно с арабским и татарским представляют немало затруднений в том отношении, что они мало исследованы, особенно тибетский". Гурий поставил вопрос о необходимости привлечения для работы в КДА практиканта по бурятскому языку, поскольку "бурятский язык... является языком более значительной по объему и устойчивой по национальности, чем калмыки, массы бурятского народа". "Что касается преподавания ламаизма, то здесь преподавателю приходится иметь дело с научной областью, которая гораздо менее разработана, чем ислам; ему приходится пролагать первые пути в этой области и совершенно одиноко, тогда как на татарской группе над изучением ислама потрудилось и трудится немало известных ученых в различных учебных заведениях. Кроме того, как история, так и самая система ламаизма несомненно во много раз сложнее истории и системы ислама" [6, сс.115-117]. Последние слова архимандрита Гурия актуальны по сей день.

Вопрос о практиканте бурятского языка был решен довольно скоро. С 1914 г. им стал крещеный бурят И.И.Шаракшинов (отец известной советской исследовательницы бурятского фольклора и эпоса Н.О.Шаракшиновой).

Тибетский язык был внесен в программу предметов по монгольскому отделу миссионерского отделения КДА в 1911 г. Поэтому остро встал вопрос о подготовке преподавателя. 12 января 1912 г. совет КДА рассмотрел вопрос о командировании иеромонаха Амфилохия (в миру А.Я.Скворцов) в Монголию для изучения тибетского языка. Афилохий окончил КДА в 1910 г. и затем в течение года совершенствовался в монгольском и калмыцком языках в Петербурге под руководством А.М.Позднеева. Вот что писал Амфилохий в своем заявлении на имя ректора КДА: "Изучение системы ламаизма возможно только по двум источникам: монгольским и тибетским. Первые из этих источников представляют из себя переводы с тибетского языка, и, нужно сказать, что эти переводы — лишь опыты передачи богатой религиозной мысли и, как таковые, они не могут со всей полнотой и ясностию излагать учение буддо-ламаизма. Переводы эти местами настолько темны и неудачны, что сами монголы стараются избегать их и по возможности пользоваться

тибетскими подлинниками, как более полно охватывающими и совершенно передающими мысли ламайского учения.

Приступая к изучению ламаизма, мне приходится пользоваться только этими несовершенными монгольскими пособиями. Между тем система ламаизма у нас еще настолько мало разработана, что полное и всестороннее изучение ее возможно только по первоисточникам. В литературе русской, равно и иностранной, доселе нет научных трудов, которые бы исследовали ламаизм со всех сторон. В ней более или менее удовлетворительно исследована обрядовая сторона, как более легкая для изучения. Догматическое же и нравственное учение совершенно не изучены. Миссионерские задачи нашей Академии между тем требуют основательного изучения именно этой стороны.

Не зная тибетского языка и поставленный таким образом в затруднительное положение при изучении ламаизма, я считаю своим долгом довести до Вашего сведения, Ваше преосвященство, что возложенное на меня указанное изучение ламаизма только тогда будет возможно, когда мною будет изучен кроме монгольского языка еще и тибетский язык. А это возможно не иначе как только после годичной или более командировки меня в Монголию, где проживает немало пришлых из Тибета лам, у которых бы я и подучился тибетскому языку" [6, сс.4-6].

Совет КДА поддержал просьбу Амфилохия, Синод также быстро дал свое разрешение. Было решено командировать Амфилохия в Монголию с 15 августа 1912 г. по 15 августа 1913 г. Однако фактически Амфилохий пробыл в Монголии два года, по 15 августа 1914 г. [7, сс.9-11]. Здесь нужно отметить, что эти годы были исключительно насыщенными событиями в истории Монголии. Поскольку Амфилохий был подготовленным монголоведом, то его дневники, письма, отчеты (если они сохранились) представляли бы большой интерес для науки.

В 1915/16 учебном году Гурий читал студентам лекции по этнографии монгольских племен, по истории распространения христианства среди них. Он также вел занятия по калмыцкому языку: с 1-м курсом читал "Иисус Христосин туджи", со 2-м — "Тонилху-ин чимэг", с 3-м — "Эрджи цоджид". Амфилохий же читал лекции по теоретическим основам буддизма и ламаизма. Со 2-м курсом он читал "Сухавадийн ороннуу зохиал", с 3-м — "Улигерун ном". Тибетским языком он занимался с 4-м курсом, читая со студентами 36-ю главу "Занлуна" (=монг. "Улигер-ун далай"). Кроме того, с практикантами Менжуевым и Шаракшиновым студенты занимались разговорным калмыцким и бурятским языками [8, сс.44-45]. Если к этому добавить, что студенты КДА обязаны также были изучить большое количество богословских дисциплин, то приходится отметить, что обучение на миссионерском отделении было не самым легким.

Небезынтересным будет сказать и о международных связях КДА. Один из выпускников православной духовной семинарии в Токио, основанной св.Николаем Японским (в миру Иван Дмитриевич Касаткин; 1836-1912), Михей Иванович Накамура поступал в 1911 г. в КДА. В отчете приемной комиссии читаем следующее: "Из числа студентов, поступающих в настоящем 1911/12 учебн. году в состав первого курса, двое — Накамура Михей и Симанский Андрей держали письменное испытание по истории русской литературы: первый как иностранец, кончивший курс в Токийской (в Японии) семинарии... Писали они на тему "Личность русского князя по "Слову о полку Игореве". Ответ г.Накамура может быть признан удовлетворительным ввиду того, что г.Накамура — "из Японии" и, принимая желание высокопочтимого архипастыря Японского, высокопреосвященнейшего Николая — видеть в г.Накамура богословски подготовленного деятеля на ниве Японской миссии" [9, с.236]. Однако приемная комиссия не проявила снисхождения, и Накамура получил неудовлетворительный балл. Средний балл Накамуры был всего лишь 2,83. Как отмечалось в протоколах комиссии, "у японского уроженца М.Накамуры, за непредставлением им свидетельства об окончании курса в семинарии в Токио, каковое свидетельство, по его заявлению, находится в Св.Синоде, средний балл выведен на основании только экзаменационных отметок, Справка: 1) Циркулярный указ Св.Синода от 6 июля 1911 г. за № 20..." [9, с.244]. В итоге было решено "получивших неудовлетворительные баллы по сочинениям представить на милость и благоусмотрение его высокопреосвященства (т.е. архиепископа Казанского и Свияжского Иакова — В.У.), обязав их в случае, если разрешено будет принять их в число студентов Академии, записаться на миссионерское отделение..." [9, с.253]. В случае положительного решения, Накамуру решено было зачислить на свое содержание. В итоге Накамура стал студентом монгольского отдела миссионерского отделения. Видимо, не имея достаточных средств, он обратился (на высочайшее имя?) с просьбой выделить ему стипендию от Синода. Вопрос решился положительно и довольно быстро: уже 28 октября 1911 г. совет КДА слушал "Указ его императорского величества Самодержца Всероссийского из святейшего правительствующего Синода, на имя преосвященного Иакова, архиепископа Казанского и Свияжского от 17 октября 1911 г. за № 14163 следующего содержания: "По указу его императорского величества, святейший правительствующий Синод слушали: предложение исп. обяз. обер-прокурора святейшего Синода, товарища обер-прокурора, от 21 сентября сего года № 29046, по прошению студента 1 курса Казанской духовной академии японского уроженца Михея Накамура о назначении ему синодиальной стипендии на содержание в Академии. Приказали: Принимая во внимание, что, по отзыву и.д. наблюдателя миссионерских курсов в Казани профессора Казанской духовной академии иеромонаха Гурия, Накамура, окончивший учение на миссионерских курсах, во время обучения на сих курсах, при удовлетворительных успехах обнаруживал отличное поведение, особенно отличаясь прилежанием к храму Божию, святейший Синод определяет: назначить студенту 1 курса Казанской духовной академии японскому уроженцу Михею Накамура стипендию в установленном для Казанской академии размере из основного духовно-учебного капитала; о чем уведомить Ваше преосвященство указом" [9, с.318]. Судя по оценкам, нелегко давалась Накамуре учеба в КДА. Тем не менее, он недоучился буквально несколько месяцев. Читаем строки протоколов КДА за 1914 г.: "Студент IV курса Академии Михей Накамура 29 ноября сего года вошел к преосвященному ректору прошением, в котором писал: "Получив от японского посольства в Петрограде предложение занять место переводчика в японском отряде Красного Креста на русском театре военных действий и считая себя обязанным ответить на него согласием, я решаюсь просить Вас, Ваше преосвященство, разрешить мне немедленно сдать все экзамены за четвертый курс". Преосвященный ректор наложил на прошении г.Накамуры резолюцию: "Отпуск разрешается до конца военных действий. Доложить совету". Постановили: Сообщение принять к сведению, студента Михея Накамуру считать в отпуске до окончания военных действий" [10, с.455]. Поскольку "война империалистическая превратилась в войну гражданскую", в результате которой КДА прекратила свое существо-

вание, закончить свое образование японскому монголисту не пришлось. О его дальнейшей судьбе нам ничего не известно. В 1915 г. студентом КДА по монгольскому отделу стал другой выпускник духовной семинарии в Токио Петр Давидович Уцияма. Он также был стипендиатом Синода. [см.:11]. О нем можно сказать только то, что, поскольку он должен был окончить КДА в 1919 г., ясно, что и ему не удалось завершить свое образование.

С КДА был связан также известный немецкий монголист В.А.Ункриг (Wilhelm Alexander Unkrig, в православии Алексей Федорович; 1883-1956). Будучи протестантом по рождению, он принял православие и решил посвятить свою жизнь распространению христианства среди монголов. В.Хайссиг, знавший его лично, писал в своем некрологе, что Ункриг учился в КДА в 1908-1912 гг. [12, p.21]. Но в списках студентов его имя не значится. Судя по всему, он окончил духовную семинарию в Житомире, а монгольский язык изучал на двухгодичных миссионерских курсах при КДА (один не сильно ориентирующийся в российских просторах современный немецкий биограф и библиограф Ункрига пишет in Zitomir bei Kasan) [13, S.251]. Начавшаяся Первая мировая война поставила Ункрига, который был германским подданным, в затруднительное положение, а революция полностью разрушила его миссионерские планы. В России Ункриг переводил на немецкий язык труды русских миссионеров-монголоведов, в т.ч. "Буддизм" архимандрита Нила (остался неопубликованным) и некоторые работы архимандрита Гурия (с которым был лично знаком).

КДА поддерживала тесные связи с крупнейшими востоковедными центрами России: Петербургским университетом, Пекинской духовной миссией, Практической восточной академией и др. Чтобы не быть голословным, приведу следующий пример. 23 сентября 1911 г. совет КДА рассмотрел следующее заявление архимандрита Анастасия (в миру А.И.Александров; 1861-1918; имел степень магистра сравнительного языкознания и санскрита; ректор КДА в 1912-13 гг.) и Гурия (тогда еще иеромонаха):

"Имеем честь предложить вниманию совета Казанской духовной академии, члена Совета министра народного просвещения, тайного советника Алексея Матвеевича Позднеева. А.М.Позднеев — широко известный монголист, происходящий из духовной семьи, автор многих специальных научных, весьма полезных и в практическом отношении трудов, касающихся монгольской народности, быта различных племен, их верований, истории и языка. Он является лучшим знатоком ламаизма и исследователем его обрядовой стороны, он дал ученому миру лучшие работы в этой области.

В отношении противоламайской миссии заслуга А.М.Позднеева заключается в том, что, благодаря его ученым исследованиям в указанных нами областях, облегчается возможность изучения инородцев монгольского племени и воздействия на них светом Христова учения. В этом отношении главным трудом А.М.Позднеева должен быть отмечен его перевод на калмыцкий язык всего Нового Завета. В отношении специально нашей Казанской академии заслуга А.М.Позднеева сказалась в его безвозмездных занятиях с и.д. доцента иеромонахом Амфилохием в 1910-11 уч.году по изучению монгольского языка и ламаизма, в руководственных его указаниях по исследованию ламаизма и проч. В виду всего вышеизложенного избрание А.М.Позднеева в почетные члены нашей академии было бы лишь долгом справедливости и заслуженного почтения к знаменитому ученому" [9, сс.279-280].

Совет избрал А.М.Позднеева в звание почетного члена КДА, Синод утвердил это избрание 22 ноября 1911 г. В своем письме на имя ректора КДА от 12 января 1912 г. А.М.Позднеев ответил на свое избрание следующее:

"Имею честь покорнейше просить Вас лично принять мою искреннюю благодарность и засвидетельствовать перед советом вверенной управлению Вашего преосвященства Казан. дух. академии чувства моей глубочайшей признательности за высокую честь, оказанную избранием меня в почетные члены Казанской дух. академии.

Мое имя и ученые труды мои не настолько известны вне узкого круга наших ориенталистов и не настолько важны, чтобы заслужить мне ту честь, которой удостоил меня совет Казан. д. академии. Что же касается моего содействия подготовке молодых ученых Казан. д. академии, то возможностью такового содействия я обязан главнейше Императорскому Обществу востоковедения, в котором получал свою подготовку последний из монголистов Казан. д. академии и которое до настоящего года пользовалось моими познаниями по преподаванию монгольского языка и ламаизма. Поэтому в оказанном мне почете я могу видеть лишь дань уважения возданного, в лице моем, трудам Императорского Общества востоковедения, которого я остаюсь почетным членом. Только в этом смысле осмеливаюсь я отнести к себе свое избрание в почетные члены Казан. д. академии и, снова принося за него глубочайшую благодарность совету Казан. д. академии, позволяю себе представить в дар академии некоторую часть моих, изданных в печати и литографии, работ" [6, сс.20-22]. А.М.Позднеев подарил КДА 18 названий своих работ в 21 книгах (из его работ там отсутствует только "Ургинские хутухты").

О библиотеке КДА следует сказать особо. Она обладала большим собранием книг по востоковедению вообще, а по монголоведению в частности. Неоднократно дарил книги КДА Иакинф (Н.Я.Бичурин): так, в 1849 г. он подарил 136 названий книг в 219 томах и 16 рукописей [2, с.513]. Постоянно снабжали КДА книгами на монгольском, калмыцком и тибетском языках ее многочисленные выпускники, служившие в епархиях с калмыцким и бурятским населением. В 1889 г. епископ якутский Мелетий, бывший студент КДА, подарил коллекцию "тибетских и монгольских книг и брошюр буддийского содержания (206 названий тибетских и 106 названий монгольских), изданных в ламайских дацанах Забайкальской области" [3, с.136]. Подобные поступления шли постоянно. В 1912 г. штатный гелунг Гусиноозерского дацана Дондук Цеджипов Бадлуев подарил КДА следующие монгольские книги: "Шидита хегур-ун тууджи", Гадам торбо" (? тиб. bka' gdams thor bu), "Сухавадийн орон-у сайшиал", "Гелун-ун суртал", "Геген толи", "Боди мур-ай дамужи гулансан ламнер-уг зерге" (монг. bodi mor-i damjiγuluγsan blam-a-nar-un jerge) [6, с.105]. В 1914 г. по просьбе Амфилохия библиотека КДА купила пекинские издания сумбумов (собраний сочинений) следующих тибетских авторов: 1-го пекинского джанджа-хутухты Агван-Чойдана, 7-го далай-ламы Галсан-Джамцо, чахарского гэбши Лубсан-Чултэма, Зая-пандиты Лубсан-Принлэя, Туган-хутухты Агван-Чойджи-Джамцо, а также историю Гэсэра на монгольском [10, с.455].

В 1912 г. ревизионная комиссия по проверке имущества библиотеки КДА сообщила, что в библиотеке в плохом состоянии находятся различные коллекции (некнижные), подаренные КДА. Отмечалось, что "особенно в печальном положении находятся коллекции инородческого быта: они без порядка свалены в кучу и в значительной части попортились и даже ис-

тлели" [6, с.75]. Поэтому в том же году при КДА был открыт Историко-этнографический миссионерский музей. В нем хранились "как вещи, характеризующие религию и внешний быт народностей татарского и угорского, монгольского и калмыцкого корня, так и снимки с такого рода вещей, а равно книги, изданные в разное время как с целью описания религии и быта упомянутых народностей, так и с целью духовно-нравственного просвещения их, т.е. книги научные, историко-этнографического характера, и труды переводчиков-миссионеров" [14, с.140]. Судя по годичным отчетам о состоянии КДА, эти коллекции были немалыми изначально и быстро пополнялись. Можно только догадываться о том, что стало с этим музеем через несколько лет после его основания.

Что же касается монгольских и тибетских книг, хранившихся в библиотеке КДА, значительная (?) их часть уцелела и находится в настоящее время в СПб филиале Института востоковедения РАН. Необходимо наконец покончить с господствующим заблуждением, что коллекция монгольских (и тибетских) книг КДА попала в Азиатский Музей в Петербурге в XIX в. Это произошло, по-видимому, в 20-х гг. нашего столетия после закрытия КДА в 1920 г.

С 1855 по 1917 гг. КДА издавала ежемесячный журнал "Православный собеседник", в котором публиковались также и монголоведческие статьи. С 1915 г. КДА стала издавать журнал "Инородческое обозрение", в котором были опубликованы три интересные статьи В.О.Иванова, выпускника КДА 1913 г.: "Буряты (Краткие сведения о технике ламайской иконографии у бурят Агинского дацана Забайкальской области)" (1915, т.1, кн.1, с.20-24); "Буряты-ламаиты (Дацан в селе Агинском Забайкальской области)" (1916, т.2, кн.4, с.131-151); "Буряты-ламаиты (Бурятский праздник "Обо")" (1916, т.2, кн.4, с.273-276).

Специальной работы заслуживают труды выпускников КДА, служивших от ставропольской до якутской епархий, которые оставили в соответствующих епархиальных ведомостях множество статей о калмыках и бурятах. Упомянем только труды по буддизму И.А.Подгорбунского, выпускника КДА 1888 г. Большой интерес представляют также некоторые курсовые сочинения (выражаясь современным языком — дипломные работы) студентов КДА. Назовем некоторые, на наш взгляд, наиболее интересные работы: "Нравственное учение буддизма по монгольской книге "Улигерун-далай", с приложением ее русского перевода" (И.А.Подгорбунский, 1888 г.); "Изложение религиозно-нравственной системы буддизма по "Тонилху-ин чимэк", с приложением русского перевода этой книги" (К.В.Данилевский, 1888 г.); "Изложение и разбор космологической системы буддистов, с приложением русского перевода "Иртинчуин толи" (Д.И.Знаменский, 1888 г.); "Воззрения ламаитов на посмертное существование души, по рукописи "Чойджид дохиниин туджи арошиба" (В.И.Иванов, 1913 г.); "Учение ламаизма по монгольскому сочинению "Бодисат Дзариа Аватара" и разбор его" (А.В.Срединский, 1916 г.). Неизвестно, сохранились ли эти и многие другие сочинения.

Из тех разрозненных фактов, которые мы привели в этой небольшой статье, видно, что на протяжении своего существования КДА занимала достойное место в изучении языка и культуры монгольских народов. В то время, как четырем английским протестантским миссионерам, работавшим среди бурят некоторое время в I-ой пол. XIX в., их соотечественники посвящают статьи, книги и доклады на конференциях, отечественная наука совершенно молчит о десятках тружениках-миссионерах. Давно уже назрело время исправить эту несправедливость.

Литература

1. Писарев Н. Казанская духовная академия на служении православной церкви и русскому народу (По поводу исполнившегося 21 сент.-8 ноябр. 1917 г. 75-летия существования Академии) // Православный собеседник, 1917. № 10/12.
2. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии. Казань, 1892. — Ч.2.
3. Терновский С.А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования (1870-1892). — Казань, 1892.
4. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1889-1890 учебный год. — Казань, 1890.
5. Протоколы заседаний совета Казанской духовной академии за 1890 год. — Казань, 1891.
6. Протоколы ... за 1912 год. — Казань, 1912.
7. Протоколы... за 1913 год. — Казань, 1913.
8. Отчет о состоянии Императорской Казанской духовной академии за 1914-1915 учебный год. — Казань, 1915.
9. Протоколы ... за 1911 год. — Казань, 1911.
10. Протоколы... за 1914 год. — Казань, 1914.
11. Памятная книжка Императорской Казанской духовной академии за 1915-1916 учебный год. — Казань, 1915.
12. W.Heissig. W.A.Unkrig // Central Asiatic Journal. — 1957/58, Vol. 3. — Pt.1.
13. H.Walravens W.A. Unkrig und sein Werk: eine Bibliographie // Zentralasiatische Studien. — 1982. — № 16.
14. Православный собеседник, — 1913. — № 7/8.

Приложение

Краткие биографические сведения о преподавателях-монголистах КДА

МИРОТВОРЦЕВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1838-1891)

1863 — окончил Петербургскую духовную академию и в этом же году сдал в Петербургском университете экзамен по предметам монголо-калмыцкого разряда восточного факультета
1869 — преподаватель монгольско-калмыцкого языка в КДА
1870 — экстраординарный профессор по кафедре миссионерских предметов
1881 — инспектор КДА

Основные работы:

Изложение и критический разбор основных положений буддизма // Православный собеседник (в дальнейшем: ПС). — 1873 — № 9, 11; 1874 — № 3, 4.
Материалы по истории Пекинской духовной миссии. // ПС. — 1888 — № 10.
К биографии Иакинфа Бичурина. // ПС — 1886 — № 8.
При содействии бурята Чистохина перевел много книг на народный бурятский язык.

ПОПОВ ИОАНН ВАСИЛЬЕВИЧ

1889 — окончил курс КДА
1901 — магистр богословия
1901 — доцент
1906-1908 — и.д. сверхштатного экстраординарного профессора

Магистерская диссертация:

Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения. — Казань, 1898.

ИННОКЕНТИЙ (В МИРУ ЯСТРЕБОВ ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ)

1892 — окончил курс КДА
1898 — магистр богословия
1898-1905 — доцент

Магистерская диссертация:

Миссионер высокопреосвященный Владимир, архиепископ Казанский и Свияжский. — Казань, 1898.

ГУРИЙ (В МИРУ СТЕПАНОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ)

1906 — окончил курс КДА
1909 — магистр богословия
1909 — доцент
1910 — экстраординарный профессор
1912 — инспектор КДА
1912 — архимандрит
1916 — доктор церковной истории и ординарный профессор

Магистерская диссертация:

Буддизм и христианство в их учении о спасении. — Казань, 1908. Немецкий пер.: Der Buddhismus des Mahayana. Von Archimandrit mag. theol. P.Gurij. Aus dem Russischen übersetzt mit einer Einleitung Die Bedeutung des Mongolischen für die Kenntnis des nördlichen Buddhismus. Von W.A.Unkrig. //Anthropos. — 1921/22. — № 16/17; 1923/24. — № 18/19.

Основные работы:

Бодимур и его критический разбор. // Православный благовестник. — 1915. — №№ 5/6, 7/8, 10, 12.
Очерки распространения христианства среди монгольских племен. — Т.1.Калмыки. — Ч.1-2. — Казань, 1915.

АМФИЛОХИЙ (В МИРУ СКВОРЦОВ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ)

1910 — окончил курс КДА
1911 — и.д. доцента

Курсовое сочинение:

Религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык как средство миссионерского воздействия.

НЕФЕДЬЕВ МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ (УМ.1910)

1884 — окончил курс КДА
1886-1891 — и.д.доцента
1891-1893 — вольнонаемный преподаватель КДА
1904-1910 — практикант калмыцкого языка

БАДМАЕВ ДИК (В КРЕЩЕНИИ МИХАИЛ)

Безаймачный зайсанг Александровского Багацохуровского улуса.

1884-1894(?) — практикант калмыцкого языка
1896 — окончил курс в Казанской учительской семинарии

НОРМАЕВ ЛИДЖИ

1898-1899 — переводчик Харахусовского улусного управления
1901-1904 — практикант калмыцкого языка КДА

МЕНЖУЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

1901-1904 — практикант калмыцкого языка КДА
1909 — окончил миссионерские курсы в Казани
1911 — практикант калмыцкого языка КДА

ШАРАКШИНОВ ИОСИФ ИВАНОВИЧ

1914 — окончил миссионерские курсы в Казани
1914 — практикант бурятского языка КДА

3 Зак. 423

Е.М.Даревская

Англичанин из Лондона в ургинской школе

До провозглашения независимости Халха-Монголии в декабре 1911 г. в стране господствовали духовные школы при многочисленных ламаистских монастырях, где изучали богословие и медицину на тибетском языке, были школы домашние и индивидуального обучения, светских же общеобразовательных школ европейского типа не было. Исследователь Монголии, общественный деятель Сибири Г.Н.Потанин еще в 1892 г. считал светскую общеобразовательную школу европейского типа, в которую наряду с русскими мальчиками принимались бы и монгольские, действенным средством просвещения монголов, с ее помощью "мы могли бы сделаться просвещенными друзьями монголов" [1, сс.244-247]. Российский консул в Монголии в течение 50 лет (1861-1911 гг.) Яков Парфентьевич Шишмарев в начале XX в. неоднократно пытался привлечь монголов в русские школы и создать специальную школу для монголов, но безуспешно.[1] Только после провозглашения независимости Монголии эти пожелания начали осуществляться. Российский консул в Урге Виктор Федорович Люба в 1912 г. добился согласия МИД ассигновать 3 тыс. руб. в год на основание при консульстве русско-монгольской начальной 4-х летней школы для шести монголов с преподаванием русского и монгольского языков, арифметики, географии, краткой истории России и Монголии, элементарных сведений по гигиене; первые два года преподавание должно было вестись на монгольском языке. Создание такой школы было облегчено тем, что в Урге с декабря 1911 г. находился, занимаясь научными исследованиями, ученый монголовед из России, видный представитель бурятской интеллигенции Цыбен Жамцаранович Жамцарано. В.Ф.Люба предложил ему заняться созданием школы для монголов при консульстве и при этом писал о нем в МИД: "...Нельзя не признать его как по его подготовке и знаниям языка, так и по его идейной преданности преподавательскому делу вполне соответствующим намечаемым нами задачам, в особенности в первый наиболее трудный год постановки школы подобного типа".[2]

Действительно, Ц.Ж.Жамцарано вполне соответствовал этой задаче. Хори-бурят из рода Шараит он родился в 1880 г. в Аге Забайкальской области. Начальное образование получил в Аге и Чите, среднее — в Петербурге в гимназии, основанной П.А.Бадмаевым, и в Иркутской учительской семинарии. После окончания последней, он в 1901-1902 гг. служил старшим учителем в Агинском двухклассном училище Министерства народного поосвещения. В 1902 г. он вновь приехал в Петербург и поступил вольнослушателем на три факультета университета: юридический, физико-математический и восточных языков. В своей позднейшей Curriculum vitae, написанной 2 октября 1918 г., он называл известных ученых, у которых учился: "Под руководством Д.А.Клеменца работал в музее этнографии имп. Александра III; под руководством академика С.Ф.Ольденбурга готовился к ученой деятельности; занимался с приват-доцентом А.Д.Рудневым по сравнительному изучению наречий монгольских племен; слушал у В.В.Радлова специальный курс об "Орхонских надписях." "Он слушал и записал лекции по истории Монголии профессора В.Л.Котвича. По поручению Академии наук и Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии Ц.Жамцарано с 1903 г. совершил ряд поездок для этнографического и лингвистического изучения бурят и монголов. В 1907 г. за научные труды Русское Географическое Общество наградило его малой серебряной медалью П.П.Семенова-Тяньшанского. С 1907 по 1909 г. он исполнял обязанности лектора монгольского языка на Восточном факультете Петербургского университета. Но вынужден был прервать и учебу и чтение лекций: "оставил столицу по нездоровью". В 1909-1910 гг. он совершил поездку в Южную Монголию[3].

Приехав в Ургу на полгода, Жамцарано принял предложение В.Ф.Люба "уделить год и поставить школу... Это удобный случай — положить начало школьному делу в Монголии, лишь бы выгорело дело!", — писал Ц.Жамцарано 19 марта 1912 г. из Урги В.Л.Котвичу в Петербург [2, с.192]. И "дело выгорело" — он основал первую светскую общеобразовательную школу европейского типа для монголов при российском консульстве.

В то же время, в 1912 г. правительство Монголии пригласило Ц.Жамцарано на службу в должности старшего драгомана МИД, которую он занимал до осени 1918 г. Но деятельность его в МИД не ограничивалась работой переводчика. Один современник (скрывшийся под псевдонимом "Докшит"[4]) сообщал в 1913 г. из Урги в иркутскую газету "Сибирь": "Монгольское правительство

ото 1. Министр иностранных дел Монголии Ханда-Доржи цин-ван в 1913 г. в Петербурге с дипломатической миссией. Из семейного архива Шишмаревых, передана автору статьи кяхтинским краеведом В.Н.Скробинским.

еперь сильно озабочено делом образования и стремится тому, чтобы возможно скорее завести школы, оставленные по европейскому образцу. Ввиду того, что у онголов нет специального министерства народного росвещения, дело образования монгольского юношества аходится в ведении министерства иностранных дел. оэтому министром иностранных дел Ханда Доржи цинаном был сделан доклад Джебзун-дамба-хутухте об стройстве в Урге школы по европейскому образцу, пока на 0 мальчиков. Средства на постройку зданий, их ремонт и одержание, на жалование учителям, учебные принадлежости будут ассигнованы монгольским правительством, но редства на содержание учеников возлагаются на те ошуны, которые будут посылать в школу своих мальчиков" 3]. В МИД был создан департамент просвещения, в деяельности которого активнейшее участие принимал .Жамцарано. Именно он и создал первую правительственую начальную школу для монгольских мальчиков при МИД. ля работы в этой правительственной школе, так же как и онсульской, по рекомендации Жамцарано были риглашены опытные учителя-буряты из Иркутской убернии, знающие бурятский и монгольский языки, кончившие Иркутскую учительскую семинарию: иколай Тарасович Данчинов (1912-1916 гг.), Даниил лтаевич Абашеев (окт.1913-1918 гг.), Никита Федоович Батуханов (Эрдени Батухан, 1916-1921 гг.), а также Иннокентий Иванович Тунуханов (1913-1914 гг.), окончивший Иркутский учительский институт и Анна Владимировна Вампилова, окончившая Иркутскую женскую гимназию. Был и учитель — монгол Пайтан-багша.

В создании и деятельности первой правительственной школы было множество трудностей, но постепенно они преодолевались. Сперва школа не имела ни своего помещения, ни школьной мебели и оборудования, ни программ, ни учебников и учебных пособий. Школа помещалась вначале в одной из комнат МИД, затем в так называемом "зеленом доме" (резиденции бывшего китайского амбаня), а в 1915 г. русский советник по финансовым и экономическим вопросам при правительстве Монголии Сергей Александрович Козин (монголовед по образованию) финансировал и организовал постройку двух двухэтажных кирпичных зданий для монгольского училища и квартир учителей. "Перед училищем устроили сквер, обнесенный дачной изгородью, посадили в нем несколько сот древесного молодняка местных пород. До сих пор в крайне грязном и пыльном городе не было ни одного дерева, за исключением небольшого садика перед зданием российского консульства. Посадка деревьев возле школы вызвала подражание у местных жителей, на что и была рассчитана", — писал С.А.Козин в своем отчете за 1915 г.[5]. В другом более позднем архивном документе сквер перед монгольским училищем назван "английским сквером"[6]. По чертежам учителей китайские мастера изготовили школьную мебель. В школе преподавали русский язык, монгольскую грамоту, арифметику, географию и естествознание. Программы по этим предметам составили Ц.Жамцарано и Д.А.Абашеев. Учитель начальной школы русской фактории в Урге "любезно уступил для монгольской школы" 7 букварей русского языка (для 7 учеников) и по одному экземпляру учебники по арифметике, географии и естествознанию. Ц.Жамцарано перевел на монгольский язык учебник по географии. Букварь русского языка изучили за три месяца, затем основное внимание обратили на развитие устной разговорной речи. На втором году обучения ученики конспектировали и делали переводы на монгольский язык из русских популярных учебников по естествознанию Трояновского и Лукашевича. Эти рукописные конспекты и переводы использовали как пособия для последующих наборов учеников [4, с.148].

После первого же учебного года 1912-1913 г. весной 1913 г. Ц.Жамцарано по поручению правительства Монголии отвез четырнадцать учеников обеих школ в Урге — консульской и правительственной — для продолжения образования в лучших учебных заведениях Троицкосавска и Иркутска, где они весной 1916 г. окончили начальные школы, а некоторые учились до весны 1917 г. [подробнее: 5, сс.101-124; 6].

Таковы самые краткие сведения об Ургинской правительственной школе, ее учителях, условиях существования, в которой вдруг появился преподаватель англичанин. Сведения о нем в нашей литературе весьма кратки и не всегда точны. Известный монголовед Ш.Б.Чимитдоржиев, ссылаясь на работы Б.Лигуу и официальные монгольские источники, сообщает: "С конца 1912 г. в первой светской школе при МИД было введено преподавание английского языка, для чего был приглашен педагог англичанин Уйдин... В указе правительства Монголии от 14 июня 1915 г. говорится: "Приглашенные учителя, российские подданные буряты Абашеев, Вампилова, английский подданный учитель Уйдин проявляют добросовестное отношение к своим обязанностям, добиваются высоких показателей в обучении детей... За заслуги в обуче-

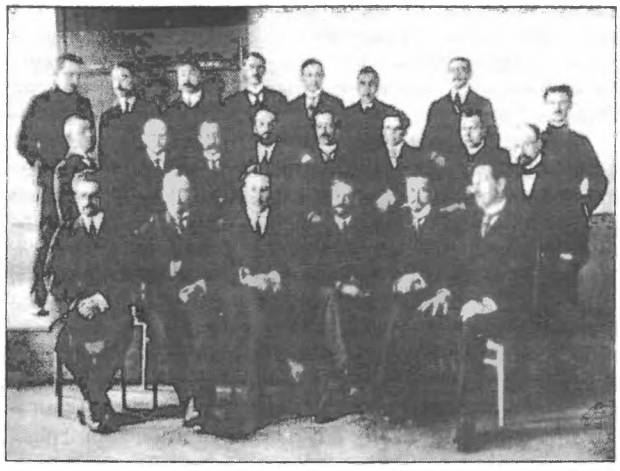


Фото 2. Преподаватели Иркутского университета. Весна 1919 г. В верхнем ряду четвертый слева — Уйттик Ф.Г.

нии монгольских детей этих учителей ... наградить орденами"" [7, с.193]. Р.Л.Балдаев, ссылаясь на обзор периодической печати "Китай и Япония", № 161 за 1913 г., писал, что в первой правительственной школе при МВД Монголии, созданной в 1911 г., "учителями были буряты из Забайкалья и один англичанин"[7] [8, сс.16-18]. Старший переводчик при кяхтинском пограничном комиссаре Р.Бимбаев, автор четырех русско-монгольских и монгольско-русских словарей, в предисловии к одному из них, изданному в Иркутске в 1916 г., писал: "монголы после долгого оцепенения под влиянием буддизма как бы проснувшись от сна, ныне взялись за обучение не только родной грамоты, русской и китайской, но даже стали изучать английский язык" [9, с.VII]. Томская газета "Сибирская жизнь" 4 марта 1915 г. кратко сообщала: "В Урге в монгольскую начальную школу назначен учителем английский подданный Уйденг". Спрашивается, когда же в Ургинской школе появился англичанин и начали изучать английский язык: в конце 1912 г., в 1913 г., 1915 г., 1916 г.?

В Иркутском архиве мы обнаружили материалы, позволяющие не только уточнить начало преподавания английского языка в ургинской школе, но и биографические сведения учителя-англичанина. В фонде Иркутского университета обнаружено — совершенно неожиданно! — "Личное дело о службе Георгия Генриховича Уйттик", начатое 25 сентября 1918 г., оконченное 25 декабря 1918 г., на пяти листах. В деле имеются прошение Ф.Г.Уйттика ректору Иркутского университета о приеме на службу с сообщением биографических сведений о себе, копия его "Удостоверения учителя" на английском языке и менее значительные справки[8]. Мы публикуем полностью прошение Уйттика и копию "Удостоверения учителя".

"Господину Ректору
Иркутского Государственного Университета
[от] преподавателя английского языка
в Иркутском кадетском корпусе
Фредерика Георгия Генриховича Уйттика

Прошение

Имею честь предложить свои услуги в качестве преподавателя английского языка во вверенный Вам университет.

Я по происхождению англичанин, родился в Лондоне в 1875 году и нахожусь в Британском подданстве. Образование получил в Северной Англии в городе Блакберн в Higher School, окончив которую поступил в Technical School, и одновременно был также в Central (College) School for Candidates for Teaching, по окончании которой получил стипендию в подготовительный государственный учительский колледж в Бангоре, затем прослушал в Лидском университете курс литературы, логики и психологии, чем и закончил свое образование.

По окончании образования вся моя деятельность протекала в области преподавания английской словесности в следующих городах Англии:

1. Лидс Siuthern Higher Grade School
2. Манчестер Miles Plotting Higher Grade School.

Получив в Англии большой опыт и практику, я переселился в Китай, где был приглашен в Шантунский университет на кафедру английского языка и литературы, которую я занимал в течение 7 лет. Затем был приглашен Монгольским Правительством в Комиссию по организации правительственных школ для изучения языков.

В настоящее время состою преподавателем английского языка в Иркутском Кадетском корпусе.

главнейшие документы находятся у меня на руках, по первому требованию могу предъявить их для рассмотрения в университет.

[ул.] Арсенальная, № 58, кв.3

Ф.Г.Уйттикъ = (л.1) .

На подлиннике прошения дата не указана, но "Личное дело" начато 25 сентября 1918 г., вероятно, в день подачи прошения. На прошении резолюция ректора университета: "На Сов[ет] пригл[асить]. И.д. секретаря Совета университета известил Ф.Г.Уйттика, что "в совещании профессоров Иркутского Государственного Университета от 3 октября 1918 г. решено поручить Вам исполнять обязанности лектора английского языка с платою в 250 руб. за годовой час, причем количество часов определится по выработке учебных планов в зависимости от имеющих образоваться групп слушателей"... (л.4). Это был последний месяц длительной подготовки к основанию Иркутского университета, который официально был открыт 27 октября 1918 г. Это означает, что англичанин из Лондона был в числе первых преподавателей Иркутского университета, первого в Восточной Сибири, второго в Сибири вообще — первый был открыт в Томске в 1888 г.

Канцелярия Иркутского университета запросила формуляр о службе Ф.Г.Уйттика в Иркутской гимназии военного ведомства, и 5 декабря 1918 г. получила ответ от генерал-майора Скалон, что "приватный преподаватель английского языка г.Уйттик хранившиеся в канцелярии гимназии документы получил", а инспектор классов той же гимназии полковник Цедерберг выдал "Удостоверение" о том, что "С начала 1917-1918 учебного года и по сие время Ф.Г.Уйттик состоит преподавателем английского языка Иркутской гимназии военного ведомства" (л.2-3). В связи с запросом университета о документах, Уйттик представил копию своего "Удостоверения учителя". Это "Удостоверение" ценно для нас тем, что дает английское написание его имени и фамилии — Frederick George Whittik, подтверждает, что он в течение 2-х лет был студентом учительского колледжа в Бангоре, сдал экзамены на Удостоверение учителя в июле 1897 г., а также прошел требуемый период стажировки в Лидской Board School. Документ выдан 23 февраля 1899 г. (л.5). В прошении же Ф.Г.Уйттика не указаны никакие даты, кроме года его рождения. [см. Copy[9]].

Итак, эти документы позволяют установить следующее: 1. Точное имя и фамилию англичанина. Не Уйдин и не Уйденг, а Фредерик Джордж Уйттик, как он назван в английском "Удостоверении учителя", или Фредерик Георгий Генрихович Уйттик, как назвал он себя в прошении на имя ректора Иркутского университета или в совсем уже руссифицированной форме — Георгий Генрихович Уйттик в названии его личного дела. 2. Время появления Ф.Г.Уйттика в Урге и начало преподавания им английского языка в монгольской

Фото 3. Троицкосавск, май 1913 г., ученики и преподаватели Ургинских школ — консульской и правительственной. В 3-ем ряду 6-ой справа — Ц.Ж.Жамцарано. 1-ый и 2-ой ряд — 14 учеников, прибывших в Троицкосавск для продолжения образования. Перепечатано из книги Е.Е.-Соколовского "Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае", Харьков, 1914 г.

школе не "конец 1912 г." и не 1913 г., а зима 1915 г. Дипломатический агент России в Монголии А.Ф.Миллер сообщал в МИД России и в Иркутск генерал-губернатору 20 августа 1915 г., что "английский язык в ургинской школе начали изучать зимой 1915 г."[10] Из сопоставления даты донесения Миллера — 20 августа 1915 г. — и хроникального сообщения в "Сибирской жизни" 4 марта 1915 г. ясно, что английский язык стали преподавать не в конце 1915 г. — в октябре, ноябре, декабре, а в начале 1915 г., в январе-феврале, то есть во второй половине 1914-1915 учебного года. 3. Время пребывания Уйттика в Урге. В Иркутск из Урги Уйттик приехал осенью 1917 г. и "с начала 1917-1918 учебного года" был приватным преподавателем английского языка в Иркутском кадетском корпусе (гимназии военного ведомства). Значит, Уйттик в Ургинской школе преподавал два с половиной учебных года: 1914-1915, 1915-1916, 1916-1917 гг. 4. Время пребывания Уйттика в Китае. Если он приехал в Ургу в начале 1915 г., а до этого 7 лет преподавал в Шаньдунском университете, значит, он там служил с 1907 до конца 1914 г. Возможно, что после того ка он "переселился в Китай", он не сразу был приглашен в Шаньдунский университет, ибо он был приглашен в университет не в Англии, а уже в Китае. Так как он завершил свое образование в Англии в феврале 1899 г. и "получил в Англии большой опыт и практику", значит до приезда в Китай он имел уже 9-летний опыт преподавательской работы. В Китае Уйттик был не рядовым преподавателем английского языка, а заведовал кафедрой английского языка и литературы в университете, то есть был высококвалифицированным знатоком своего предмета. Кроме того, он знал и китайский язык, как сказала нам в 1962 г. Анна Владимировна Вампилова, супруга Д.А.Абашеева, работавшая вместе с ним и Уйттиком в ургинской школе и награжденная одновременно с ними серебряной медалью.

Приглашение Ф.Н.Уйттика в Ургу свидетельствует о том, что департамент просвещения МИД Монголии, в котором большую роль играл ученый и педагог Цыбен Жамцарано, приглашал на службу не случайных людей из иностранцев "числом поболее, ценою подешевле", а опытных, высококвалифицированных профессионалов, и не только из соседней и близкой Сибири, но и в Китае из далекой Англии. Ф.Г.Уйттик был приглашен в Ургу не рядовым преподавателем английского языка в единственную монгольскую школу, а в "Комиссию по организации правительственных школ для изучения языков". О деятельности такой комиссии мы ничего не знаем, но само создание ее свидетельствует о широких замыслах правительства Монголии о дальнейшем развитии европейского образования в стране, в частности изучения языков.

Англичанин в Китае в начале XX в. — явление вовсе не единичное, англичан в Китае тогда было много. Именно Англия в 1840 г. "громом своих пушек открыла Китай" для европейцев. В начале XX в. в Китае были английские посольства и консульства, сотни торговых фирм. Англичане полностью господствовали в управлении морских таможен Китая, служили советниками при министерствах, инженерами на концессионных железных дорогах, профессорами в университетах, преподавателями английских школ, здесь были английские газеты, отделения телеграфного агентства "Рейтер" и т.п. Но англичанин-педагог в Монголии в Ургинской школе в 1915-1917 гг. все же явление уникальное, хотя и весьма знаменательное.

Публикуя эти краткие материалы из Иркутского архива о Ф.Г.Уйттике и его фотографию среди преподавателей Иркутского университета весной 1919 г., рядом с Ц.Ж.Жамцарано, мы надеемся, что монголоведы, китаеведы, историки России, Англии, Китая, Монголии сумеют разыскать в архивах, газетах, в литературе своих стран новые сведения об этом англичанине, о причинах, побудивших его отправиться в Китай, а затем в Монголию, о его деятельности там, об его впечатлениях о пребывании в этих странах Востока.

Примечания

1 АВПР. Ф. Китайский стол, д.565, л.59; д.2-43, лл.24-25.
2. Там же, д.2043, лл.24, 30-31.
3. Дело о службе Цыбена Жамцарановича Жамцарано. 1918-1920 гг. на 33 л. // ГАИО. Ф.71, оп.3, д.218, лл.1, 5, 9.
4. Предполагаем, что Докшит — один из псевдонимов Ц.Ж.Жамцарано.
5 АВПР. Ф. Консульство в Урге, д.25, л.63.
6. ЦГАОР. Ф.200, оп.7, д.83, л.2.
7. Автор, вероятно, имеет в виду монголо-китайскую школу при МВД для подготовки чиновников.
8. ГАИО. Ф.71, оп.3, д.621, лл.1-5. Краткие сведения об Ф.Г.Уйттике сообщены нами впервые в 1983 г. См. [10, сс.42-45].
9. Copy
Education Department British Governmental.
Teachers Certificate.
The Lords of the Committee of the Privy Councill on Education hereby sertity that in the mounth of July 1897.
Frederick George Whittick having been a student for two years in the Bangor Training College was examined for a certificate and placed in the First Division of Part I and in Second Division of Part II of candidates of the Second Year.
Also theat the above — named Candidate cerved the required Period of probation in the Leeds Bewerley Stree Board School.
This Certificate qualificls the Teacher to superintend Pupil Teachers.
(signed) John E.Gorst Vice-President
Date, 23rd February, 1899.
By Order of the Committee of Council on Education.
Two years of nornal Training succes fully completed.
July, 1897.
10. ГАИЛ. Ф.25, оп.11, д.120, л.4.

Литература

1 Потанин Г.Н. Русские в Монголии // Русское богатство. — 1892 — № 9.
2. Материалы по истории Монголии из личного архива В.Котвича. Состав. акад. Б.Ширендыб. — Улан-Батор, 1972.
3. Докшит. Ургинские очерки // Сибирь. — 1913. — № 21.
4. Абашеев Д.А. Воспоминания о первой монгольской светской школе в Урге // Тр. Бурятского КНИИ СО АН СССР. — В.8 — Сер. востоковедения. — Улан-Удэ, 1962.
5. Даревская Е.М. Обучение монголов в Сибири накануне Народной революции // Дорогой дружбы. — В.2 — Иркутск, 1974.
6. Даревская Е.М. Бат-Очир и его потомки на учебе в Иркутске // Наука в Сибири. — Новосибирск, 1983. — 13 января.
7. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия — М., 1987.
8. Балдаев Р.Л. Народное образование в Монгольской Народной республике. — М., 1971.
9. Бимбаев Р. Монгольско-русский словарь. — Иркутск, 1916.
10. Даревская Е.М. Новые сведения о двух учителях первой светской школы в предреволюционной Урге // Социальное и политическое развитие народов Востока: история и современность. Тезисы докладов к региональной конференции 12-14 мая 1983 г. — Иркутск, 1983.
11. Бимбаев Р. Монгольско-русский словарь. Иркутск, 1916. Предисловие. С.VII.

К.Н.Яцковская

Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П.Шастиной (1898-1980)

"... Я серьезно занялась вопросами культа и буддийской иконографии", — писала в июне 1929 г. Н.П.Шастина в письме, адресованном в Москву человеку, с которым шестью годами раньше обсуждала выбор профессии, объясняла занятия (в то время) египтологией своим тяготением к изучению истории религии. "Тяготение это осталось в силе и по настоящее время" — продолжала Нина Павловна — "но, так как я живу в Монголии, то, естественно, что интерес мой от египтологии перешел в другую область — это буддологию". Письмо, затерявшееся в архиве, неожиданно открывает нам обстоятельства, оставшиеся за рамками официальных сведений о пути в монголоведение Н.П.Шастиной, которую мы знаем как историка-исследователя, комментатора и переводчика монгольских летописей XVII в., как автора множества статей, очерков, рецензий, посвященных разным аспектам монгольской культуры. Судьба круто вмешалась, как это нередко бывает, в жизнь выпускницы Иркутского университета. Об этом читаем в том же, выше цитированном письме: "Судьба забросила меня уже давно в Монголию — я живу здесь уже 5 лет, и мои занятия египтологией кажутся мне такими далекими". Напомним обстоятельства, приведшие Н.П.Шастину в Монголию. Ее отец — П.Н.Шастин — по приглашению правительства Монголии, Главного командования Народной Армии в 1923 г. приехал в Ургу, дабы поставить медицинское обслуживание на европейский уровень и наладить повседневное лечение населения. Шастины жили в ту пору в Иркутске все вместе, большой семьей, и потому было естественно последовать ей за всеми на новое место жительства. В своих воспоминаниях Н.П.Шастина писала: "Поздно вечером в холодный январский день 1924 г. впервые приехала в Ургу, столицу Монголии... Путь был труден и долог. Из Иркутска до Урги мы с младшим братом добирались целых две недели... Первые впечатления от Урги было — XVII век! Вот куда я попала — из XX прямо в XVII век. Глухие высокие заборы, выглядевшие неприступными от того, что лиственничные бревна поставлены торчком, кривые улочки, переулки, где царствуют собаки; монастыри и буддийские храмы оригинальной архитектуры" [1, с.196-208]. Через некоторое время самым притягательным местом в Урге для Н.П.Шастиной стало маленькое здание, что находилось рядом с домом Правительства, "беленький домик в три окошечка по фасаду", где разместился Судар бичгийн хурээлэн (известный в монголоведной литературе как Ученый Комитет (Учком)). "В этом-то беленьком домике и началось мое близкое знакомство с Монголией и монголами, знакомство, переросшее в изучение истории монгольского народа, что и стало моим основным занятием в течение всей жизни." [Там же]. В Автобиографии Нины Павловны, написанной при поступлении на работу в Институт востоковедения, находим указание на примечательную деталь: "...работа по заданию Учкома над переводом с французского языка книги d'Ohsson "Histoire des Mongols" определила мои монголоведческие интересы в дальнейшем" [2, л.5].

Ученый Комитет во второй половине 20-х годов был подлинным центром научной, культурной и просветительской жизни монгольской столицы. Значительность деятельности Комитета во многом определяли его председатель О.Джамьян-гун, ревнитель монгольской словесности, а также заместитель председателя Цыбэн Жамцарано, неутомимый организатор науки и известный просветитель. Самые тесные связи с Учкомом были установлены знаменитой экспедицией П.К.Козлова. (При Учкоме остались работать такие члены этой экспедиции как С.А.Кондратьев и А.Д.Симуков). Блестящие результаты раскопок Ноин-ульских курганов, открытие древней культуры народа Хунну, населявшего территорию Монголии в III-IV вв.н.э., сенсационные находки — ковры в "зверином стиле", стали огромным событием в востоковедном мире тех лет. На эту пору приходится начало работы разных научных экспедиций Академии наук СССР, приглашавшихся Монгольским Ученым Комитетом для многостороннего исследования страны. В 1925 г. начала свою деятельность Средне-Азиатская экспедиция академика Н.К.Рериха, производившая обследование кочевых погребений в пределах Китайского Туркестана, Алтая, Западной Монголии и Тибета [3, с.8]. И когда экспедиция Н.К.Рериха остановилась в монгольской столице, по свидетельству Н.П.Шастиной, Николай Константинович Рерих стал часто бывать в Ученом Комитете, сблизился с монгольскими учеными и с советскими специалистами. Заметим, что в экспедиции вместе с отцом увлеченно работал старший сын Юрий Николаевич Рерих, интересовавшийся тогда культурой кочевников, проблемами влияния искусства кочевников на искусство соседних народов и шире — вопросами культурной роли кочевников, восстановлением картины кочевого мира, "этого звена между культурами древнего Китая, Индии и бассейна Средиземного моря" [3, с.7].

В круг российской интеллигенции, сложившийся из тех, кто работал при Учкоме и членов их семей, Н.П.Шастина вошла вскоре после приезда в Ургу. В Монголию к мужу — С.А.Кондратьеву приезжала и подолгу жила, ездила с ним вместе в экспедиции по стране М.И.Клягина-Кондратьева (1896-1971). В ее дневниковых записях-воспоминаниях [4], к сожалению, пока еще не опубликованных, читаем: "Иногда мы ходили в гости. Семейных домов знакомых у нас было чрезвычайно мало, почти не было, в сущности. К Шастиным и Баджамаповым[1] нас обычно приглашали "всем Учкомом" (т.е. вместе с Симуковыми и Тубянскими). Обе эти семьи жили довольно далеко от нас, пожалуй больше чем в 2-х километрах. Жили они на самой окраине, недалеко от консульского поселка. Дома у тех и других по Урге считались роскошными, хотя по московским масштабам их можно было бы сравнить просто с хорошими домами: это были одноэтажные деревянные дома по 6-7 не очень больших комнат... Мы, дамы, ввиду мороза, приходили в валенках и в передней снимали и надевали туфли, принесенные под мышкой. Недолго сидели в гостиной, а потом переходили в столовую, где ждал обильный ужин с традиционными пельменями, маринованной свеклой, фаршированными яйцами. Алкоголя было много, и дамы не уступали мужчинам; нас с Мил[анией] Ал[ексеевной] Симуковой обычно сажали по боками от хозяина, сидевшего во главе стола, т.к. он питал к нам обеим платоническое расположение. Однажды целый ужин интриговал меня и всех тем, что преподнесет мне подарок... Наконец принесли прекрасное изображение Зеленой Тары, которое до сих пор висит у меня... Ужин проходил интересно, т.к. хозяин занимал всех самыми разнообразными (неразборчиво — К.Я.) из своей многогранной биографии. Потом переходили в гостиную, где танцевали фокстрот под патефон; после чего снова шли далеко-далеко по сухой, пустынной Урге: мороз, огромные звезды, Сириус над Богдо-Улой, лай собак...

У Шастиных вечер проходил примерно также, но разнообразился гитарой и песнями дяди Миши — старого холостяка, прижившегося в семье своего брата, доктора Н.П...

По субботам, те же лица, т.е. учкомцы, Нина Павловна бывали у нас... За столом оживленно болтали, пели квартеты, сочиненные С. (С.А.Кондратьевым — К.Я.), (пели С.А., Мил.Ал. и А.Д. Симуковы), потом переходили в комнату С. и там слушали пластинки... Во всех этих вечерах был какой-то особенный колорит. Это объяснялось конечно тем, что жили мы все в Ц[ентральной] Азии и во все наши разговоры вплетались всевозможные монгольские темы. Кто-нибудь из присутствующих обязательно говорил или о своей экспедиции, или о том, что на днях поедет в Цзаин, или о том, как он недавно ездил в Улясутай или Гоби; передавались разные местные новости и т.п." [4, л.77-78].

Из дневников М.И.Кондратьевой узнаем, что Н.П.Шастина начала ходить в столичные храмы специально с целью их этнографического изучения, обследования архитектурных особенностей, постижения жизни буддийского центра вдвоем с М.И.Кондратьевой, которая так описывает первые шаги приобщения Шастиной к буддийской теме: "Лето 1929 г. мы почти целиком провели в городе, не считая месячной поездки в Гоби, и я посвятила часть своего свободного времени на изучение архитектуры одного из Улан-Баторских монастырей — Цзун-Хуре (Да-Хуре). В нем было много интересных образцов эволюции юрты и превращения ее в архитектурный объект — здание, и собранные мною там материалы легли в основу упомянутой статьи [5].

В Дзун-Хуре я обычно ходила с Н.П.Шастиной (интересовавшейся монгольской этнографией и написавшей несколько статей о цаме, монгольском театре и др.). Шли мы туда чаще всего во второй половине дня, когда спадала жара и косые тени ложились на твердую пыльную землю. Мы бродили по обширной территории монастыря, осматривали и описывали храм за храмом. Иногда фотографировали. Я набрасывала примитивные планы в блокноте, измеряя расстояние шагами. Иногда мы присаживались отдохнуть на ступеньках у входа в какой-нибудь храм и, конечно! — смотрели вдаль на громадную спокойную, темно-зеленую Богдо-улу. Было тихо. Желтым огнем горели медные и золоченые толи, чжалцаны, статуи "оленя и лани" на храмах; откуда-то издали иногда доносилось пение лам, похожее на гудение гигантских шмелей, бой молитвенного барабана или трубный звук, а то и просто собачий лай. Но тишина поглощала все эти звуки.

Ламы к нам привыкли. Изредка они заговаривали с нами, но чаще не обращали на нас внимания. Прислужники-сторожа всегда охотно отворяли для нас свой храм, если он был заперт, зная, что получат "на чай" несколько "мунгу" (монг. монго — мелкая денежная единица Монголии — К.Я.)" [4, л.79-81].

Теперь совершенно ясны истоки первых монголоведческих публикаций Н.П.Шастиной "Цохчин в праздничные дни", "Цам" [6]. К буддийской теме Н.П.Шастина обращалась на протяжении жизни не раз. В 30-е годы появляются ее публикации "Религиозная мистерия цам в монастыре Дзун-хуре" и "Круговращение Майдари" [7]. В 1970 году на Рериховских чтениях в Москве ею был сделан доклад о цаме, о культе магического танца, существовавшего в добуддийскую пору, об установлении цама в Тибете и приходе его в Монголию, о бытовавших разновидностях цама.

Н.П.Шастина как прекрасный знаток литературы по вопросам русско-монгольских отношений утверждает, что первые сведения о цаме в Монголии имеются в дневниковых записях капитана от артиллерии Ивана Унковского, относящихся к январю 1723 г.: "Артиллерийский капитан, — писала в своем докладе Н.П.Шастина, — был послан к джунгарскому тайше Цэвэн Рабдану и провел в его ставке почти два года. Там он и увидел цам, который достаточно подробно описал в своем дневнике". Н.П.Шастина относит этот цам, согласно описанию, к новогоднему типу и считает, что точно такой же цам в Тибете видел и описал Л.А.Уодделл [8]. В докладе на новом уровне знаний были аналитически использованы опубликованные в 20-30-е годы материалы собственных ее наблюдений цама в Монголии.

Н.П.Шастина уехала из Монголии в 1936 году, написав к тому времени целый ряд научных статей и очерков о Монголии. За продолжительную и активную работу в Ученом Комитете МНР постановлением 10-го заседания президиума Ученого Комитета по случаю 15-ой годовщины независимости Монгольского государства она была награждена отрезом немецкого шелка на дель в размере 3-х метров, в чем было выдано свидетельство от 3-го августа 1936 г., подписанное председателем Ученого Комитета Дондубом, советником Воробьевым и секретарем Банзарагчем.

Впервые публикуемые ниже очерк Н.П.Шастиной "Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе", в котором идет речь об иконописцах священного места У-Тая, и фрагменты из незавершенной статьи о храмах столичного монастырского комплекса Да-Хурэ, нам представляются весьма ценными. В публикации сохранено написание монгольских слов оригинала, которые Н.П.Шастина записывала скорее всего на слух, т.к. насколько известно, к занятиям монгольским языком она приступила немного позже. Машинописный текст статьи о храмах Орлуд, Сзунгей, Ламынер, помеченный 18 июня 1929 года, обрывается на начале статьи о храме Ламынер. Напечатан текст на бумаге с двойными листами, имеющими водяные знаки extra super fine по полукругу, форматом 33,5x20,5 см. Описание двух других храмов: Эхэ Дагини и Дархан Эмчи — выполнено от руки фиолетовыми чернилами на двух двойных листах форматом 33,2x2-,2 см. Эти листы имеют карандашные пометки на полях и в самом тексте, цветные миниатюрные рисунки, приводимые по ходу описания чертежи-планы храмов. Все

листы вложены в двойной чистый лист с надписью на внешней стороне: "Н.Шастина. Монастырь Да-Хуре. Июнь. Июль. 1929 г." Написанные в то время статьи, показательны для читателя тем, что они характеризуют уровень научного старта Н.П.Шастиной как монголоведа, ставшего в дальнейшем одним из ведущих специалистов нашей страны в середине XX века. Самоценность же этих материалов заключается в том, что они содержат подробнейшие, хотя и неполные сведения об уникальном столичном комплексе, увы! разрушенном впоследствии.

Примечания

[1] Интересные сведения о Ц.Г.Балданжапове, которыми располагала Кондратьева, в "Воспоминаниях о Монголии" она записала: "Семья Балданжаповых была довольно пестрая. Глава ее — Цогто Гармаевич, забайкальский бурят, красивый, выше среднего роста человек, скорее не бурятского, а "индейско"-монгольского типа: чуть-чуть выдающиеся скулы, темный цвет лица, нос с горбинкой, очень красивые руки, бесстрастные, как на буддийской иконе, черты лица. Биография его мне лично известна лишь в очень кратких отрывках, но и они представляют не малый интерес. В юности он участвовал в монголо-сычуанской экспедиции П.К.Козлова и, между прочим, именно он открыл "мертвый город Хара-хото", который впоследствии принес П.К. такую славу. П.К. предусмотрительно умолчал об этом, как в письменных своих работах, так и в многочисленных устных сообщениях, а Ц.Г., живя в монгольской глуши, не подозревал, какую славу получила его находка. Он узнал об этом, если не ошибаюсь, только в 1927 или 1928 г. и написал П.К. соответственное недоуменное письмо, на которое не получил ответа..." (там же, л.64-65).

[2] Дома, в которых жили Шастины и Балданжаповы, в разной степени сохранности стоят и поныне. Дом Балданджаповых с резными наличниками, с затейливыми башенками над крышей оказался на одной из главных магистралей столицы. За ним следят; он всегда покрашен. Дом Шастиных стоит как бы во дворе дома Балданджаповых и несет на себе черты разрушения, хотя кто-то живет в нем и сейчас.

[3] Данное свидетельство хранится в личном архиве Н.П.Шастиной.

Литература

1. Книга братства. М., 1971.
2. Шастина Н.П. Автобиография // Личное дело, Архивный фонд ЛО ИВ РАН.
3. Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. — Прага, 1930.
4. Клягина-Кондратьева М.И. Дневниковые записи, Воспоминания о Монголии. Рукопись.
5. Клягина-Кондратьева М.И. О юрто-образных зданиях Внешней Монголии // Советская этнография. — 1935. — № 3.
6. Хозяйство Монголии. — 1928. — № 4, 6.
7. Современная Монголия. — 1935. — № 1, 6.
8. Waddell L.A. The Buddism of Tibet or Lamaism. — London, 1895.

4 Зак. 423

Н.П.Шастина

Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе

(ОЧЕРК)

В ламаистских храмах и часовнях всегда находится много изображений божеств ламаистского пантеона и великих лам, учителей и ревнителей веры. Обычно вся северная стена храма густо завешена полотнами больших и малых икон и уставлена медными, бронзовыми или позолоченными статуями и статуэтками бурханов. В больших и богатых храмах рисованные полотна спускаются также сверху и в середине храма, и по восточной и южной его стенам, и у самого входа — иногда количество их достигает 1000 и более штук. Иконы эти бывают разнообразных размеров, от гигантских, в несколько сажен в длину и ширину, и до крошечных, величиной в ноготь человека, где с изумительным искусством нарисованы сложные изображения богов. Большие полотна, развешенные по стенам, носят название "шутеней бурхан" (монг. *бурхан шутээн* — К.Я.) или "шутен", или "хурук" (монг. *хөрөг* — К.Я.), что значит икона, писанная по полотну. Иконки малых размеров называются обычно просто: "бурхан". Такие, малые размером, иконки верующие носят на шее, вставленные в ладанку (называемую "гао") сделанную из меди, олова или серебра и золота — у богатых. Часто такая ладанка украшается лепным рисунком, бирюзой, кораллом или драгоценными камнями.

В каждой юрте, в северной части ее, противоположной двери, всегда обращенной на юг, помещается столик с бурханами — и здесь всегда можно найти писаные иконы. Иконы эти всегда рисованы от руки, печатных в красках нет. Попадаются, правда, печатные однотонные изображения, но это не специальные отдельные иконки, а отдельные листки священных книг и молитв, отпечатанные в монастырях ксилографическим способом. Печатаются еще на материи молитвы, которые обычно вывешиваются на тонких шестах у ворот хошанов (монг. *хашаан* — двор — К.Я.), на ветвях священных деревьев, в местах, посвященных тому или иному божеству, на обо и вокруг него. Иконы же всегда представляют из себя рисунки, часто очень высокой художественной ценности. Много икон рисуется в монастырях. В каждом монастыре имеются свои иконописцы-художники "цзурачи" (монг. *зурагчин* — К.Я.), которые пишут иконы и для своего монастыря, и по заказу для окрестных жителей. В местах же большого скопления населения спрос на подобного рода предметы религиозного культа настолько велик, что своих монастырских иконописцев уже не хватает и достать у них или заказать икону трудно. Поэтому часто можно наблюдать в населенных пунктах, приютившихся неподалеку от монастырей частных иконописцев, добывающих себе на жизнь бесконечным писанием иконок. В Монголии почти нет привозных икон, как редкость можно встретить привезенные паломниками иконы из Лхассы, Гумбума, горы У-Тай и проч. почитаемых мест. Для торговли же специально икон не привозят. Зато приезжают китайские иконописцы и, поселившись в людных пунктах, около больших монастырей открывают свои иконописные мастерские и лавочки. Мне не доводилось встречать частных мирских иконописцев (не лам) — монголов, и, я думаю, что таковых и нет. Частные иконописцы, как правило, всегда китайцы, приехавшие из провинции Шань-си, с горы У-Тай, весьма почитаемой ламаистами и славящейся своими иконописцами и иконописными мастерскими. Подобного рода китайцы-иконописцы имеются и в Улан-Баторе. Они живут все неподалеку друг от друга, в западной части китайского квартала, в непосредственной близости к огромному поселению монастыря Гандан. В этой части китайского квартала нет больших богатых лавок, здесь небольшие китайские фанзы, тесно построенные, прилепленные одна к другой, узкие улочки и закоулки. Здесь живет ремесленный люд, имеются небольшие лавки, обслуживающие требования проживающего вокруг китайского населения, мясные китайские лавки, небольшие кондитерские. Здесь с утра до вечера идет трудовая жизнь. Ряд фанз занят "мастерами серебряных дел", выделывающих серебряные украшения для седел, для сложных женских причесок, уже редко встречающихся в Улан-Баторе, но еще сохранившихся в худонах. На крошечных выставках можно видеть кольца, серьги, пряжки и прочие украшения, столь излюбленные щеголями и щеголихами.

Работники одной профессии стремятся поселиться неподалеку друг от друга и, когда вы проходите по улочкам китайского квартала, вам невольно приходит к голову, что вы попали в место, где поселился "средневековый цех".

Так и иконописцы. Всего иконописных мастерских немного — в Улан-Баторе наберется до 10. Все они ютятся поближе друг к другу и живут замкнуто, своей особенной жизнью. Все виденные мной мастерские были очень невелики. Маленькая фанза, в которой почти во всю ее площадь помещается кан, на котором работают, едят и спят, и на котором проходит вся жизнь иконописца-ремесленника. Площадь фанзы невелика, 1 1/2саж. х 2 саж. Кан занимает почти все пространство, так что

остается небольшой проход во вторую узенькую комнатку, где сложены дрова и нехитрые предметы обихода. У стены, противоположной входу, помещается небольшой конфуцианский алтарь, с дощечками предков и жертвенными сосудами для сжигания молитвенных палочек. В одной мастерской, наиболее богатой, для такого алтаря была устроена особая ниша в стене, украшенная материей с нашитыми бархатом иероглифами. Как ни странно, местные китайские иконописцы — не буддисты, а придерживаются конфуцианского толка. На кане помещается узкий столик, четверти полторы вышиной, в ящичках которого хранятся краски, кисточки, чашечки и прочие принадлежности рисования. В изголовье на день сложена постель, которая разворачивается на ночь. Тут, сидя, поджав под себя ноги, проводит своей день иконописец за своим утомительным и кропотливым трудом.

Мастерская принадлежит обычно артели из нескольких человек, причем один выполняет всю несложную домашнюю работу, в то время как другие заняты своей работой. Все работают одинаково. Помещение мастерской не принадлежит артели, она арендует его у домовладельцев (обычно крупные китайские фирмы) за ничтожную плату от 60 до 120 тугриков в год. Почти во всех виденных мной мастерских окно фанзы стеклянное, причем нижняя часть его не имеет характерной китайской мелкой деревянной рамы, а представляет из себя сплошное стекло, верхняя же часто заклеена бумагой или зарисована узорами по стеклу. Света проникает в фанзу не вполне достаточно и поэтому большинство ремесленников работает в очках или с лупой в руках.

Пишут иконы по полотну, туго натянутому в раму, как это делают для вышивания на пяльцах. Такая рамка с полотном подвешивается на длинной веревке или к потолку или к стене, и работник может отпустить ее, подтянув за свободный конец веревки так, чтобы работа не могла быть попорченной. На белом полотне сначала наносят свинцовым карандашом или тушью абрис рисунка. В одной мастерской я видела сделанный штамп, который кладут сначала на полотно, а полученный отпечаток уже разрисовывают красками. Но обычно я наблюдала следующий прием: на полотне делают зарисовку, справляясь с книгой-справочником, а потом разрисовывают красками и накладывают золото. У каждого мастера есть такая книга-справочник, частью отпечатанная на тонкой китайской бумаге, частью заполненная образцами рисунками самого мастера в годы его учения. В книге, которую мастер ни за что не продаст, находятся одноцветные контуры-рисунки бурханов и их атрибутов. Есть страница, заполненная только одними рисунками положения рук, или контурами фигур в разных позах, или образцами разнообразных головных уборов, в которых рисуются великие ламы. Получив заказ, мастер справляется со своей книжкой и делает рисунок. Если рисунка бурхана у него нет, и заказчик не может дать ему образца, то он отказывается от заказа. Пишут иконы клеевыми красками, которые приготавливают сами, тщательно и долго растирая их в фарфоровой ступке пестиком. Золото, которым обильно разрисовываются иконки поверх красок, употребляется в порошке и по мере надобности приготавливается в крошечных чашечках. Кисти употребляются колонковые, для каждой краски — отдельная. Мягких переходов одного тона в другой почти не замечается. Обычны яркие и определенные цвета, густо и ровно положенные.

Из материалов употребляют предпочтительно полотно, чем тоньше оно, тем больше ценится икона, и тем тоньше она должна быть сработана. Для дорогих икон употребляется хорошо вытканный шелк, без узелков.

Стоимость работы, по сравнению с затраченным на нее трудом, очень низка. Иконка размером 3 на 2 1/2 дюйма оценивается в 1 1/2 тугрика, а берет от 2 до 3 дней кропотливой работы. Большое полотно, в сажень длиной и 2 1/2 аршина шириной, пишется в течение 3- месяцев и расценивается тугриков в 120. Оно требует большой работы, т.к. обычно кроме центральной фигуры содержит в себе многочисленные украшения в виде цветов лотоса, жертв, нарисованных у подножия центрального бурхана, и прочие.

Средний заработок мастера можно определить в 40 тугриков в месяц. Иногда, при наплыве заказов, заработок повышается, но редко превышает 60 тугриков. Иногда заказов бывает немного, и еле хватает на жизнь. Поэтому иконописцы не брезгуют и другой работой, они берут на себя также раскраску золотом и рисунками мебели, барельефную и др. работу.

Здешние мастерские мало работают на продажу, т.е. они не имеют специальных лавок для торговли, они обслуживают заказчиков. Правда, прийдя в такую мастерскую, почти всегда можно сторговать и купить иконку малых размеров, но, обычно выбор их невелик, а больших размеров икону и не купишь, можно только заказать.

Каждый мастер должен уметь рисовать всевозможных бурханов, уметь делать зарисовку-контур, накладывать краски и золотить. Узкой специализации не наблюдается, но почти у каждого имеется свой излюбленный вид рисунка. У одного лучше выходят спокойные величавые лица "амурлингуй" (монг. *аморлингуй* — спокойный — К.Я.) бурханов, другой предпочитает тонкую миниатюру, третий прекрасно рисует изображения грозных докшитов. Но это уже вопрос склонности, а как правило мастер до конца рисует начатую им икону. Иногда мастер ставит свою печать на работе, а в большинстве случаев работа безымянна, хотя и является плодом большого мастерства. Среди проживающих в Улан-Баторе китайских иконописцев есть двое, работы-миниатюры которых останавливают на себе внимание своей тонкостью и умением.

Существуют особые правила письма икон и их раскраски, от которых отступать не полагается уже потому, что нарисованные не по правилам иконы не найдут сбыта. Все же у некоторых можно найти, на сразу, конечно, вещи, отступающие от обычных правил — например, рисунки-контуры золотом по цветному атласу, или просто рисунок тушью, без раскраски — это работа, сделанная уже из любви к делу. Обычно же мастера строго придерживаются канонов иконописи, справляясь со своей книгой-справочником.

Работа выполняется всегда очень тщательно и аккуратно. Все местные китайцы-иконописцы, прежде чем самостоятельно начать работать, прошли долгий курс обучения на своей родине, в мастерских горы У-Тай и только приобретя известную технику рисунка, они смогли стать мастерами.

Здесь в Улан-Баторе, я не встречала в мастерских учеников — подмастерьев. Обычно пишут все одинаково трудные вещи, и лишь один член артели следит за порядком, топит кан, готовит обед, варит чай.

Обед и чай съедаются тут же на кане, отставив работу в сторону, на что тратится немного времени, а затем мастера опять принимаются за свой труд. На кане, как уже было сказано, проходит вся жизнь ремесленника, день которого начинается с раннего утра и кончается вечером, когда потемнеет настолько, что писать трудно.

Из расспросов мне удалось установить, что ремесло иконописи является наследственным, переходя от отца к сыну, что еще больше подчеркивает "цеховое" устройство ремесленников. Местной отдельной организации цеха мне не удалось установить. Приехавшие в Улан-Батор иконописцы не задерживаются подолгу, подработав и подкопив денег, они уезжают обратно на родину, а на смену им являются другие. Семейных ремесленников я не встречала.

5/II 1929 года.
г.Улан-Батор.
[Публикация К.Н.Яцковской]

Н.П.Шастина

Фрагменты статьи об аймачном храме "Орлуд"

18 Июня 1929 года.

Аймачный храм "Орлуд". Находится на юго-восток от центра. Центром условимся считать златоверхний Данчинкалбаин суме. Аймак "Орлуд" расположен по краю площади, вход обращен на юг. Главные красные ворота с круглыми львиными головами, во рту которых — кольца, заменяющие ручки. Над входом — навес. Все сделано из дерева и выкрашено в красную краску. Навес имеет загнутые края, обычный китайский тип. Кроме этого главного входа имеется один боковой, на восток от главного. В него-то обыкновенно и ходят. Двор прямоугольный, длина с юга на север 34 метра, ширина с востока на запад — 49 метров. Аймачный храм расположен прямо против главных ворот "халга" (монг. *хаалга* — ворота — К.Я.), но не в центре двора, а несколько западнее. К храму идет выложенная досками дорога, шириною в сажень, длиною в 7 метров. Сам аймачный храм представляет из себя большую деревянную юрту. Стены и крыша его сделаны из досок. Крыша крыта тремя рядами плах, выступающими одни над другим тремя кольцами. Над входом устроен портик из дерева, выкрашенного в красный цвет. Ширина этого портика 3 метра 70 сантиметров, глубина его 2 м 80 см. В глубине портика находятся двери в "дугун" (монг. *дуган* — храм — К.Я.). Двери выкрашены в яркую красную краску и расписаны золотом. Вместо окон сделаны прозрачные деревянные стены по два звена на каждой стороне от входа. Изнутри эти стены завешены холстом. Стены и решетки красного тона. На крыше, выкрашенной в белый цвет, нанесен красным рисунок: красный сплошной круг и от него — длинные прямые концы на четыре стороны света. Полукруг юрты равен 29 метрам. Непосредственно к северной части юрты прилегает деревянный крытый коридорчик длиной в полтора метра, который ведет во вторую часть аймачного храма, где находятся бурханы и номы (монг. *ном* — книга — К.Я.). Эта часть храма представляет из себя высокий деревянный байшин (монг. *байшин* — здание — К.Я.) с желтыми стенами, продольные серединные балки которых выкрашены в красный цвет. Стены совершенно сплошные на запад, север и восток, а к южной стене в середине ее прилегает коридорчик из юрты, остальные же боковые части стены длиной по 2 м, заняты решетчатыми окнами, через которые проникает свет. Пройти в этот храм можно только через коридорчик. Решетка окна мелкая. Края окна расписаны рисунками, на которых изображены "найман тахиль" (монг. *найман тахил* — восемь священных ритуальных буддийских даров, выставляемых на жертвенном столике перед изображением бурханов — К.Я.) по белому тону. Вверху над окнами — рисунки чаш, в которых лежат жертвы: фрукты, проросший ячмень и пр. Эти рисунки сделаны по желтому фону. Внизу под окнами по синему фону — тонкий белый рисунок. Крыша красная, китайского образца, с приподнятыми углами, где подвешены железные колокольцы. На соединяющей балке крыши находится ганчжир (монг. *ганжир* — отличительный знак на крыше храма — К.Я.) Крыша двускатная. Длина этого здания 4 м 70 см. Против коридорчика на запад и восток стоят высокие зонты. На запад стоит белый зонт, железный. Сверху он расписан цветными полосами в следующем порядке: синяя полоса, красная, желтая, зеленая. Вверху золотое украшение. На восточном зонте тоже полосы, но вместо желтой полосы белая, а сам зонт желтый. Высотою они до двух сажен.

На восток от "дугуна" расположены кладовые и домик, в котором находится сторож-"дуганчи". Этот домик представляет из себя интерес в том отношении, что он сохранил все особенности стройки юрты, но принял квадратную форму. Внутри его четыре колонки поддерживают квадратное отверстие наверху, под которым расположен очаг, сложенный из кирпичей. Против входа находится божница с тремя бурханами. Лицо среднего бурхана с вытаращенными глазами и черными усами носит характер китайских изображений. В домике имеется окошечко.

Внутренность передней части "дугуна", где происходят служения, мы рассмотрели через окна (решетчатые стены). Прямо против входа находится на возвышении высокое сидение под балдахином. Ряды скамей "чжабдан" (монг. *жавдан* — узкий длинный топчан для сидения — К.Я.) занимают всю площадь. Всего рядов скамей восемь. Скамьи поставлены между колоннами, которых всего 20, из них две у горнего места расписаны золотыми драконами по красному фону, остальные — просто красные. Между второй и третьей от входа колоннами серединного ряда находится большой красный барабан "кингырге" (монг. *хэнгэрэг* — К.Я.).

Внутренности второй части "дугуна" нам не удалось видеть. На восток от входа (ворот) находится красный помост "бурейн шата" (монг. *бурийн шат* — К.Я.) для созыва лам на хуралы.

В северной части внешнего хошана имеется маленькая красная калитка, как раз против центра второй половины "дугуна".

Сзунгей (Цзунгей) аймак

Аймак Сзунгей расположен в хоронах (монг. *хороо* — квартал — К.Я.) на юго-восток от центра. Во дворе его находится три храма и две юрты жилых, одна — с железной крышей, другая — с деревянной. Обе эти юрты не переносные, а на фундаменте и с деревянными стенами. Кроме этого во дворе находится несколько кладовых и сараев. Один из трех храмов — в тибетском стиле, в нем помещается золотой "шамбалийн орон" (здесь: макет

райской страны буддистов — Шамбалы — К.Я.). Два других — соединены коридорчиком вместе; передняя его часть — огромная деревянная юрта, вторая часть — "байшин" с китайской крышей. Юрта-храм находится прямо против главных ворот, от которых к ней ведет деревянный помост, на котором стоит бронзовая курильница. Юрта имеет деревянный портик. Внутренность юрты очень богато украшена, в середине находится квадратный помост, на котором ламы что-то делали лежа. По-видимому — "балины" (монг. *балин* — ритуальный раскрашенный пирог из теста конической формы — К.Я.). С потолка спускалось множество украшений, так что в юрте полутемно, и рассмотреть подробности трудно. Много колонн, из которых центральные 8 расписаны золотыми драконами по красному. Остальные колонны красные. Меж колоннами стоят ряды "чжабданов" и висит 8 "кынгырге". Из этого "хурулийн суме" (монг. *хурлын сум* — капище, кумирня — К.Я.) можно пройти в "шутеней орго" (монг. *шутээний орго* — дворец, палата со святыней — К.Я.) по коридорчику. "Шутеней орго" — представляет из себя "байшин" с двускатной крышей китайского образца. Наверху крыши помещен ганчжир. Ширина и длина этого строения по 6 1/2 м. В северо-восточном углу двора, примыкая одним углом к юрте-храму находится "лойлин суме". Это постройка в тибетском стиле, но с зеленой китайской крышей, в один этаж с надстройкой. Вход-портик сделан очень большим и, собственно говоря, представляет из себя часть храма. Окна сделаны высоко от земли, с черными наличниками и пестрым квадратным орнаментом наверху. Стены деревянные, плахи положены горизонтально. Фундамент из серого камня (также, как у юрты и у "байшина"). Окна стеклянные, затянуты черной мелкой проволочной сеткой. Длина портика 3 мет., длина храма 6 мет. и ширина 8 мет. Северная сторона забора не прямая, а имеет выступ вглубь, как раз против юрты, между "лойлин суме" и "шутеней орго". Здесь только узкий проход, т.к. свободное пространство также загорожено хошанинами.

Ламынер аймак

"Ламынер аймак" расположен на запад от "Сэунгей аймака". Обращен также на юг (это правило о котором я больше не буду упоминать). Имеет два входа. Двор прямоугольный. Аймачный храм расположен прямо против главного выхода, восточнее центра двора. По главным воротам не ходят в обычное время, а ходят через калитку у восточных ворот. Храм деревянный, квадратный...

Аймак Эрхе Дакини (Ирхи тагне, Эхе тагин)

Этот аймачный храм расположен на широкой ямой улице, идущей на восток от центра. Это первый ошан" на широкой улице. Входные ворота обращены, к обычно, на юг.

Двор по сравнению с обычными дворами аймачных мов очень велик и заключает в себе еще два внутренних ра. Форма его также необычна. Вместо прямоугольника, э имеет шестиугольную форму . При тщательном отре этого двора можно прийти к следующему ючению: первоначально двор имел прямоугольную лу "в" и "с", где находились постройки аймачного на" "в" и чжисийн орго (монг. *жас* — хозяйство тыря — К.Я.) "с"; впоследствии был присоединен еще

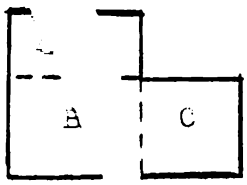


Рис.1. Двор аймака Эрхе Дакини

с севера участок "а", на котором был выстроен отдельный "лойлин суме". Остатки ограды, некогда разгораживающей участки "в" и "а", видны до сих пор. Надо думать, что постройка "лойлин суме" относится к недалекому прошлому, т.к. и сам-то аймачный храм "Эрхе Дакини" — недавней стройки. В списке аймачных храмов Позднеева нет этого аймака. Он возник уже после составления этого списка.

Аймак этот богат, и постройки его велики по размерам и по богатству росписи и украшений. Усадьба также велика, больше почти вдвое обычных усадьб аймачных храмов в Дзун-Курене.

Аймак этот имеет 2 входа; главные ворота, расположенные непосредственно против аймачного дугуна, обычно закрыты (они открываются лишь во время хуралов). На главных воротах сделана в китайском стиле красная крыша, на поперечной балке которой находится золоченое колесо учения и 2 лани по его бокам — "байтугурюс" (монг. *байт гөрөөс*, досл. лань с отметиной — К.Я.). Вторые ворота, в которые ходят обычно, расположены восточнее, как раз против "чжисийн орго". Эти ворота также красного цвета, но без навеса и имеют обычный вид.

Сам аймачный храм представляет из себя огромную

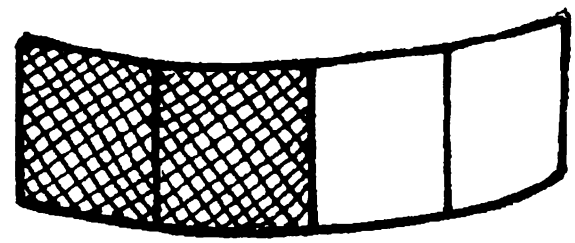


Рис.2. Стены храма Эрхе Дагини

юрту, поставленную на каменном фундаменте из серого обточенного гранита. Стены ее деревянные, перемежаются с красными решетчатыми, заменяющими окна звеньями: два звена плотных, два — решетчатых и т.д. Плотные звенья состоят из досок, выкрашенных в белый цвет и поставленных вертикально. Балки, их соединяющие, выкрашены в красный. Решетчатые окна целиком красного цвета.

Крыша деревянная, из 4-х деревянных слоев, края которых находят один на другой так, что верхний выступает в ширину доски над нижним. Крыша белая, на ней красный рисунок "халза" (монг. *халз* — фронтальное украшение — К.Я.).

Вход в юрту сделан портиком, красный, деревянный. На портике, на балке, соединяющей вверху двускатную его крышу, находятся "байтугурюс". Внутри портика пусто. Широкие красные двери, ведущие в юрту, расписаны золотом.

Между портиком и халгой находится вымощенный досками "высокий путь", на котором стоит на деревянном столике плоская бронзовая курильница.

По обе стороны портика, на тонких высоких шестах водружены "дуг" (монг. *туг* — знамя — К.Я.), сделанные из черных конских хвостов. С северной стороны юрты находится "бурхайн суме", непосредственно примыкающий к ней красным коридорчиком.

Размеры "бурхайн суме" также больше обычного как и размеры юрты, служащей "хурулуйин дугуном". Окружность "хурулуйин дугуна" равна 66 метрам. Размеры "бурхайин суме" — 17 1/2 м х 10 м.

У "бурхайин суме" с южной и северной стороны сделаны галереи, столбы которых богато расписаны: огромный дракон обвился по красному столбу. Северная стена гладкая,

Рис.3. Туг'и, расположенные по обе стороны портика храма Эрхе Дакини

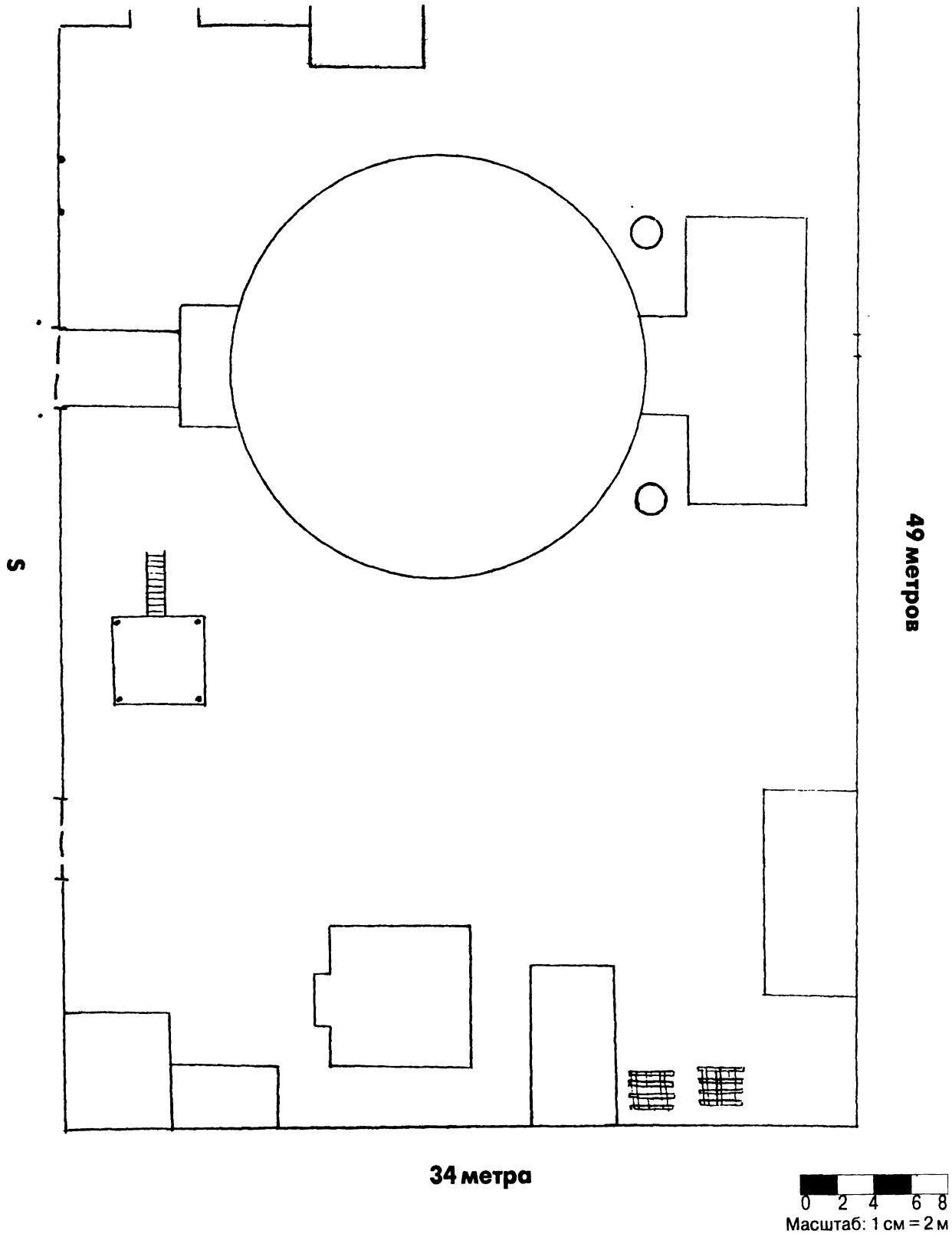


Рис.4. План Аймачного Дугуна. Аймак Өрлүд.

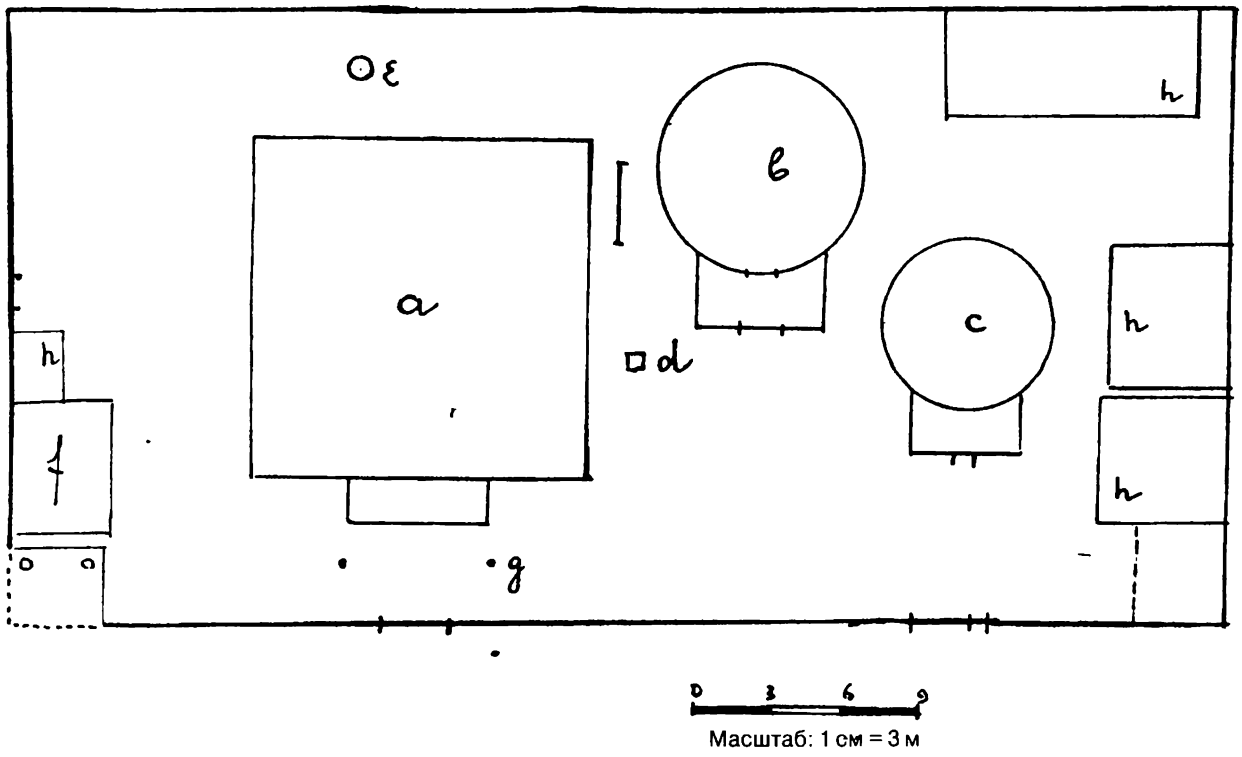


Рис.5. План двора Аймака Дархан Эмчи

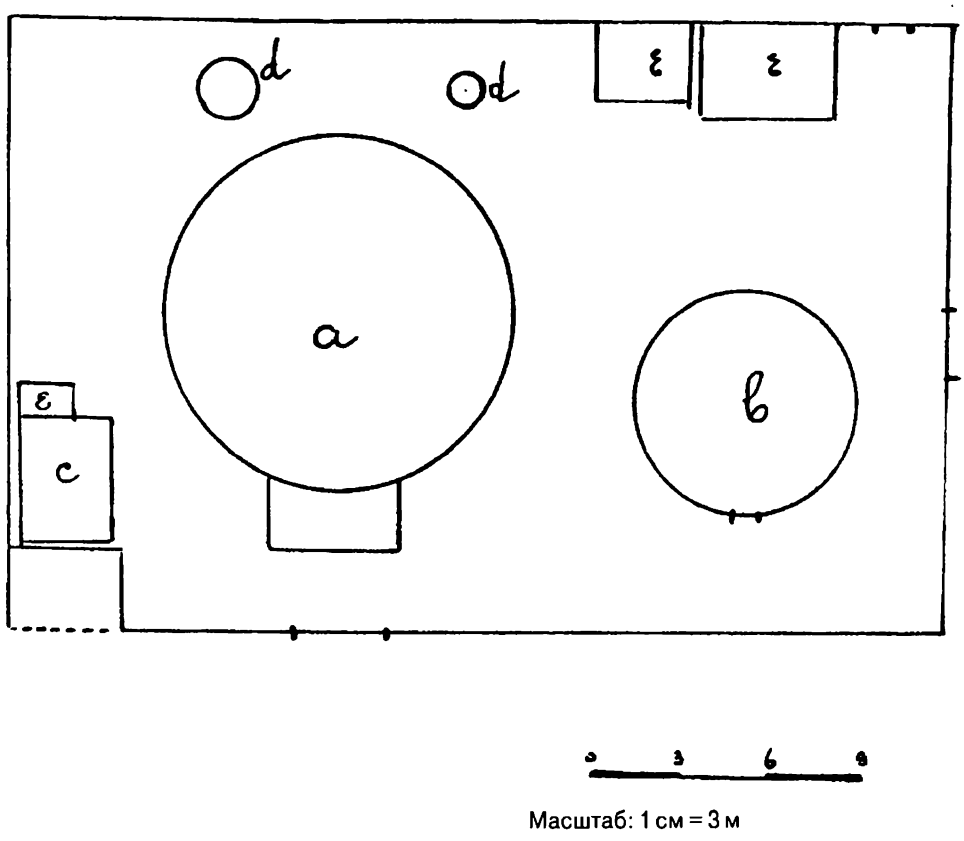


Рис.6. План двора Аймака Мерген Хонбо

Рис.7. Свидетельство от 3-го августа 1936., выданное Н.П.Шастиной по случаю 15-ой годовщины независимости Монголии о награждении ее отрезом немецкого шелка в размере 3-х метров, подписанное председателем Ученого Комитета Дондубом, советником Воробьевым и секретарем Банзрагчем.

выкрашена в красный цвет, без окон — по обыкновению. Галерея около северной стены является отступлением от обычных построек "бурхайн суме", не имеющих у северной стены никаких пристроек. Восточная и западная стены гладкие, также без всякой росписи и окон. Южная же стена имеет большие окна, незастекленные, а решетчатые, выкрашенные в зеленую краску и заклеенные изнутри бумагой. Вокруг окон — роспись, а сбоку — картины.

En face южная стена имеет такой вид. На всех "бурхайин суме", виденных мной ранее имелась роспись вокруг окон более или менее богатая, но целые отдельные картины, как в данном случае, мне попались в первый раз. Картины следующие (с востока на запад) 1) 4 мифических зверя: "арслан", "гаруда", "лу" и "бара" (лев, мифическая птица, дракон, тигр); 2) "Убугун", прогоняющий дракона, 3) "Гумбаг" — слон, обезьяна и пр. 4) Тохтохо-тайджи, поражающий бара.

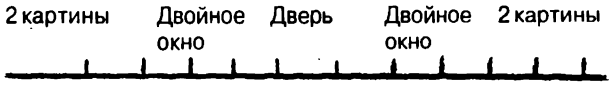


Рис.8. План южной стены храма Эрхе Дагини

Все картины китайской работы, манера письма сохранена чисто китайская. На крыше "бурхайин суме" посередине — большой "ганчжир", по бокам знаки, сплетенные из 2-х тибетских букв.[1] Углы крыши заканчиваются драконьими золотыми головами. Крыша в китайском стиле.

Против окон "бурхайин суме" находятся: с западной стороны большой железный "чжалцан", с восточной — деревянная стойка с дырками, в которые можно вставлять тонкие шесты (я предполагаю — с молитвами).

На восток от этого "бурхайин суме" во дворе помещается храм в тибетском стиле "Ундур геген". Внешний вид этого храма довольно заброшен, краска полиняла и местами исчезла совсем. Размеры его невелики 9 м. х 8 м. Он состоит из притвора и главного здания тесно слитых друг с другом. Над крышей главного здания возвышается надстройка в китайском стиле. Стены белые дощатые. Наверху черная полоса с золотыми кругами, заменяющая полосу из самшитового хвороста, имеющуюся в храмах тибетского стиля.

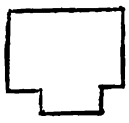


Рис.9. План храма "Ундур геген"

На запад от "бурхайин суме" находится квадратный "дуган", очень небольшой с глухими стенами со всех сторон, выкрашенными в темно-желтый цвет. На юг от него и на запад от "хурулуйин дугуна" находится внутренний двор, в который имеется 2 входа: с юга и с востока. Внутри двора стоит один "байшин", с "ганчжиром" на крыше. Тип постройки такой же, как и все "бурхайин суме". Дворик пуст и постройка заброшена.

Против входных южных ворот этой старой постройки, в юго-западном углу большого двора находится невысокая (1 метр) загородка, внутри которой насажены ивы, и стоит маленькая часовенка (1 х 1) вышиной немного более метра. Внутри ее, через решетчатое окошечко, виднеется камень с высеченным изображением Падмы Самбавы (?). Изображение грубо расписано золотом и красками, лицом обращено на север.

В противоположном конце двора (сев.-зап.) находится II-ой внутренний двор, внутри которого возвышается вновь отремонтированный "лойлин суме". Войти во двор можно с двух сторон: с юга и востока.

Перед входом в сумэ стоит маленькая плоская бронзовая курильница на высокой красной подставке. Сам "лойлин суме" состоит из трех частей: главной, притвора и портика. Портик "а" снаружи выкрашен в голубой цвет, стены "в" и "с" — ярко белые с черной каймой наверху, украшенной золотыми "толи". Над стеной "с" возвышается надстройка в китайском стиле с ярко зеленой крышей и пестро расписанными окнами. Над "в" также имеется надстройка, но пониже и в монгольском духе, выкрашена в желтый цвет.

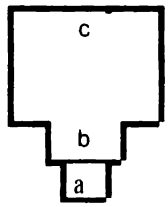


Рис.10. План "лойлин суме" аймака Эрхе Дагини

В восточной части двора находится "чжисыйн орго" и служебные постройки, отдельная кухня и кладовые, навесы для дров.

"Чжисыйн орго" представляет из себя шебаренную (монг. *шавар* — глина — К.Я.) юрту с тесно пристроенным также шебаренным "байшином". Стены белые с красными балками.

1 июля 1929 года

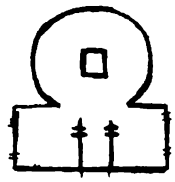


Рис.11. План "Чжисыйн орго" в аймаке Эрхе Дагини

Аймак Дархан Эмчи

Аймак Дархан Эмчи расположен на с-в, от центра. Он представляет из себя прямоугольный двор 50 м х 24 м. Фасадом обращен на юг. Входных ворот 2, одни из них расположены против "хурулуйн дугуна". Они выкрашены в красный цвет, имеют навес в китайском стиле. На верхней перекладине этого навеса находится золоченое хорло (асыр) (монг. *хорло* — фируга в виде круга с радиальными спицами — К.Я.) и две лани по бокам. Концы балки закончены деревянным позолоченным узором "падма", представляющим из себя условно-изогнутые листья лотоса. Под навесом находятся три обычных для ворот картины: в центре — меч Манджушри, слева — слон, обезьяна и птица, справа — Цаган-Убугун. Рисунки сделаны контуром, без раскраски. Круглые золоченые головы арсланов, с кольцами во рту служат ручками ворот. Хадаки (монг. *хадаг* — сложенная узкая шелковая или хлопчатобумажная ткань, предназначенная для ритуального подношения, служила обменной валютой в Монголии — К.Я.) привязаны к кольцам.

Вторые ворота находятся восточнее, они обычного типа и выкрашены в красный цвет. Вход в аймак в обычное время по ним, а главные ворота открываются только во время хуралов.

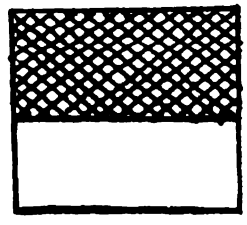


Рис.12. Стены "Хурулуйн суме"

а) "Хурулуйн суме" представляет из себя квадратную постройку (13 1/2 м х 13 1/2 м) стены которой сделаны из досок. Стены выкрашены в желтый цвет, но поперечные и горизонтальные балки — красные. Красными сделаны также и небольшие решетчатые окна. Окон очень немного и внутри "дугуна" темновато. Звено стены с окном. Крыша "дугуна" 4-х стенная, по три ряда досок, положенный один на другой. Крыша выкрашена в белый цвет, на втором ряде, среднем, нанесен широкий рисунок "толи". Крыша имеет

вид усеченной пирамиды, наверху которой водружен в центре "ганчжир", по углам 4 "чжалцана". Вход в "дугун" прикрыт портиком, 2 1/2 м в вглубь, шириной 6 1/2 м. На портике находится золоченое "хорло" и две лани. Двери в "дугун" красные, расписаны золотом, на верхних квадратиках двери нарисованы "чинтамани" (*норбу* по тиб.) (монг. *чандмань* миф. драгоценный камень, удовлетворяющий все желания—К.Я.), на нижних—"хорло" и перекрещивающиеся "вачиры" (монг. очир—символ могущества—К.Я.).

Внутренность "хурулуйн дугуна" занята обычными "чжабданами" и колоннами. На колонне первой правой от входа висит большое "сансырийн хурдэ" (монг. *сансрын хурдээ*—колесо мира—К.Я.).

У северной стены находится "арслан тушилге" (монг. *арслан тушилгэ*—досл. львиный престол—К.Я.) и шкафы с бурханами. Шкафы эти прекрасно расписаны монгольским "дзурачином" (по сообщению ламы — проводника). Устройство их таково: вверху идет обычный квадратный орнамент. Орнамент этот идет над всей северной стеной карнизом. В центре как раз против входа, в нише, образованной боковыми шкафами, под квадратными балдахином стоит "арслан тушилге", на котором растянут белый плат с перекрещивающимися "вачирами"—очень старый и даже порванный. На спинке кресла висят три застекленных в рамке иконы, направо—Дзонхава, налево—Гучин Лама (?) в центре маленькая — нельзя рассмотреть. С карниза свешивается также под стеклом большое изображение Цзонхавы.

Большие шкафы по обе стороны трона имеют по три пары дверей каждый. Вверху над дверками рисунки. Центральная из трех дверей—пошире, и рисунок над ней, естественно, —шире. Боковые—уже. Квадратики дверей также представляют из себя отдельные рисунки, богато орнаментированные вокруг. Орнаментом служат цветы лотоса и изогнутые тела драконов. Рисунки следующие: на западном (барун) (монг. *баруун*—запад—К.Я.) шкафу вверху в центре — Цзонхава, по обе стороны — два его ученика. Квадратики дверей—10—заняты изображениями Чойжилхамо (Чойжидакини) и 2 — арилте и Цаган-Убугун. (Эти последние два изображения помещены на нижних квадратиках средней двери). На восточном шкафу вверху в центре —Падма Самбава, по бокам его—ламы-отшельники. Внизу на квадратиках двери — 10 лам — отшельников и в 2 квадратиках, 4 нижних—4 махаранцзы. Вся эта живопись выполнена по дереву клеевыми красками, работа старая и очень искусная, заслуживает того, чтобы быть снятой. Письмо несомненно монгольское.

Внутри шкафов стоят литые бурханы: в западном — бурхан бакши в человеческий рост, Цзонхава в 1 метр вышиною и еще несколько — меньших размеров. Перед ними "тахильчин шире" (монг. *тахилчин ширээ*—стол для жертвоприношений—К.Я.), на котором 3 ряда чашечек по 7 в каждом. В центре меж чашечек горящая "ихе цзула" (монг. *их зул* — великая лампада — К.Я.). В первом и втором ряду чашечек налит "аршан", в третьем (чашечка значительно больше) лежали завернутые в желтый шелк какие-то жертвоприношения. В восточном шкафу в углу его стоит весь завешанный хадаками бурхан, немного больше человеческого роста. Он завешан хадаками так, что представляет из себя безформенную груду, когда

Рис.13. План шкафов и трона у северной стены

лама отвел хадаки, то мы могли рассмотреть, что бурхан этот глиняный, раскрашенный, китайской работы. Лицо его белое, глаза грозно вытаращены. На голове одета шапка с пятью бурханами, тело одето в одежду, поверх большой воротник "дод-ик". Вероятно, это Падма Самбава (лама назвал его просто Самбу)—"сахюс" (монг. *сахиус* — гений-хранитель — К.Я.) этого аймака. Кроме этого изображения в этом шкафу стоят 2 стеклянных шкафчика с несколькими небольшими бурханами, перед ними — жертвенный стол с цзулой, цецуге (монг. *цэцэг*—цветок—К.Я.), балинами.

в) "Бурхайин суме" стоит отдельно, несколько восточнее "Хурулуйин дугуна" и представляет из себя деревянную юрту с плотными стенами, совершенно глухими, выкрашенными в желтый цвет. Крыша железная некрашенная, наверху ее—"ганчжир". В крыше сделано вверху окошечко, через которое проникает свет внутрь. Вход через длинный портик, деревянный с крышей китайского образца и китайскими решетчатыми окнами. По бокам около стен в портике стоят покрытые войлоком низкие скамьи, над ними висит небольшой барабан, тут же лежат книги, "дамару" (монг. *дамар* —бубен у лам—К.Я.) и "хонхо" (монг. *хонх*—колокольчик—К.Я.). Внутри самого "бурхан суме" темновато. Четыре колонны поддерживают круг. Пол устлан войлоком, крытым синей далембой. Против входа меж двумя передними колоннами спускаются хадаки: голубые, красные, зеленые, желтые и белые. У северной части окружности стоит большой застекленный шкаф, в котором — три бурхана: в центре — большой медный—(Лабан?), закрытый халатом, по бокам — глиняные, пестро раскрашенные докшиты, слева—Гуручок (?) справа—белый, верхом на мифическом животном. Перед ними стоит жертвенный стол, на котором семь больших "цецуге" и два искусственных, вышитых бисером цветка—украшения. Слева на закрытом небольшом шкафу висит изображение писаное Манчжушри. Справа от стола стоит небольшой ящик, обитый черной материей с каймой из нарисованных черепов. Сверху свешивается несколько "баданов" (монг. *бадан*—лента для украшения—К.Я.), два "чжалцана" и длинные ленты—всего немного, и все очень пыльное и старое.

с) "Чжисийн орго" представляет из себя юрту с деревянными стенами и входом в виде небольшого портика. Внутри обычный большой очаг, на этот раз большие железные печки. Шкаф с бурханами прямо против входа. Вокруг стен ящики и сиденья, покрытые войлоками.

Кроме этих построек во дворе находятся несколько кладовых, навес для дров и кухня.

Курильница стоит на необычном месте, между "хурулуйин дугуном" и "бурхайин суме". Она довольно бедна, подставка сложена из серых необожженных кирпичей и дерева. Сама курильница—гладкий бронзовый квадратный ящичек.

[Публикация К.Н.Яцковской]

Примечания

[1] Под этими словами карандашная надпись: "Намгиинвандан"

И.И.Ломакина

В.А.Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе

Трагическая судьба Владимира Александровича Казакевича (1896-1937), прожившего на свете сорок один год, завершилась расстрелом ученого 20 декабря 1937 г. в Ленинграде. Дата эта указана в акте о приведении приговора в исполнение, подшитом к следственному делу Казакевича в архиве бывшего КГБ. При обыске на квартире на Васильевском острове были изъяты фотоаппарат, два китайских ножа, две монгольские монеты и другие подобные "улики" "агента иностранных разведывательных органов". Жена его, ученый-китаист, Зоя Васильевна, выслана из Ленинграда "без указания срока высылки" как жена "осужденного за измену Родине". Она "выехала в высылку 2 января 1938 года, проживала в селе Дмитриевка Шучинского района Северо-Казахстанской (ныне Кокчетавской) области[1], умерла в Самарканде 9 мая 1940 г. То немногое, что оставалось на столе ученого в институте на момент ареста, хранится в Архиве востоковедов СПф ИВ РАН. Среди документов, имеющихся здесь в личном деле ученого, особенно интересны два, относящихся к последнему году жизни: 1) Характеристика, написанная Н.Н.Поппе 7/1 1937 г., в которой, в частности, говорится: "В.А.Казакевич является наиболее квалифицированным сотрудником монгольского кабинета, единственным крупным специалистом монгольского кабинета, единственным крупным специалистом в области истории монголов XII-XVII столетий"[2]. 2) Заявление В.А.Казакевича 10/IX 1937 г. "Директору ИВ АН академику А.Н.Самойловичу. Доводя до Вашего сведения о командировании меня МОНК АН СССР в МНР летом текущего года на срок до 15 октября, прошу разрешения на эту поездку. Цели и задачи ее заключаются в производстве глубокой археологической разведки на территории Центральной части МНР с тем, чтобы наметить этим план будущих археологических исследований. Разведка выразится в обследовании довольно большого района бассейна рек Орхона, Толы, их притоков, — Онгийн-гола и др., а также района северной Гоби. Объектами исследований будут служить развалины крепостей, монастырей, отдельных зданий, могилы разных эпох..."[3]. К сожалению, планам ученого осуществиться было не суждено.

Очень высоко оценивал языковую подготовку и способности Казакевича и Б.Я.Владимирцов. После возвращения Казакевича из Монголии в июне 1926 г. профессор писал: "... главным предметом его исследований был монгольский язык в его наречиях, старых и новых, и различных письменных формах, а также страноведение Монголии. В этой области В.А.Казакевич успел сделать большую работу, произведя по поручению Монгольского Ученого Комитета маршрутную съемку с подробным описанием пройденных путей на очень большом пространстве". И далее профессор ходатайствует о привлечении Казакевича в качестве аспиранта "будучи уверен, что из него в скором времени выработается настоящий монголовед".[4]

В МАЭ есть один никогда не выставлявшийся экспонат, это — мумифицированная голова знаменитого Джа-ламы* "потомка Амурсаны", зарегистрированная как "голова монгола". В 1926 году ее привез из Улан-Батора В.А.Казакевич, что подтверждает удостоверение, выданное на его имя "на право провоза ящика без таможенного осмотра в адрес этнографического музея СССР, выданное полпредством СССР в г.Улан-Баторе", хранящееся как паспорт в музейном деле "головы монгола". Что "подвигло" В.А.Казакевича на "тайный" увоз головы Джа-ламы в Ленинград, мы, возможно, уже не узнаем. Одно ясно, что личность Джа-ламы занимала ученого всерьез. Это подтверждают материалы, хранящиеся в петербургских архивах.

Попав в Монголию летом в 1923 г., будучи студентом Петроградского института живых восточных языков, через два года Казакевич вернулся в Ленинград с удостоверением от Ученого Комитета МНР (№ 166 от 8 октября 1925 г.), в котором сообщалось, что "студент ЛИЖВЯ В.А.Казакевич, командированный в 1923 г. институтом в Монголию для ознакомления со страной и ее языком, пробыл с 28/VII 1923 г. по 1/IX 1925 г. на службе Учкома. За это время он принимал участие в пяти экспедициях, занимаясь рекогносцировочным исследованием топографии, естественно-исторических условий страны, сбором естественно-исторических коллекций и этнографических материалов. Кроме того, исполнял текущие работы по картографи-

*Агентство Экоарт выпускает книгу И.И.Ломакиной "Голова Джа-ламы" в 1994 г. (Ред.)

ческому отделу Комитета, высказывая серьезное отношение и живой интерес к разработке поручавшихся ему вопросов. Председатель Учкома Джамыин[5], секретарь Баточир"[6].

Сам же Казакевич так писал в "Отчете... о поездке в хошуны Тушетувана и Мерген-вана осенью 1923 г.", которая являлась одним из пяти маршрутов по Монголии за период 1923-1926 гг.: "...Учкомом мне были даны поручения обследовать южную часть Тушету-хан. аймака в отношении интересных ископаемых и археологических остатков. Затем было предложено разъяснить вопрос о местонахождении олобоі хорхоі, загадочного червя, известного по многочисленным рассказам, приурочивающим его к Дзак-Сужин-гоби. Кроме того поручалось вести съемку всего пройденного пути и сделать съемку южной границы Халхи..."[7] Выехав из Урги 11 сентября 1923 г., он вернулся из поездки по юго-западным аймакам в столицу Монголии 1 декабря, проделывая ежедневно до 60 верст... К лету 1923 г., когда студент Казакевич впервые появился в Урге, Джа-лама был уже убит по распоряжению Народного правительства как враг революции. Его голову, мумифицированную в Гоби по всем степным правилам с помощью соли и огня, насадили на пику[8] и провезли по аймачным и хошунным центрам до самой столицы, чтобы араты могли сами убедиться и разнести весть по всей Степи дальше: Джа-лама был смертен, и его больше нет! Голова "залегла" в Учкоме, а Казакевич, разъезжая по худону, выслушивал в юртах все новые рассказы о Джа-ламе. Записей о нем набралось много.

К сожалению, не удалось найти полевых дневников В.А.Казакевича 1923-1925 гг., но зато в фонде другого историка-монголиста В.Д.Якимова, его коллеги по Институту востоковедения в 1930-е годы, были обнаружены машинописные страницы, озаглавленные "Казакевич. Дневники". Василий Дмитриевич Якимов, занимавшийся историей ламаизма в Монголии, задумал написать повесть "Святой бандит. Наместник будды" — о Джа-ламе. Это было в 1937 году и, возможно, В.А.Казакевич по его просьбе собрал воедино свои записи, а, может быть, Якимов сам перепечатывал из полевых дневников коллеги эти нужные ему абзацы: "...Сообщу лишь те факты, о которых сам слышал. Насколько мне известно, краткие упоминания о нем в печати появились лишь у И.Майского ("Современная Монголия", Иркутск, 1921, с.254-258), в Бюллетене Монгольского Телеграфного Агентства под ред. В.Г.Генкина (Дадиани) от 10 и 18 февраля 1923 г., у Hernabb Konsten. [Weiderplatze der Mongolen im Reiche der Chalcha. Berlin. Band I, c.113-121.] причем, последний автор страдает невероятной фантазией. Кроме того я имел возможность достать объявление Министерства юстиции Народного правительства Монгольского государства от 13 года правления Многими Возведенного, 4 месяца, 22 числа (1923, 5 июня), в котором вкратце сообщается о суде сообщников Джа-ламы. Более подробный материал находится в архиве Министерства юстиции, куда переданы также и все документы из Государственной Внутренней Охраны Монголии, относящиеся к этому делу.

Деятельность Джа-ламы во время первой монгольской революции была вкратце описана И.Майским до 1914 года. Имя Джа-ламы встречается в описании путешественника Г.Н.Потанина в 1884-86 гг. (Тунгуто-тибетская окраина Китая и Монголия, т.1, с.463), где Потанин сообщает, что в Тангутском монастыре Цаган-субурган на берегу Кундулен-гола, самого восточного рукава Едзин-гола, имеется геген Джа-лама, во время проезда экспедиции его дома не было, он уехал в Кобок-сайр (округ Или-Тарбагатай). Таким образом, является очень возможным, что авантюрист, хозяйничавший в Западной Монголии, будучи по происхождению калмыком-ойратом, мог воспользоваться этим названием, которое он слышал или на Эдзин-голе или в Кобук-сайре во время своих скитаний по Центральной Азии. Сам Джа-лама в разговорах с А.В.Бурдуковым производил себя из местности Ашик-хорго-ула в горной части аймака Богдо-хан-ула, находящейся недалеко к северу от бывшего уртонного пути на Улясутай и северній границе хошуна Хутуч-ула.

Собственное имя его было Дамби-Джанцан, а титул нойон-хутухту (в объявлении Министерства юстиции). Назывался он и Ноин-богдо и Джа-богдо, и Ноин-бакши, и Хойр-толгойт (о двух верблюдах), т.к. во время одного из своих появлений ездил с двумя белыми верблюдами. Происхождение Джа-ламы точно неизвестно, несмотря на то, что русские власти арестовали его и держали сперва в ссылке, а потом под наблюдением полиции, как русского подданного, факт этот до сих пор не доказан. Наоборот, все монголы считают Джа-ламу выходцем из Центральной Азии (в частности, из хошуна Алана-цин-вана). По рассказам нескольких лиц, слышанных мною, Дамби-Джанцан занимал в этом хошуне должность х а (мелкого чиновника, адъютанта) и, будучи послан в Пекин с деньгами для взятки по какому-то делу, присвоил их себе и бежал неизвестно куда, чтобы затем объявиться в Западной Монголии. Относительно знания им русского языка имеются разные показания. Одни говорят, что он его совсем не знал, другие утверждают, что Джа-лама знал русский язык, но весьма слабо. Во всяком случае, это не может служить косвенным доказательством его русского подданства.

Летом 1918 года Джа-лама снова объявился в Монголии, воспользовавшись революционными событиями в России. Пройдя по Селенге, он остановился в монастыре Джалхандза-хутухта. Неизвестно, был ли сам хутухта посвящен в его планы, но участие в них шанзотбы монастыря Лхасорон-джаба доказано. В то время содействие Дамби-Джанцану в сильной и малой степени оказывали князья Цзасакту-хан, Церен-Гомбо-джаб, Джонон-ван..., содействие пятнадцати владетельных князей ставило в очень затруднительное положение Центральное Правительство, т.к. территория этих князей, находящаяся в аймаке Хан-Тайширу-ула, будучи удаленной от Улан-Батор-хото и принимая во внимание беспокойное состояние в то время Кобдосского округа, могли довольно легко образовать самостоятельное правительство во главе с Дамби-Джанцаном.

Но престиж центра был все-таки очень велик. Князья не решались явно высказывать свои мысли и помогали Джа-ламе тайком, чтобы войти в соглашение с Автономным правительством Монголии, были последним отвергнуты, и он удалился на крайний юго-восток в пограничную часть хошунов Цэцэг-нур (Дархан-бейле) и Бодо-хайран-ула (Дайнин-ван) к югу от хребта Монгольского Алтая, где халхасы уже не жили. Там он стал кочевать в местностях Тахи-усу и Гун-тамга, образовав хошун из слишком четырехсот юрт подданных князей Цэцэн-сартул, Пус-хайрхан-ула, Цэцэн-нур и торгутов из Булугуна, Карашара, Кобун-сайра. Последних, впрочем, было немного.

Киргизы рода Абан-уирэй хорошо помнили Джа-ламу по прошлой деятельности и не решались затрагивать его. Дело в том, что еще в 1911 году шайка их барантачей (воров скота) пробралась через Алтай в хошун Бус-хайрхан-ула и, пользуясь ночной темнотой, отогнала табун лошадей. Джа-лама, находившийся в то время неподалеку, погнался со своими людьми за киргизами и настиг их в ущелье Барлугийн-гол. Часть разбойников успела убежать, часть была убита и трое взяты в плен. Одного из них он собственноручно убил

и распорядился содрать с него кожу мешком (тулум), без разрезов. Затем велел отрезать уши у двоих пленных киргизов и, положив уши в кожу, отпустил их домой со словами: "Пока я не наполню кожу вашими киргизскими ушами, до тех пор я не успокоюсь и не перестану вас убивать". Этот поступок, действительно, устрашил киргизов и они долгое время не показывались, но после ареста Дамби-Джанцана стали грабить еще сильнее. Указание И.Майского, который несколько иначе описывает этот случай, на то, что Джа-лама снял с киргиза кожу для употребления при некоторых богослужениях, вызывает сомнение. Ясно, что при этом он преследовал цель устрашить киргизов, т.к. на востоке картинная жестокость всегда была излюбленным приемом для устрашения. Во всяком случае, следствием этого поступка явилось большое облегчение для жителей той области и тем самым усилило их приверженность к Ноин-багши (князю-учителю).

Насколько велико было одно время обожание, с которым относились к этому человеку, показывает следующее происшествие, рассказанное мне Л.Киреевым, торговавшим тогда в хошуне Бус-хайрхан-ула. Однажды Джа-лама, частенько приезжавший в монастырь Тзюйлин-хурэ, где существует торговый центр, попросил истопить для него баню, имевшуюся у русских торговцев. Это, конечно, было беспрекословно сделано, т.к. перед ним трепетали даже иностранцы. Пока он мылся в этой бане, у дверей ее собралась толпа народа, чаявшая получить мыльной воды после мытья и считавшая, что таковая будет очень полезна детям, которые скверно растут. Но, к их великому сожалению, Джа-лама всю воду вылил и даже прибрал баню, желая этим самым показать русским свою культурность.

Лучший способ войти к нему в милость были подарки серебром, золотом и хорошими скакунами. Других он совершенно не признавал.

Характерной чертой Джа-ламы была его жестокость. Существуют тысячи рассказов о страшных мученьях, которым он подвергал провинившихся. Практиковались сжигание живьем, отрезывание рук, ног, ушей, носов, выкалывание глаз. По официальным данным, после его смерти в Улясутай были доставлены как вещественное доказательство четыре человеческих глаза. Они принадлежали двум подданным Джа-ламы, попробовавшим убежать от своего владыки. Будучи пойманными, они предстали перед ним, а Дамби-Джанцан собственными руками выдавив глазные яблоки из глазниц этих людей, отрезал ножницами нервы, на которых они висели, и положил в шкатулку на хранение. Пострадавшие, немного старше 30 лет, до сих пор живут на хошуне Бус-хайрхан-ула...

... И все-таки люди пробовали бежать от окружавшего их ужаса, несмотря на все препятствия, которые ожидали их по пути в пустыне. Приведу один из рассказов, лично записанный мной со слов моего проводника из хошуна Джибхуланду-ула. Он поил у колодцев своих верблюдов, в то время как к нему подъехали пять человек торгутов и вместе с верблюдами угнали на Ма-дзань-шань, где ему пришлось пасти скот. Постоянный голод и беспричинное битье довели его до побега. Уйдя пешком, с одной только фляжкой воды, он был пойман и получил 200 бань (бамбуковых палок), после чего лежал целый месяц. Следы палок и боль в ноге остались на всю жизнь. Но так велико было желание этого человека избавиться от чудовищного обращения, что он бежал вторично, украв молодую верблюдицу и пересек через 5 суток большую пустыню к северо-западу от Саксэн-цаган-богдо в разгар зимы, питаясь одним снегом. Добравшись пешком до гор Аджи-богдо (верблюдица по дороге пала), он не решился здесь оставаться и, боясь близости Джа-ламы, бежал дальше в Гучен, где служил больше года пастухом у китайца. Лишь услышав о смерти Ноин-бакши, бедняк вернулся домой..."[9]

Эти несколько страниц не раскрывают причин появления головы Джа-ламы в Ленинграде, но они добавляют штрихи к знаниям из области интересов ученых того противоречивого, неоднозначного времени, объяснение которому явится делом будущих историков.

Примечания

[1] Ответ автору статьи Главного Управления внутренних дел от 16.12.1991 г.

[2]. Архив востоковедов СПф ИВ РАН, ф.152, оп.3, ед.хр.276.

[3]. Там же.

[4]. ЦГА СПб., ф.7222, оп.5, д.19.

[5]. Как известно, созданный после революции 1921 г. в Урге Учком официально возглавлял Жамьян, однако душой первого научного центра Монголии, из недр которого выросла Академия Наук страны, был Ц.Жамцарано (1880-1937). Под его руководством В.Казакевич, А.Симуков и другие молодые ученые из Советской России помогали закладывать основы различных областей научного изучения Монголии. Интересы их были разносторонними.

[6]. ЦГФ СПб., ф.7222, оп.26, д.58.

[7]. Там же, ф.722, оп.5, д.19.

[8]. Отверстие от пики отчетливо видно на "голове монгола" в МАЭ.

[9]. Архив востоковедов СПф ИВ РАН, ф.83, оп.1, д.27.

В.М.Алпатов

Советское востоковедение в оценках Н.Поппе

О советском востоковедении 20-30-х гг. написано не так уж много воспоминаний. Поэтому особый интерес вызывают объемистые мемуары одного из крупнейших отечественных ученых тех лет — Николаса (Николая Николаевича) Поппе, изданные в 1983 г. в США [1], а незадолго до смерти их автора, в 1990 г., появившиеся в Токио в японском переводе [2]. Этому ученому довелось пережить всех коллег своего поколения и многих из своих учеников, однако вторая половина его жизни проходила вдали от Ленинграда, который Поппе навсегда покинул в 1941 г.: в 1943-1949 гг. он находился в Германии, а затем до конца жизни в США. Обращение ученого к мемуарному жанру стало отчасти вынужденным: сохранив до последних дней ясный ум, он на девятом десятке лет почти лишился зрения. Вынужденный из-за этого свертывать работу по основной специальности, Поппе решил обратиться к истории своей жизни, тем более что, как он указывает в предисловии к мемуарам, его друзья и ученики, слышавшие его устные рассказы, советовали ему сделать это. Текст "Реминисценций", наговоренный Поппе на магнитофон, затем был подготовлен к печати его учеником Х.Г.Шварцем. Воспоминания — далеко не единственный источник сведений об отношении Н.Поппе к советской науке. И ранее он следил за ее развитием и не раз публиковал рецензии и обзоры, особенно следует отметить его очерк советской алтаистики в международном коллективном труде [3]; см. также его предисловие к японскому изданию трудов Е.Д.Поливанова [4]: оценки этого ученого, во многом текстуально совпадающие с воспоминаниями, даны там в более полном варианте.

Оценивая воспоминания Н.Поппе, следует иметь в виду три обстоятельства, в той или иной степени снижающие их ценность.

Во-первых, как и всякие мемуары, они основаны прежде всего на индивидуальных воспоминаниях и потому не только субъективны, но зачастую неточны. В случае Поппе это усугублялось и тем, что он писал об очень давних событиях, и тем, что, живя в другой стране и почти лишившись зрения, он был затруднен в проверке сообщаемой информации. Поэтому у Поппе немало путаницы в датах, именах и в передаче фактов. Например, аресты тех или иных упоминаемых им лиц он постоянно относит к "чистке 1937 г.", хотя нередко они происходили в иное время, а говоря о 1937 г., он рассказывает об обстоятельствах ареста академика Е.Ф.Карского, который как раз умер своей смертью за шесть лет до этого: Карский, видимо, спутан с кем-то другим. Субъективные впечатления для Поппе важнее всего даже там, где их легко можно было бы скорректировать: он пишет, что С.Е.Малов был много старше Б.Я.Владимирцова, хотя разница в возрасте составляла лишь четыре года. К тому же очень многое у Поппе основано на слухах и легендах, ходивших в академических кругах. Например, он пишет, что будто бы И.В.Сталин и Н.Я.Марр были знакомы и разговаривали по-грузински. Конечно, этот факт имеет ценность как свидетельство тех разговоров, которые ходили о влиятельнейшем в научной среде тех лет Марре, но документально этот факт не подтверждается. Известно лишь, что выступая на XVI съезде ВКП(б) с приветствием от ученых, Марр в присутствии Сталина произнес несколько фраз по-грузински, а дальше стала формироваться легенда.

Во-вторых, Поппе, не надеявшийся, что его мемуары получат когда-нибудь известность на его бывшей родине, писал их в расчете на американского читателя. Здесь ему необходимо было руководствоваться принципами, о которых так говорил нам один американский славист: "Если Вы пишете для американцев, Вы не можете писать "Чехов". Вы должны всякий раз писать: "Русский писатель А.П.Чехов (1860-1904)". Поэтому значительная часть книги Поппе посвящена не только объяснению того, что такое отчество и кто такие доцент и кандидат наук, но и рассказу о событиях русской и советской истории, свидетелем которых автору воспоминаний пришлось быть. Для нас большинство этой информации достаточно известно, а жизнь самого Поппе связывается чаще всего с историческими событиями лишь формально, например: "Летом 1939 г. я поехал в санаторий в Ессентуки на Северном Кавказе, где минеральная вода считается исцеляющей от всех видов заболеваний органов пищеварения... Однажды в августе мы услышали новость о том, что между Советским Союзом и нацистской Германией заключен пакт" [1, с.144-145]. Исторические события также описываются по памяти и с массой неточностей. Например, сказано, что Сталин сделался генеральным секретарем партии в 1929 г. (на самом деле в 1922 г.), и дважды [1, с.129, 244] утверждается, что

США в 1933 г. первыми в мире признали советский режим, тогда как они это сделали, наоборот, последними из крупных держав.

Исторические оценки Поппе вполне совпадают с принятыми на Западе (а теперь в значительной степени и у нас), отличаясь лишь очень большой резкостью в отношении СССР и большевиков, превосходя в этом отношении американские стандарты и приближаясь к тону нынешней постсоветской прессы. Например, в связи с признанием Ф.Рузвельтом СССР Поппе выражает сожаление и считает, что именно оно развязало Сталину руки для "великой чистки". Для истории науки подобные рассуждения дают мало.

В-третьих, вся книга проникнута духом самооправдания, заставляющим автора что-то в своей жизни особо подчеркивать, а о чем-то умалчивать. Его биография сложилась так, что он в разное время служил трем враждебным друг другу режимам: советскому, гитлеровскому и американскому, причем как специалиста по редкой монгольской тематике его привлекали для консультаций то советский Генштаб, то СС и власовское командование, то госдепартамент и ЦРУ. Если помощь американским органам не требовала оправданий, то две другие политические системы не могли пользоваться симпатией у потенциального читателя, а прошлое Поппе было известно (до 1949 г. его не пускали в США как коллаборциониста). К тому же отсутствие должной информации приводило к тому, что Поппе наряду с тем, что он делал, могли приписывать и то, чего он не делал. Как раз когда Поппе работал над мемуарами, в 1980 г. историк Ф.Ф.Перченок опубликовал в Париже под псевдонимом "Вознесенский" статью [5], где очень нелестно отозвался о позиции Поппе в 30-е гг., назвав его кроме всего прочего "секретарем парторганизации Института востоковедения" (статья Ф.Ф.Перченка, не бывшего свидетелем описываемых им событий и основывавшегося исключительно на устной молве, вообще отличается большим числом фактических неточностей). Поппе пришлось дезавуировать эту публикацию и привести фотокопию своего военного билета 1940 г., где стоит "беспартийный".

Но оправдываться надо было и во многом другом. Там, где это возможно, Поппе стремится к полной реабилитации: например, он старается целиком оправдать Власова и его окружение. Там, где это невозможно, он сглаживает острые углы. Это заметно при описании службы у гитлеровцев (он признает, что работал в институте, подчиненном СС и таким личностям, как Шелленберг и Кальтенбруннер, но подчеркивает, что управление, в состав которого он входил, было отделено от гестапо, а его работа основывалась лишь на открытых источниках информации), но здесь нам трудно проверить сообщаемые сведения. В отношении же своей деятельности в СССР он явно "забывает" о многом.

В конце книги [1, с.307-311] Поппе приводит избранный список своих главных научных трудов. Конечно, любой ученый вправе формировать такой список по своему усмотрению, тем более что он дает и отсылку на полную библиографию своих работ. Но показательно, что Поппе не включил сюда все наиболее "советские" свои публикации. Прежде всего нет двух книг, посвященных социолингвистическим проблемам: "Лингвистические проблемы Восточной Сибири" [6] и "Бурят-монгольское языкознание" [7], наполненных формулировками типа: "Латинизация, например, бурят-монгольской письменности — не только замена алфавита другим, но вместе с тем переход от феодального, ламского литературного языка, языка эксплуататорского класса, паразитического класса, на литературный язык, построенный на разговорном языке широких трудящихся масс" [6, с.22]. Зато говорится о том, как Поппе безуспешно пытался защитить традиционную бурятскую культуру перед местными руководителями. Говоря о Н.Я.Марре, Поппе упоминает, что он, проявив на какое-то время интерес к его "новому учению", затем понял его ненаучность и перестал им заниматься. И ни слова не только о многочисленных похвалах Марру и его теории в работах Поппе 30-х гг., но и об освоении им одной из марровских идей: тезиса об ошибочности основных положений сравнительно-исторического языкознания, которые "базируются исключительно на формально-лингвистических исследованиях" [6, с.54]. Поппе, до того, в 20-е гг., и после того, уже в США, внесший выдающийся вклад именно в компаративистику, в 1933 г. заявлял, что у нас "иные цели и задачи" [6, с.23], и даже в 1940 г., когда страсти в советском языкознании заметно поостыли, опубликовал статью [8], где также обличал "праязыковую теорию" на примере гипотезы об урало-алтайском родстве; статья также не названа в мемуарах.

Поппе много пишет о чистках и проработках в академической и вузовской среде, упоминая о себе лишь в качестве жертвы; заметим, впрочем, что в главе "Чистка Академии наук" Поппе совсем не пишет о том, как "чистили" его самого, а самая большая кара, упоминаемая им в главе "Жизнь в тридцатые годы" — отмена планировавшейся весной 1937 г. командировки в Монголию. В то же время в 80-е гг. он явно недоброжелателен к Е.Д.Поливанову как к коммунисту, не упоминая о том, как сам за полвека до того обвинял этого ученого в "протаскивании буржуазных идей и теорий" и в том, что его книга "За марксистское языкознание" не имеет "с марксизмом ничего общего" [6, с.3]. В воспоминаниях упомянут бурятский ученый Б.Барадийн, "очень ученый бурят" [1, с.98], его оценка вполне положительна. Но в 1933 г. Поппе называл предложение Барадийна использовать для бурят халхамонгольский литературный язык "антимарксистским" [5, с.16] и клеймил этого ученого за то, что он для термина "диктатура" (в том числе и пролетариата) предложил использовать бурятское слово, дословно означающее "правительство, держащееся насилием" [6, с.24-25].

В воспоминаниях Поппе постоянно подчеркивает свою постоянную, начиная с самого 1917 г. неприязнь к "правительству, держащемуся насилием" и ко всему, что с ним было связано. Но в публикациях того времени, особенно в 30-е гг., Поппе явно старался не просто "не высовываться", что он подчеркивает в воспоминаниях, но и "быть святее папы". Кому-то это нравилось. Французский языковед-марксист О.Соважо, отказывая Марру в праве именоваться марксистом, считал гораздо более близкими к учению Маркса и Энгельса других советских лингвистов, среди которых на первое место ставил ... Поппе [9]. Но были и другие оценки такого поведения, ставшие особо негативными после его перехода на сторону немцев. И их отголоски и попали в статью Ф.Ф.Перченка.

Так что не следует переоценивать достоверность воспоминаний Поппе: не будучи в ряде случаев искренним по отношению к себе, он мог быть и неискренним и предвзятым в отношении других. И тем не менее нельзя и отвергать эти воспоминания. При всех неизбежных неточностях прекрасная память Поппе сохранила немало живых черт эпохи и любопытных эпизодов, а авторская самоцензура, отфильтровывая одно, сохраняла другое, нередко весьма примечательное. И можно лишь пожалеть, что автор, потратив много места на пересказ исторических событий, в целом довольно скуп на рассказ о научной жизни. Он целиком занимает лишь одну, вторую главу "Мои университетские годы" [1, с.33-54], кое-какие "реминисценции" содержатся и в других главах.

Вот, например, описание защиты диссертации Поппе в 1923 г. в Петроградском университете, на факультете, уже именовавшемся факультетом общественных наук, но сохранившим традиции прежних историко-филологического и восточного факультетов. Поппе пишет: "Интересно отметить очень дружелюбную атмосферу на защите, которая проходила в присутствии всего факультета... Присутствовало около сорока профессоров и много доцентов. Декан открыл собрание, сказав: "Первый пункт нашей повестки дня — защита магистерской диссертации некоего Николая Поппе, который происходит из хорошей семьи, его отец был императорским генеральным консулом в Китае и выпускником нашего университета". Тремя годами позже университет был пролетаризирован и на работу зачислили многих преподавателей общественных наук, таких как марксизм. Они были членами партии без магистерской или докторской степени, и такое вступление, как то, что сделал декан [Д.К.] Петров, стало невозможным. Скоро был сделан следующий шаг. Сами степени были отменены и никто не проходил через защиту. Но в 1923 г. университет был еще тем же добрым старым университетом, каким был всегда. А декан Петров покончил в собой в 1924 г." [1, с.80-81]. Последнее событие на самом деле произошло в 1925 г.

А вот описание того, как реагировали академики-востоковеды на начало Отечественной войны. В.М.Алексеев сказал Поппе 23 июня 1941 г.: "Разве это не ужасно? Что нам делать? Немцы действительно могут завоевать нас. Советы лучше уже потому, что мы знаем, как вести себя с ними. А знаем ли мы немцев? Будем ли мы в состоянии продолжать работу при них?" [1, с.153-154]. А так, по свидетельству Поппе, говорил В.В.Струве: "Советы далеки от идеала, но я уверен, что немцы проиграют войну. Так как я никогда не ставлю на проигравшего, то думаю, что нам нужно искренне сотрудничать с Советской властью до самого конца" [1, с.154]. Отметим, что это место — единственное живое упоминание об обоих академиках в книге: о В.В.Струве больше не говорится вообще, а В.М.Алексеев, с которым Поппе однажды проделал путешествие от Ленинграда до Улан-Батора, упомянут лишь вскользь. Вообще характеристики многих ученых у Поппе избирательны: об одних он пишет довольно подробно, о других лишь один-два штриха, о третьих лишь сухие упоминания, о четвертых ни слова. Ничего, кроме чисто формальных данных, мы не узнаем из "Реминисценций" о Н.И.Конраде, Н.А.Невском, Ю.К.Шуцком и др., вовсе не упомянуты, например, И.А.Орбели и И.И.Мещанинов. Где-то это связано с недостаточной степенью знакомства, но в ряде случаев это свидетельство авторского отношения: в целом Поппе избегает отрицательных оценок, хотя, как мы увидим, из этого правила есть и исключения. Поппе не мог не общаться с возглавлявшим перед войной советскую филологию И.И.Мещаниновым или с последним предвоенным директором Института востоковедения А.П.Баранниковым, но их для него как будто нет, и молчание здесь красноречиво.

Тех же ученых, о которых Поппе пишет, он описывает с разных сторон. Наряду с профессиональной характеристикой он стремится дать описание внешности, семейной жизни, черт характера. Само включение того или иного ученого в портретную галерею, данную Поппе, уже свидетельствует об уважительном отношении к нему автора мемуаров. Однако при этом Поппе не избегает упоминать и о недостатках и слабостях этих людей, не избегая того, что принято называть слухами и сплетнями.

Портретная галерея начинается с первого учителя Поппе в монголистике профессора А.Д.Руднева, встреча с которым в апреле 1918 г. и предопределила выбор Поппе профессии: "Руднев был очень приятный человек. В отличие от многих профессоров, общавшихся со студентами вежливо, но прохладно, он принял меня очень сердечно. С самого начала он обращался ко мне фамильярно (видимо, на "ты" — В.А.) и, хотя я был на двадцать лет его моложе, он называл меня Коля, уменьшительное от Николай, и просил меня обращаться к нему фамильярно. Конечно, я называл его более формально: Андрей Дмитриевич (то есть Андрей, сын Дмитрия). Ему было приятно узнать, что я говорю по-фински (жена Руднева была финкой — В.А.) и он понял, что я — многообещающий студент. Он дал мне его монгольскую грамматику и велел мне читать ее, запоминать столько, сколько я смогу, и вернуть ее ровно через неделю. Нельзя было терять времени, и я сразу принялся за работу. Я освоил грамматику и выучил монгольский алфавит. Когда я пришел через неделю, Руднев попросил меня прочесть и перевести довольно сложную сказку... Это была буддийская легенда... Это был очень сложный текст и, конечно, многие места я перевел неправильно. Это было начало моих монгольских занятий" [1, с. 37].

Поппе отмечает, что Руднев был хорошим преподавателем, поскольку "не водил своих студентов за руку, а заставлял их много работать самих" [1, с.38]. Поппе указывает также на его хорошее знание монгольского языка, не считая при этом Руднева крупным ученым. С сожалением он пишет о том, что их занятия продолжались недолго: Руднев, поехав в Финляндию к жене, оказался отрезан от Петрограда линией фронта и остался в Финляндии навсегда. Поппе никогда его больше не видел, но возобновил с ним переписку спустя много лет, оказавшись на Западе. По словам Поппе, "Руднев не мог преподавать монгольский язык в Финляндии просто из-за недостатка студентов, интересующихся этим языком, но так как он был прекрасным музыкантом, он преподавал по классу фортепиано в консерватории. Когда он умер, я был очень огорчен. Он был хороший друг и прекрасный человек" [1, с.38].

В том же 1918 г. Поппе стал после отъезда А.Д.Руднева учеником другого ведущего монголиста тех лет Б.Я.Владимирцова. Он был моложе Руднева и имел тогда лишь ранг приват-доцента, но в конечном итоге превзошел во всех отношениях старшего коллегу. Признавая Владимирцова более значительным монголистом, чем Руднев, Поппе гораздо сдержаннее в его человеческих оценках.

Характеристика своего главного учителя у Поппе наиболее подробна. Начинает он ее со внешности: "он был крайне близорук, имел очень нездоровый, серо-желтый цвет лица и был скорее пухл, чем толст. Он слегка заикался и страдал нервным тиком" [1, с.39]. Поппе подчеркивает обширные знания Владимирцова, который знал санскрит, тибетский и турецкий языки и прекрасно ориентировался в западной ориенталистике, получив хорошую подготовку в Париже и Лондоне у лучших ученых того времени; при этом он много хуже Руднева говорил по-монгольски. Отмечен и другой его недостаток: "Владимирцов не был так аккуратен и дисциплинирован, как Руднев. Он редко придерживался расписания и всегда опаздывал на занятия. Если занятия начинались в десять, он приходил в одиннадцать и даже позже. Занятия кончались в двенадцать, чтобы студенты могли пойти на лекции к другим преподавателям, но он продолжал лекцию до двух и студенты вынуждены были пропускать следующее занятие" [1, с.40]. Подчеркивается неаккуратность Владимирцова и в научных трудах, где всегда было много опечаток и мелких погрешностей вплоть до того, что одна из его брошюр имела подзаголовок "лекция, прочитанная 31 сентября 1919г."

Общая оценка Владимирцова неоднозначна: "Хотя Владимирцов сделался моим учителем и я очень благодарен ему за все, что он для меня сделал, я не могу не упомянуть того, что в одном отношении он отличался от Руднева и других моих учителей. Все другие поддерживали мои планы написания статей и представления докладов, но Владимирцов не любил этого и всегда старался отговорить меня" [1, с.42]. Здесь и в других разделах воспоминаний Поппе перечисляет разные случаи помех в работе со стороны Владимирцова, который никогда, за единственным исключением не давал ему материалов и даже отбирал материалы у Поппе, и часто относился неодобрительно к его публикациям, заявляя, что Поппе переходит ему дорогу и пишет на темы, на которые собирался писать он сам. Трудно сказать, насколько Поппе здесь объективен, но общая ситуация вполне достоверна, Б.Я.Владимирцов безусловно был самым талантливым и образованным среди русских монголистов, но смог занять подобающее ему место в науке лишь после смерти или эмиграции старших коллег. И как раз в этот момент появился его способный ученик, начавший догонять и в чем-то перегонять учителя! Безусловно отношения Владимирцова и Поппе не могли не быть сложными.

Причиной внезапной смерти Владимирцова в возрасте 47 лет "от первого и единственного сердечного приступа" Поппе считает его "очень нерегулярную жизнь" [1, с.43]: Владимирцов работал по ночам, пил при этом крепкий кофе с ромом, недосыпал, много курил, любил очень горячие ванны в японском стиле. На предупреждения Поппе он отвечал: "Сама жизнь плоха для нашего здоровья". Общий вывод Поппе: "Он был блестящий ученый, но он имел свои недостатки" [1, с.43]. Говорится и о личной жизни Владимирцова, его любовных историях и обстоятельствах женитьбы.

Двумя другими учителями Поппе в монголистике были А.В.Бурдуков и В.Л.Котвич. Характеристика последнего, у которого Поппе учился ойратскому, а также маньчжурскому языкам, довольно любопытна: "В отличие от Владимирцова он был очень скромен и говорил таким тихим голосом, что его трудно было расслышать. Он был болезнен, страдал ипохондрией и пропускал много занятий. Однажды я спросил у его дочери Марии, библиотекаря Института (живых) восточных языков, придет ли ее отец в этот день в университет, и она ответила: "Нет. Вчера отец шагнул в лужу и промочил ноги, сегодня ему кажется, что он простужен". Такое с ним случалось часто. Котвич жил, как отшельник, в большой нетопленой квартире, и его единственным собеседником была дочь... Котвич был великий ученый, но с большими странностями, и я удивляюсь, как ему удалось воспитать маленькую дочь. Все было странно в его квартире. Однажды я был у него дома, он сидел, закутавшись в одеяло из-за крайнего холода, и мы читали ойратские тексты... Внезпано я услышал над головой сильный шум. Я посмотрел вверх и увидел сидящую на печи ворону. "О, эту ворону — сказал Котвич — я нашел на улице. Бедное животное умирало, я подобрал его, принес сюда и теперь оно живет с нами" [1, с.45]. О научной деятельности В.Л.Котвича Поппе почти не пишет.

Характеристика А.В.Бурдукова, наоборот, суха и в основном сводится к биографическим данным. Он "был человеком с очень ограниченным формальным образованием, но много читал и очень интересовался этнографией, фольклором и языками. Он собирал монгольские тексты, песни и другие материалы и был исследователем-самоучкой" [1, с.44]. Большая часть посвященного ему абзаца сводится к рассказу о двух его арестах: временном в 1933 или 1934 г. и окончательном в 1941 г.

Из трех своих учителей в области тюркологии Поппе наиболее подробно пишет о А.Н.Самойловиче, меньше о С.Е.Малове и совсем немного о П.А.Фалеве, рано умершем в 1921 г. от сыпного тифа, которым заразился во время командировки в Туркестан.

Характеристика А.Н.Самойловича — одна из самых благожелательных: "Он был весел, добродушен и дружелюбен. Он любил хорошую еду и вино и рассказывал много шуток. Во всем он был прямой противоположностью Котвичу. Котвич не говорил по-монгольски или калмыцки совсем, Владимирцов говорил по-монгольски довольно плохо, но Самойлович прекрасно владел турецким. Он также говорил по-узбекски и крымко-татарски и основательно знал туркменский. Его работы были многочисленны, и он был прекрасным и очень приятным учителем" [1, с.46]. Занятия Самойловича со своим учеником были однако прерваны его командировкой в Турцию. Позднее А.Н.Самойлович много помогал Поппе, в этом отношении последний противопоставляет его Б.Я.Владимирцову. Именно Самойлович поручил ему написать "Учебную грамматику якутского языка", ставшую первой монографией Поппе (ее должен был писать сам Самойлович, но он оказался слишком занят другими делами), он же пригласил Поппе на Первый съезд тюркологов в Баку в 1926 г., ставший для молодого ученого первым международным конгрессом. Поппе пишет: "Я очень любил Самойловича, и мне очень его недоставало после его исчезновения" [1, с.47]. Поппе рассказывает, что летом 1938 г. он и Самойлович одновременно отдыхали в Кисловодске, Поппе с семьей несколько раз навещал старшего коллегу, но когда они пришли в санаторий очередной раз, то узнали, что ночью Самойловича забрали. Последний рассказ вызывает ряд вопросов. Самойлович был арестован в октябре 1937 г., а к лету 1938 г. уже был расстрелян. Если это лишь ошибка в дате и речь идет о лете (а точнее, осени) 1937 г., то как данный рассказ совместить с другим местом воспоминаний, где сказано, что лето 1937 г. семья Поппе проводила не в Кисловодске, а в Анапе, где Николай Николаевич узнал об аресте своих коллег по монгольскому кабинету ИВ АН СССР, а затем вернулась в Ленинград?

Очень положительна и характеристика С.Е.Малова, которую хочется привести почти полностью: "Он говорил на тюркских языках свободно, но с ужасным произношением. Владимирцов часто смеялся над ним, говоря, что ему медведь на ухо наступил. Малов однако хорошо теоретически разбирался в тюркских языках. Он был многолетним сотрудником и помощником знаменитого тюрколога Радлова. Малов знал дневнеуйгурский язык лучше, чем кто-либо в мире. Он написал великолепные труды о языках желтых уйгуров и других народов. Он говорил на северно-русском диалекте ... (опускаем описание оканья - В.А.). Он также был довольно эксцентричен. Он никогда не пользовался телефоном, потому что боялся его, объясняя, что "что-то может вдруг прыгнуть мне в ухо". Уходя из комнаты, где горел свет, он обычно говорил: "Давайте потушим электричество", как будто это была свеча. Когда он бывал в гостях, он пил вино только в самом начале, объясняя: "Моя жена может заметить, что я выпил, и приказать: "Открой рот и дыхни, старый черт!"... Малов умер в 1957 г., когда я был в США" [1, с.47].

Последним из непосредственных учителей Поппе по университету описан Ф.И.Щербатской, у которого Поппе учился тибетскому языку. О нем сказано: "Это был очень ученый человек и хороший педагог, хотя, может быть, немного слишком требовательный! [1, с.48]. Отмечена впрочем удивительная для столь крупного

ученого слабость к женскому полу, иногда причинявшая ему неприятности. Но было в нем для Поппе большое достоинство, компенсировавшее его некорректное обращение с женщинами: "Щербатской был однако храбрый и честный человек и он никогда не скрывал свои подлинные взгляды. Он ненавидел все, что Советы называли демократией. Я помню, как на Коллегии востоковедов профессор Конрад, хорошо известный японист, представил доклад о демократических институтах в древней Японии. Во время последующей дискуссии Щербатской спросил его: "Скажите, профессор, что Вы называете демократией?". Конрад ответил: "Когда люди имеют право встречаться и обсуждать проблемы, голосовать и избирать", на что Щербатской возразил: "Неужели! Так и любому дураку разрешалось говорить все, что он вздумает". Замечание прозвучало, как взровавшаяся бомба, и все боялись, что Щербатского арестуют" [1, с.48].

Вслед за характеристикой Ф.И.Щербатского идет рассказ о П.К.Коковцове, хотя он не был непосредственным учителем Поппе. Эти два ученых несомненно сближались для Поппе своим откровенно негативным отношением к власти. Подчеркнуто, что Коковцов "был несомненно великий ученый и очень честный человек" [1, с.49]; упоминается, как он в 1937 г. (на деле, видимо, несколько раньше) безуспешно хлопотал за арестованных учеников М.Н.Соколова и А.П.Алявдина. Наиболее подробно говорится об экспертизе Коковцова по делу Бейлиса в 1911 г. Наряду с честностью и стойкостью подчеркивается и странность этого ученого: "Владимирцов встретил Коковцова на мосту через Неву в Петрограде. Коковцов был в шляпе, а другую шляпу нес в руке. Владимирцов спросил: "Вы, профессор, купили новую шляпу?". "Нет", ответил Коковцов, "это старая шляпа, но несколько дней назад я видел, как здесь ветер сорвал с человека шляпу. Я подумал, что такое же может случиться и со мной, и я теперь ношу с собой запасную шляпу". Коковцов был холостяк и был против брака. По его мнению, ученому не следует жениться, поскольку брак помешает его работе. Когда его ученик М.Н.Соколов захотел жениться, Коковцов сказал: "Не женитесь. Если Вы действительно нуждаетесь в женщине, Вы всегда можете пойти в бордель". Соколов однако не послушался его совета, женился, за что долго был в немилости у Коковцова" [1, с.49-50].

Почти все перечисленные выше востоковеды, кроме, пожалуй, А.Д.Руднева в той или иной степени были, по выражению Поппе, "эксцентриками" и отличались теми или иными странностями. Им в воспоминаниях противопоставляется другой, более нормальный тип ученого, к которому отнесены В.В.Бартольд и особенно С.Ф.Ольденбург. Но и у Бартольда, помимо непривлекательной внешности, косоглазия и хромоты, был один специфический недостаток: очень неразборчивая дикция, связанная с заиканием; при этом он приходил в ярость, когда его пытались переспросить. Когда Поппе сдавал ему экзамен, он, не расслышав один из вопросов и боясь переспросить академика, счел меньшим злом сказать: "Не знаю". Экзамен все же был сдан. Научную деятельность В.В.Бартольда Поппе также оценивает очень высоко, а его смерть в 1930 г. отмечает как "огромную потерю для мировой науки" [1, с.101].

У С.Ф.Ольденбурга же, по словам Поппе, "не было никаких странностей, кроме разве что полной неспособности понять шутку или анекдот" [1, с.51]. Этот востоковед также оценивается исключительно высоко, Поппе называет его: "Один из великих ученых и выдающихся слуг народа" [1, с.51]. Весьма положительно относится он и к деятельности Ольденбурга как непременного секретаря Академии наук и руководителя отечественного востоковедения (правда, признается, что его директорская деятельность в Азиатском музее не была активной из-за занятости в Академии); ср. совершенно иную оценку в [5], где Ольденбург весьма резко обвиняется в слишком большом потворстве большевикам. Отметим, что Поппе, особо подчеркивая оппозиционность Ф.И.Щербатского, не акцентирует лояльное отношение к власти симпатичных ему ученых: С.Ф.Ольдебурга, А.Н.Самойловича и др., как, впрочем, и себя самого.

Говоря о С.Ф.Ольденбурге, Поппе противопоставляет отношение к нему власти при Ленине, вполне благожелательное, и отношение в сталинские времена, когда при академических чистках 1929-1930 гг. С.Ф.Ольденбург оказался одним из главных объектов удара. Поппе описывает, как после зарубежной поездки Ольденбурга, где он посетил сына-эмигранта, его принял Ленин, спросивший академика, встречался ли он в Париже с сыном. "Когда Ольденбург сказал, что встречался, Ленин ответил: "Я понимаю Вас". Этот эпизод показывает, насколько Ленин был человечнее, чем Сталин, который впоследствии сурово накажет Ольденбурга" [1, с.51]. В других местах книги, впрочем, и о Ленине говорится весьма резко.

Последний из вполне "своих" ученых старшего поколения, описанный в главе "Мои университетские годы" — лингвист Л.В.Щерба, "превосходный ученый и педагог... Он был дружелюбный человек, часто приглашавший коллег, выпускников и способных студентов к себе домой праздновать Татьянин день (18 (так — В.А.) января), в который Петербургский/Петроградский университет был основан в 1818 (в этот день был в 1755 г. основан Московский университет — В.А.). Как и Самойлович, Ольденбург и Бартольд, Щерба как будто был расположен ко мне" [1, с. 51-52].

В других главах эта портретная галерея учителей и старших коллег дополняется еще двумя учеными: Ф.А.Розенбергом и Л.Я.Штернбергом. Оба они также оцениваются очень высоко. Иранист, заместитель С.Ф.Ольдебурга по Азиатскому музею (фактически директор его) Ф.А.Розенберг, дядя Тедди, как его именовала молодежь музея, охарактеризован как "очень добрый и приятный человек с великолепными манерами, джентльмен с головы до пят" [1, с.83]. Этому ученому, как указывает Поппе, очень не повезло во время академической чистки: ему пришлось уйти с работы; от полученного удара он так и не оправился (обстоятельства последних лет его жизни изложены у Поппе не совсем точно).

Л.Я.Штернберг, выдающийся этнограф, также был учителем Поппе, но не по университету, а по Географическому институту, куда Поппе еще в студенческие годы, с 1919 г. устроился на работу. Л.Я.Штернбергу нужен был человек, знавший финский язык, для составления этнографической карты Петроградской губернии; в 1920 г. он отправил Поппе в его первую экспедицию к карелам Тверской губернии. Поппе также высоко оценивает Штернберга как ученого и человека: "Он был добродушен и добр... Хотя профессор Штернберг был добрый человек, или, может быть, потому, что он был добрый человек, он много страдал от интриг людей, пытавшихся подорвать его положение. Он так привык к тому, что те, кому он помогал, выступали против него, что однажды сказал мне про одного из них: "Странно, что он подрывает мое положение и интригует против меня, ведь я ничего для него не сделал" [1, с.67-68]. Поппе упоминает о прошлой революционной деятельности Штернберга и рассказывает о том, что он был освобожден из ссылки благодаря заступничеству В.В.Радлова, обращавшегося к жене Александра III. О его политических взглядах Поппе пишет так: "Штернберг был революционером старой школы, для которого свобода была наивысшим принципом, и он страдал в душе при Советах.

А умер в 1927 г. Если бы он прожил дольше, он вероятно был бы арестован и умер в концлагере" [1, с.68].

Все перечисленные ученые, кроме отчасти Б.Я.Владимирцова, с которым у Поппе бывали конфликты, описаны в воспоминаниях с самой лучшей стороны. Поппе отмечает их чудачества, некоторые личные недостатки, но все они для него "свои", выходцы из "доброго старого университета".

С некоторыми оговорками в этот ряд включается и Н.Ф.Марр, с которым Поппе познакомился в 1918 г., когда он был деканом факультета, на котором будущий монголист начинал учиться. "Новое учение о языке" еще не сформировалось, сторонником пролетарской идеологии Марр себя еще не объявлял, зато он был уважаемым представителем корпорации русских востоковедов. Это и определяет отношение к нему Поппе, не изменившееся даже много десятилетий спустя: "Одним из первых ученых, которого я встретил в самом начале моих университетских занятий, был Николай Яковлевич Марр, знаменитый как отличный филолог и знаток армянского и грузинского языков" [1, с.52]. "Новое учение о языке" Поппе, разумеется, отвергает, но при этом пишет: "Несмотря на это я остался в дружеских отношениях с Марром, который, несомненно, был джентльменом и хорошим и благородным человеком... В пользу Марра говорит то, что ему удавалось спасти немало людей из когтей секретной полиции" [1, с.53]. Последнее утверждение соответствует действительности и подтверждается другими свидетельствами [см.10, с.28; 11, с.134]. Однако Марр принес нашей науке и немало бед, причем далеко не всегда вел себя в борьбе с противниками как джентльмен, но об этом Поппе умалчивает (не пишет он, как мы уже отмечали, и о собственных уступках марризму). всю вину он возлагает на "последователей и адептов" Марра, "в большинстве негодяев", которые "объявляли контрреволюционерами и антимарксистами тех, кто не соглашался с Марром" [1, с. 53]. Все это верно, но есть прямые свидетельства того, что эта деятельность направлялась самим академиком, см., например, воспоминания И.В.Мегрелидзе [12, с.195]. Впрочем, Поппе не одинок в попытках противопоставить Марра его окружению, отражая легенду, прочно укоренившуюся в ленинградских академических кругах: нечто сходное писали и говорили И.А.Орбели, И.Е.Аничков, в наши дни И.М.Дьяконов. Для кругов, к которым принадлежал и Поппе, Марр всегда представлялся как "свой" ученый (его происхождение не учитывалось), который как бы по определению не мог вести себя так же, как полуграмотные "выдвиженцы". А ведь вел!

Вслед за характеристикой Марра следуют слова: "Таковы были великие люди, в тени которых я работал в университете. К сожалению, там были и не такие хорошие люди. К категории человеческих отбросов принадлежал Евгений Дмитриевич Поливанов, блестящий лингвист и автор первоклассных трудов по японскому языку, тюркским языкам, сравнительному алтайскому языкознанию и другим проблемам" [1, с.53]. Столь двойственная характеристика у Поппе уникальна. В более подробном варианте воспоминаний о Поливанове [4] Поппе сравнивает его с героем повести Р.Л.Стивенсона "Странная история доктора Джекила и мистера Хайда", страдавшим раздвоением личности и совмещавшим в себе респектабельного ученого и маньяка-убийцу. Отношение к научной деятельности Поливанова у Поппе однозначно положительно; в конце данного фрагмента воспоминаний Поппе еще раз подчеркивает, что он был "превосходный ученый" и признает его гибель "тяжелой утратой для научного мира", более развернуто он пишет об этом в [4] (отметим, что и отношение Поливанова к работам Поппе было весьма положительным [см.13, с.1195]). Но к Поливанову как к человеку Поппе абсолютно безжалостен, что можно видеть из приведенного выше эпитета. Он приводит слухи и легенды о Поливанове, в чем-то верные, в чем-то преувеличенные: говорится о его наркомании, пьянстве, половой распущенности и пр., упомянуто о нем как о прототипе главного героя романа В.Каверина "Скандалист" (там действительно выведен Поливанов, но эпитет "скандалист" относится к другому персонажу); на него возлагается вина за смерть в 1918 г. востоковедов В.А.Жуковского и Н.И.Веселовского, которых Поливанов, будучи заместителем наркома иностранных дел, выселил из казенных квартир якобы из личной мести. О борьбе Поливанова с марристами сказано безоценочно, а его арест связывается в [4] с гибелью покровительствовавших ему узбекских руководителей Ф.Ходжаева и А.Икрамова (именуемого во всех публикациях Поппе Икрам-заде); теми же причинами Поппе объясняет и арест А.Н.Самойловича. По крайней мере в отношении Поливанова эта версия никак не подтверждается документами (В следственном деле речь идет о других его связях); к тому же покровительство этих узбекских деятелей, если и имело место в 20-е гг., то в период травли Поливанова марристами уже прекратилось: Поливанов под конец жизни в Узбекистане был отстранен от научной работы и бедствовал, что заставило его в 1935 г. переехать в Киргизию, где он и был арестован (а не в Узбекистане, как пишет Поппе). Повторяет Поппе и устойчивый слух (его приходилось слышать и нам даже в 60-70-е гг.) о том, что Поливанов будто бы умер в тюрьме, не выдержав лишения наркотиков. Конечно, Поппе не мог знать истинных обстоятельств расстрела Поливанова.

Чем объяснить столь одностороннюю характеристику этого выдающегося ученого? Поливанов был сложным человеком и действительно страдал наркоманией, но многие другие знавшие его люди, включая и призываемого Поппе в свидетели В.А.Каверина, рисуют совершенно иной образ. Поппе знал Поливанова не так уж хорошо. Постоянно они могли общаться лишь в 1918-1921 гг., когда Поппе был студентом, а Поливанов приват-доцентом, затем профессором, причем Поливанов не был в числе непосредственных учителей Поппе. Позже они жили в разных городах и вряд ли где-нибудь встречались лично за исключением упомянутого выше съезда в Баку в 1926 г. Поппе явно с самого начала смотрел на Поливанова глазами своих коллег по университету — востоковедов. А там тогда Поливанова не любили гораздо больше, чем Марра, многие не подавали ему руки. Происходило это по двум причинам. Хотя к тому времени были слиты историко-филологический и восточный факультеты, но старые корпоративные традиции еще сохранялись. А Поливанов был "нарушителем границ": окончив историко-филологический факультет и выучив японский язык вне университета, он еще в 1915 г. занял вакантную японскую кафедру на восточном факультете (кстати, при поддержке своего будущего врага Н.Я.Марра). Востоковеды не принимали "чужака": в 1916 г. В.М.Алексеев писал Н.А.Невскому о том, что Поливанов не может считаться полноценным японистом. Вторая причина появилась позже, но была серьезнее. После Октября Поливанов в отличие от практически всех своих коллег сразу принял революцию и зашел в отстаивании своей позиции весьма далеко: работал в 1917-1918 гг. в Наркомате иностранных дел, а в 1919 г. вступил в партию. Это окончательно отдалило его от других востоковедов, которые в то же время не могли отказать ему в научных способностях. Его личные особенности, в целом вписывавшиеся в рамки поведения "эксцентриков", которых, как свидетельствует Поппе, было немало среди петроградских филологов, лишь усугубляли ситуацию: то, что прощали членам своей корпорации, не могли простить "чужому". Поппе явно еще в студенческие годы наслушался

неодобрительных рассказов о Поливанове и, не зная близко этого ученого, остался под их влиянием до конца жизни.

Вообще воспоминания Поппе свидетельствуют, что разделение на коммунистов и беспартийных, впоследствии потерявшее былую значимость, оставалось в ленинградской научной среде важным еще долго, а для Поппе, расставшегося с этой средой в начале войны, сохранилось навсегда. Член партии, даже востоковед, для Поппе всегда человек другого мира. Даже для лучших из них принадлежность к партии — снижающий фактор: П.И.Воробьев "был коммунист, но довольно разумный", И.К.Илишкин "Был коммунист и калмык, но хороший и честный человек" [2, с.202] (последняя формулировка дана по японскому изданию: в английском варианте прямого противопоставления нет, но японский переводчик добавил его, исходя из общего контекста книги). Когда уже в конце 50-х гг. турколог А.С.Тверитинова встретилась с Поппе на международном конгрессе и тепло с ним побеседовала (хотя другая его бывшая коллега, близкая к Поппе по духу, но запуганная после ареста и ссылки в 30-е гг., постаралась как можно скорее скрыться, увидев Поппе), ученый был рад, но в то же время удивлен: ведь в 30-е гг. Тверитинова была комсомолкой. Характерно, что Поппе не упоминает о том, что Н.Я.Марр под конец жизни вступил в партию: этот факт не укладывался в его представления.

Но не менее неодобрительно, чем о коммунистах, Поппе пишет еще об одной категории востоковедов: о монголистах другой школы, чем та, в которой он был воспитан — о С.А.Козине и особенно о А.М.Позднееве. Упоминания имени С.А.Козина кратки и сдержанны, что уже показатель отношения Поппе. Но его комментарии и словарь к изданию "Сокровенного сказания" названы "довольно неудовлетворительными" [1, с.76]. Намного жестче характеристика А.М.Позднеева, в отношении которого Поппе прямо отказывается следовать латинскому принципу: "О мертвых или ничего, или хорошо". Если Е.Д.Поливанова Поппе все же считает крупным ученым, то А.М.Позднеев в его интерпретации — слабый, хотя и плодовитый монголист, плагиатор и похититель исторических ценностей во время экспедиций.

Насколько верны приводимые Поппе факты, мы не беремся судить. Но пристрастность его оценок очевидна. При этом Поппе не застал А.М.Позднеева в университете и знаком с ним не был, судил о нем по рассказам общих знакомых, в том числе С.А.Козина, и по следам деятельности Позднеева в Азиатском музее, уже при Поппе купившем его коллекции. Заметен разрыв между оценками у Поппе монголистов и ученых иных специальностей: последние обычно оцениваются очень высоко, а их научные заслуги описаны в рамках стереотипных хвалебных формул, монголисты же при разном к ним отношении рассматриваются серьезнее и всегда с какой-то долей критики.

Здесь Поппе следовал традиционной корпоративной структуре русского (впрочем, не только русского) востоковедения. Оно состояло как бы из отдельных отсеков по числу языков или языковых групп. Внутри каждого отсека шла борьба за лидерство, конкуренция школ, нередко появлялись люди, стремившиеся к монополии и иногда добивавшиеся ее (как это было с Н.Я.Марром в кавказоведении). Между же отсеками устанавливались обычно спокойно-благожелательные отношения, ведущие тюркологи ценили и хвалили ведущих санскритологов, обычно не читая их труды, те отвечали тем же, а классик, по определению Г.Честертона, и есть человек, которого хвалят, не читая. Поэтому именитым востоковедам так легко было попасть в классики. В большинстве случаев это, конечно, происходило заслуженно, но можно было переоценить заслуги уникальных специалистов, а то и не заметить ухода за пределы науки такого живого классика, как это случилось с Марром. Единственное, чего не прощали — это вторжения "чужака", причем переход дипломированного востоковеда в смежную область еще допускался (тюркологи скорее помогали монголисту Поппе заниматься и их дисциплиной), но появление человека со стороны, будь то лингвист или миссионер, считалось нежелательным, и востоковеды разных специальностей помогали здесь друг другу его прогнать.

Поппе был достаточно широким ученым: не только монголистом, но и тюркологом и специалистом по алтаистике в целом. Но традиции на него влияли. Он не считает себя вправе сопоставлять как ученых Ф.И.Щербатского и С.Ф.Ольденбурга, отделываясь стандартными похвалами. Тюркологов А.Н.Самойловича и С.Е.Малова он уже может сравнивать, но оба для него — признанные авторитеты в области, где он по неписанным канонам был все же пришельцем. Зато в монголистике Поппе был у себя дома: боролся с конкурировавшей школой А.М.Позднеева, возглавлявшейся в его время С.А.Козиным, учился у Б.Я.Владимирцова, а потом в чем-то спорил и конкурировал с самим учителем, затем сам стал во главе школы монголоведов и в течение десяти лет после смерти Владимирцова лидировал в советской монголистике и, наконец, мог лишь издалека следить за дальнейшим ее развитием, когда она заметно измельчала после смерти или эмиграции наиболее крупных ученых. Все это иногда прямо, иногда завуалированно отражено в мемуарах.

Об ученых своего поколения или моложе себя Поппе пишет в воспоминаниях много меньше, чем о старых коллегах. Большинство имен названо лишь в связи с теми или иными конкретными событиями (особенно в связи с чистками и репрессиями), но не дана ни их человеческая, ни их научная оценка. Несколько подробнее, чем о других, он пишет об учениках Л.Я.Штернберга по этнографическому отделению Географического института, с которыми он дружил в юности.

Из них особенно подробно Поппе пишет о Надежде Петровне Дыренковой, "впоследствии ставшей известным ученым в области тюркологии" [1, с.69], автором трех значительных грамматик языков Сибири. Поппе не скрывает того, что они любили друг друга и думали о женитьбе, но Надежда решила посвятить жизнь научной работе. К сожалению, имя Дыренковой сейчас почти забыто, поэтому приведем рассказ о ней у Поппе: "Она была умна, дружелюбна и всегда готова помочь, и мы стали хорошими друзьями. Я узнал историю ее жизни. Она была одной из двух дочерей богатых родителей, владевших несколькими имениями, одно из которых находилось около железнодорожной станции Батецкая недалеко от Ленинграда (ныне Новгородская область — В.А.). Ее мать жила там в начале 20-х гг. и еще владела имением, но его должны были экспроприировать. Это заставило Надежду выйти замуж за некоего Г.К.Садикова, офицера Советских военно-воздушных сил, награжденного орденом Красного Знамени за доблесть на войне с Польшей в 1920 г. Это был брак по расчету: оба думали, что его положение в армии позволит ей сохранить имение. Однако в 1923 г. его большая часть уже была занята другими людьми, и семье осталось лишь несколько комнат. Позднее брак был расторгнут, и Садиков женился на ком-то другом. Надежда пригласила меня пожить в имении на месяц летом 1923 г. Она увлекалась археологией и уже сделала ряд раскопок русских захоронений XII-XIV вв. Я тоже кое-что знал об археологии и ранее участвовал в полевой работе и, помогая ей в исследованиях, имел возможность помочь ей спасти некоторые вещи ее семьи. На чердаке находился огромный дорогой ковер длиной около 15 метров. Ковер

надо было тайно вынести с чердака и из дома. Конечно, это было невозможно из-за его веса, поэтому я разрезал его бритвой на части, и мое сердце обливалось кровью, потому что я резал драгоценный ковер... Мы остались хорошими друзьями до конца. В конце 20-х или начале 30-х гг. ее постигло несчастье. Во время одной из ее экспедиций в Сибирь для изучения одного из тюркских народов, кажется, шорцев, она сильно обгорела на солнце. У нее был очень красивый цвет лица и нежная, белая кожа, но ее лицо оказалось полностью сожженным, и началось что-то вроде рака кожи. Когда она вернулась в Ленинград, она пошла к врачу, который определил ее болезнь как волчанку. Даже если болезнь была излечима, что-либо делать было уже поздно, и она осталась с совершенно изуродованным лицом. Она умерла от голода в начале 1942 г. (в конце 1941 — В.А.) в блокадном Ленинграде" [1, с.69-70].[1]

Пишет Поппе и о Г.Н.Прокофьеве, с которым он учился еще в гимназии. Впоследствии он стал крупным специалистом по самодийским языкам. О его дальнейшей судьбе Поппе пишет следующее: "Некоторое время он был профессором Института народов Севера, но в 1937 г. был уволен. Его положение было очень трудным, и он сильно нуждался. В конце концов его восстановили на работе, но он умер от голода с блокадном Ленинграде в 1942 г." [1, с.68].

Высоко он оценивает и еще одну ученицу Л.Я.Штернберга, "Вера Цинциус, латышского происхождения, стала выдающимся ученым в области тунгусских языков и опубликовала ряд прекрасных работ. Ее также арестовывали где-то между 1937 и 1940 гг., но позже освободили. Ее кандидатская диссертация была столь блестяща, что профессор языкознания Щерба и я рекомендовали ее в качестве докторской. Она еще живет в Ленинграде и пользуется уважением всех, кто знает ее" [1, с.69]. К моменту выхода в свет "Реминисценций" В.И.Цинциус уже более года не было в живых. О защите ее диссертации, происходившей вскоре после ее возвращения из заключения, перед самым началом войны, Поппе пишет и в другом месте книги.

Столь же высоко Поппе оценивает и деятельность другой ученицы Л.Я.Штернберга, занявшейся тунгусо-маньчжурскими языками — Г.М.Василевич. Все эти люди, продолжившие деятельность своего учителя по исследованию малых народов Севера, оставили след в науке. Но среди этих студентов Поппе называет и Оскара Визеля, чья судьба оказалась самой печальной: он был вскоре сослан в Среднюю Азию, где умер.

Из других своих друзей-немонголистов Поппе сравнительно много пишет о тибетологе и санскритологе А.И.Вострикове, ученике Ф.И.Щербатского, Поппе и Востриков совместно издали летописи баргузинских бурят. О Вострикове рассказывается: "Он был сыном священника, но чтобы снять подозрения в собственной религиозности, он вступил в "Общество воинствующих безбожников". Но он допустил серьезную ошибку: когда он пригласил членов этого общества домой, забыл снять со стены иконы. Его посетители увидели иконы и раздули дело. На общем собрании, где присутствовали и члены и нечлены общества, Вострикова обвинили в двурушничестве, попытке обмануть общество и назвали скрытым врагом" [1, с. 131]. Тогда с Востриковым обошлось, но весной 1937 г. он одним из первых в Институте востоковедения АН СССР "был арестован и исчез навсегда" [1, с. 131]. Лишь теперь мы знаем, что он был расстрелян. Несколько раз в книге Поппе называет своим другом также кавказоведа А.Н.Генко, потом также репрессированного, но развернутой его характеристики не дает.

Среди монголистов своего и последующего поколений Поппе относительно подробно говорит лишь о многолетнем сотруднике по Монгольскому кабинету Института востоковедения и экспедициям В.А.Казакевиче, также арестованном в 1937 г.: "Что касается Казакевича, он всегда боялся ареста и, будучи особенно осторожным, рассчитывал защитить себя от подозрений активностью в профсоюзе "работников народного образования", к которому принадлежали все ученые. Он служил интересам общества добыванием дефицитных изданий и театральных билетов и редактированием еженедельной стенгазеты. Его трагическая судьба была результатом сделанной им ошибки. В 1932 г. он попросил командировку для исследований в Германии и Франции. Он приехал в Берлин за несколько дней до захвата власти Гитлером 30 января 1933 г. и работал в Народном (этнографическом) музее, где часто встречался с профессором Ф.Д.Лессингом, позже профессором Университета Калифорнии в Беркли. В Париже он работал с Полем Пеллио, но посещал и школьного товарища, врача Бонштедта, который эмигрировал из России вскоре после революции. Когда Казакевич готовился к поездке в Германию, я спросил Сергея Ольденбурга, в то время директора института, почему младший научный сотрудник получил командировку, а я, старший научный сотрудник — нет, Ольденбург ответил: "Если бы Вы знали, какого рода задание дано Казакевичу, Вы бы отказались от этой командировки". Я никогда не узнал о том, какую работу должен был выполнять Казакевич помимо исследовательской. Возможно, она была политической. Конечно, я бы никогда не принял предложения делать что-то кроме научной работы. Теперь, через несколько лет, стало ясно, что мне повезло, когда я не получил командировку, потому что Казакевич, как стало известно от его сокамерников, был обвинен в том, что являлся орудием в приходе Гитлера к власти (!) и общался с эмигрантами в Париже" [1, с.134]. Если Казакевич действительно занимался профсоюзной деятельностью ради спасения от ареста, он, конечно, был очень наивен, но вопрос о том, что послужило причиной его ареста, требует проверки.

О других монголистах, в том числе собственных учениках Поппе, сказано очень мало. Если некоторые из них не оставили следа в науке, то этого нельзя сказать о двух бурятских ученых, работавших с 20-х гг. в Ленинграде, затем в Москве: ученике Б.Я.Владимирцова Г.Д.Санжееве и ученике самого Поппе Т.А.Бертагаеве. Обе фамилии упоминаются, указано, откуда они родом, сказано об их участии в возглавлявшихся Поппе экспедициях, Санжеев назван первым бурятским информантом, с которым работал Поппе, говорится и о том, что он входил в число авторов "Большого монгольско-русского словаря" (Поппе руководил его авторским коллективом). Но нет ни характеристики их научных работ, ни рассказа об их человеческих качествах, ни каких-либо эпизодов из их жизни. А ведь именно они заняли ведущее место в советской монголистике после отъезда Поппе за рубеж. "Фигура умолчания" здесь красноречива. Впрочем, кое-что о них Поппе писал в других работах, прежде всего в [3]. Причем если о Т.А.Бертагаеве говорится сдержаннее, то к Г.Д.Санжееву чувствуется явная неприязнь: критика в его адрес не слишком академична по тону, а в ряде случаев несправедлива, например, переоценивается марризм Санжеева [3, с.301-302]. С другой стороны, и Санжеев, даже в 60-70-е гг., когда имя Поппе у нас постепенно переставало быть запретным, старался не ссылаться на его работы и, насколько мы помним, не любил о нем вспоминать. Совсем вскользь пишет Поппе о других монголистах, работавших в СССР при нем и после него:

[1] В другой работе Поппе называет Н.П.Дыренкову в числе ученых, никогда не цитировавших Марра или Сталина наряду с Б.Я.Владимирцовым, А.В.Бурдуковым, Н.К.Дмитриевым, С.Е.Маловым [3, с.302]. Все они описаны в мемуарах, кроме Дмитриева.

Б.И.Панкратове, К.М.Черемисове, Г.Н.Румянцеве. Чуть больше сказано о дочери А.В.Бурдукова Т.А.Бурдуковой, бывшей при Поппе секретарем возглавлявшегося им Монгольского кабинета, видно, что их человеческие отношения были вполне хорошими.

Подводя итог, можно сказать, что не все в воспоминаниях Н.Поппе интересно и не все достоверно, но, как известно, любые мемуары прежде всего характеризуют их автора, а личность Поппе проявляется в них достаточно отчетливо. Поппе не был ни коммунистом, ни фашистом, ни борцом с тем или с другим, но он шел на компромиссы с любой властью и добросовестно ей служил (хотя мог ее и не любить) ради одного: возможности заниматься любимым делом. Жизнь ставила ученого в обстоятельства, из которых он не всегда выходил наилучшим образом. Но судьба отпустила ему семь десятилетий творческой работы (с перерывом в 1945-1949 гг., когда ему не давали работать как коллаборционисту), он издал около пятидесяти книг и множество статей и рецензий. О других востоковедах Поппе рассказывает не всегда детально и зачастую обходясь стереотипными характеристиками, но в его "Реминисценциях" есть и немало живых рассказов и штрихов, характеризующих эпоху, даны любопытные портреты довольно многих ученых. И этого не так мало.

Литература

1. Poppe N. Reniniscences. Bellingham. — 1983.
2. Никорасу. Поппэ. Кайсо:року. Токио. — 1990.
3. Poppe N. Altaic. // Current Trends in Linguistics. V. 1: Soviet and East European Linguistics. The Hague, 1963.
4. Порива:нофу Е.Д. Нихонго=кэнкю: Токио, 1976.
5. Память. Исторический сборник. — Вып.3. — Париж, 1980.
6. Поппе Н.Н. Лингвистические проблемы Восточной Сибири. М., Иркутск, 1933.
7. Поппе Н.Н. Бурят-монгольское языкознание. Л., 1933.
8. Поппе Н.Н. Урало-алтайская теория в свете алтайского языкознания. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1940. — № 3.
9. Sauvageot A. Linguistique et marxisme. // A la lumière du marxisme. Paris, 1935.
10. Голубева О.Д. Н.Я.Марр и Публичная библиотека. Тбилиси, 1986.
11. Богданова О. Василий Леонидович Комарович. // Вопросы литературы. — 1988. — № 9.
12. Проблемы истории докапиталистических обществ. — Л. 1935. — № 3-4.
13. Поливанов Е.Д. К вопросу о родственных связях корейского и "алтайских" языков. // Известия АН СССР. Серия VI. — Т. XXI. — № 15-17.— Л., 1927.

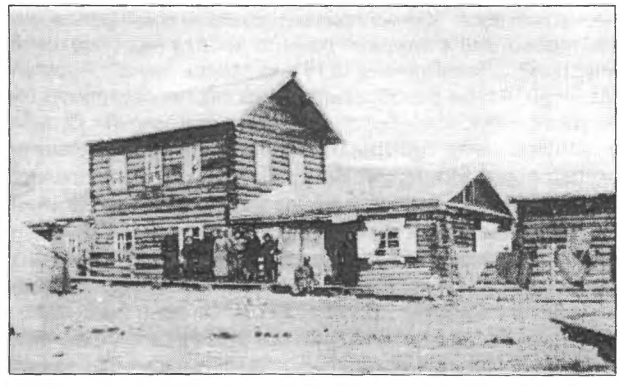
Е.М.Даревская

Письма И.М.Майского А.В.Бурдукову

В 1969 г. в Москве была издана книга Алексея Васильевича Бурдукова "В старой и новой Монголии" — его уникальные воспоминания о 30-летнем пребывании в этой стране и переписка с ее исследователями В.Л.Котвичем, Б.Я.Владимирцовым, Г.Н.Потаниным. Но в архиве Бурдукова сохранились письма и других исследователей, в частности Ивана Михайловича Майского. Имя этого выдающегося дипломата, блестящего публициста и мемуариста, ученого-историка, академика широко известно у нас и за рубежом. Предыстория его писем Бурдукову такова. Весной 1919г. Иркутская контора Центросоюза (Всероссийского центрального Союза потребительных обществ) предложила Майскому, экономисту по образованию (окончившему в 1912 г. в эмиграции экономический факультет Мюнхенского университета) возглавить небольшую краткосрочную экспедицию в Монголию перед предстоящей массовой закупкой там скота для выяснения возможностей и перспектив русско-монгольской торговли. Когда Майский приехал в Ургу, самобытность Монголии, ее народа очень заинтересовали его . Ознакомившись с литературой о Монголии и признав ее узкоспециальной и малодоступной для широкого круга читателей, Майский решил не ограничиться только экономикой, а создать комплексный научный труд о Монголии в общедоступной форме. Для этого надо было расширить программу и продлить время пребывания экспедиции в стране. После упорной борьбы Майский этого добился. В практическом осуществлении этого плана огромное содействие оказал А.В.Бурдуков, предложив экспедиции зазимовать на его заимке в Хангельцыке, где он обеспечил ее помещением, питанием, своей превосходной монголоведческой библиотекой, насчитывавшей до тысячи томов. "Найти такое тщательно подобранное книгохранилище в глуши монгольской степи было чудом", — писал Майский. — Эта библиотека имела тогда для меня огромную ценность". Кроме того Бурдуков, этот "настоящий самородок", предоставил Майскому свои широкие связи с монголами и "свое несравненное знание страны, населения и местных порядков", был постоянным консультантом и первым читателем его рукописи. Так отчет об экономической экспедиции Иркутской конторы Центросоюза, написанный в Хангельцыке, превратился в уникальную книгу "Современная Монголия", в которой Майский дал комплексное научное описание страны, ярко и образно сумел "зарисовать на память человечеству эту старую Монголию еще такой, какой она была буквально накануне революции 1921 г. Эта книга, изданная в Иркутске в 1921 г., явилась первой советской книгой о Монголии и сейчас представляет важную веху в монголоведении". После возвращения на Родину, я никогда не терял связи с А.В.Бурдуковым, встречался с ним, обменивался дружескими письмами", — вспоминал Майский [1, сс.9-10; сс.22-25].

Эти письма за 1919-1933 гг. мы и публикуем. Они свидетельствуют не только о дружеских отношениях, но и многом другом: о роли Майского в работе Центросоюза в Монголии, в привлечении к ней опытных и честных сотрудников, прежде всего Бурдукова, в подробном информировании его из Сибири в 1920-1921гг. об экономическом, политическом и международном положении Советской России в больших письмах-обзорах и через высылку советских газет и брошюр. Личное и письменное общение с Майским, человеком широкой эрудиции и высокой культуры, оказало сильное влияние на общее развитие и политические взгляды Бурдукова [см.подробнее: 3, сс.8-21; 4, сс.187-217].

Письма Майского 1920 г. из Хангельцыка и Иркутска представляют особенный интерес еще и потому, что в них кратко отражен важный и трудный период его политической биографии в 1917-1920 гг.: его "хождение по мукам" и



Заимка А.В.Бурдукова в Хангельцыке. 1919 г.
(Из архива А.В.Бурдукова).

"смена вех" — разрыв с меньшевиками и переход на сторону большевиков и Советов. Подробную мотивировку этой "смены вех" Майский дал в своем письме из Иркутска от 12 октября 1920 г. в "Правду" и в своих мемуарах "Демократическая контрреволюция" (М. 1923). Это признание давало Майскому субъективное удовлетворение и самоутверждение, и в то же время могло облегчить подобный разрыв еще колеблющимся меньшевикам. Анализ Майского важен для Монголии 1920-1921 гг. и нынешней, для объективной оценки ее отношений с Россией.

Поэтому мы сочли необходимым привести здесь основные положения мотивировки Майского. "С ранней юности я был социал-демократом[1], всегда горячо стремился к уничтожению капитализма и к установлению ... социалистического хозяйства. Если в 1917-1918 гг. я являлся противником большевиком, то это объясняется лишь моим убеждением в том, что ... Россия экономически и политически дозрела только ... до буржуазно-демократической республики и не больше". Вернувшись из эмиграции в Россию после Февральской революции, Майский занял должность товарища министра труда в третьем коалиционном составе Временного правительства во главе с трудовиком А.Ф.Керенским и большинством министров-социалистов (с июня 1917 г.). Напомним, что Временное правительство не решило два главных для народа вопроса — о мире и земле. Октябрь 1917г., диктатуру пролетариата Майский не признал и после роспуска большевиками Учредительного собрания принял участие в Самарском Комитете Членом Учредительного собрания (Комуче) в должности министра труда (с 14 августа 1918 г.). Он был убежден в том, что в Учредительном собрании демократия представлена своими лучшими силами, что она настолько сильна и жизненна в России, что не реакция съест демократию, а наоборот, демократия съест реакцию. Но на деле реакция без остатка съела демократию, выдвинув против Советов — "коммунистической диктатуры" — диктатуру генеральскую, колчаковскую. Теперь борьба шла между советской властью, с одной стороны, и буржуазно-помещичьей реставрацией с ее монархической идеей, с другой. "Друг против друга стояли Ленин и Колчак. Между ними приходилось выбирать". Социалист Майский выбрал не Колчака. Он опроверг широко распространенные тогда, но ложные слухи о том, что он якобы был министром Директории и даже Колчака. Но сделав выбор, Майский сопоставил силы противоборствующих сторон: они казались несоизмеримыми. У большевиков летом 1918 г. и позже был десяток центральных губерний, без хлеба, без топлива, без железа, без выхода к морю. Государственного аппарата еще не существовало. Армии в подлинном смысле слова еще не было. В стране царили голод и холод, а внутренняя контрреволюция каждодневно грозила ударом с тыла. У их противников были ресурсы трех четвертей России, хлеб, уголь, железо, морские пути сообщения. На них работали вековые традиции прошлого. На их стороне был весь капиталистический мир со всем могуществом своих материальных, военных и идеологических ресурсов. "Кто мог при таких условиях сомневаться, что контрреволюция одержит полную победу над советской властью? ... Так в начале 1919 г. казалось и мне", — писал Майский. Чтобы разобраться в этих тяжких сомнениях он ощущал острую потребность в известном уединении. Судьба улыбнулась ему: Центросоюз предложил ему возглавить экспедицию в Монголию. Когда Майский был в Монголии, гражданская война в России еще не закончилась, еще Деникин на юге и Юденич на северо-западе одерживали крупные успехи. "Однако уже и тогда было видно, что диктатура Колчака клонится к быстрому упадку, а Красная Армия неудержимо вливается в Сибирь... Во всяком случае ясно было одно: Советская Россия, несмотря на свое отчаянное внутреннее и внешнее положение, находила в себе колоссальный источник для борьбы не только с русской, но и с международной контрреволюцией... Невольно рождался вопрос: откуда эти силы?" Майский много раздумывал над этим вопросом и в конце 1919г. В Монголии — "в полупервобытной обстановке Центральной Азии, среди пустынных гор и широких степей, всегда верхом на коне" он, "додумав до конца" эти мучительные мысли, писал: "Очевидно, большевикам удалось нащупать в народной толще какую-то могучую жизненную струю, которая давала им столь поразительные крепость и упорство. Очевидно, та социалистическая революция, которую осуществляла "коммунистическая диктатура" имеет под собой какую-то реальную почву, она отвечает каким-то очень важным и серьезным интересам трудящихся, несмотря ни на холод, ни на голод, ни на кровь, ни на разорение и весь ужас гражданской войны... Но если социалистическая революция оказывалась не бессмысленной утопией, а исторически правомерным актом, ... то каков бы ни был конечный исход революции, долг каждого искреннего социалиста связать свою судьбу, с судьбой этой революции" [5, с.4; 6, с.7]. И социалист Майский так и поступил, вернувшись из Монголии в Иркутск и тепло вспоминая о Хангельцыке, где он "передумал и перечувствовал так много важного, высокого и прекрасного". В противовес хулителям Октября 1917 г. уместно привести мудрый отзыв вовсе не социалиста, а эмигранта князя Сергея Михайловича Волконского (внука декабриста), человека высокой культуры и "редкостной способности к здравому суждению": "Не будем останавливаться на том, нужна ли была революция или не нужна. Что за праздные разговоры... Нужна или не нужна, а революция была. Была, и кончено. Думаю, была потому, что не могла не быть" [7, Цит. по: 8].

Находясь в Сибири в 1920-1922 г. Майский опубликовал не только книгу "Современная Монголия", но и статьи: "Экономика Монголии", "Социальное строение Внешней Монголии", "Монголия", "Суд над Унгерном" и др.[2] Интерес к Монголии Майский сохранил и после отъезда из Сибири и на дипломатической работе за рубежом: он дополнял и уточнял свою "Современную Монголию", а Бурдуков высылал ему новинки монголоведения в Хельсинки и в Лондон.

В письмах Майского из Сибири есть краткие, но ценные и мало освещенные в литературе и мемуарах сведения о его деятельности в должностях заведующего экономическим отделом Сибревкома (2.II.— 21.VII.1921 г.) и первого председателя Сибгосплана (21.VII.1921 г. — 1922 г.) в труднейшие годы перехода России "из военного лагеря в хозяйственный муравейник" (выражение Майского).

Считаю своим долгом с глубокой благодарностью отметить большую роль Таисии Алексеевны Бурдуковой в подготовке этой публикации: в предоставлении копий писем И.М.Майского и А.В.Бурдукова, расшифровке инициалов и фамилий упомянутых в письмах лиц и т.п. В текстах некоторых писем нами сделаны небольшие и несущественные купюры сугубо личного характера.

Семья Бурдуковых. (Из архива А.В.Бурдукова)

Письма Ивана Михайловича Майского Алексею Васильевичу Бурдукову

№ 1. Телеграмма

Кобдо Бурдукову

Из Урги № 62 29.VII.1919 г. Вторично.

Экспедиция Всероссийского центрального союза потребительского общества выезжает 11 июля Урги маршрутом Заин-аби Косогол Улясутай Кобдо. Задача экспедиции экономическое обследование Монголии. Очень хотели бы повидаться Вами. Рассчитываем быть в Арчелочике середине сентября

Заведующий экспедицией Ляховецкий.

№ 2. Хангельцык 7/IV.20.[1]

Многоуважаемый Алексей Васильевич!

Посылаю Вам с этим письмом две мои книги[2] и одновременно прошу у Вас извинения за ту невольную ложь, которую я допустил при первом нашем знакомстве в Улясутае. Если Вы припомните, на Ваше упоминание во время первого моего визита к Вам о том, что, по словам Гробера[3], научной экспедицией Центросоюза должен руководить Майский, я ответил, что действительно так вначале предполагалось, но что потом Майский был лишен возможности выехать в Монголию и его заменил Ляховецкий. Как видите теперь, Майский и Ляховецкий — одно и то же лицо и, если я не сообщил Вам об этом при нашем первом свидании, то к тому имел достаточно веские причины.

Дело было в следующем. За время революции мне приходилось не раз бывать в очень ответственных положениях и занимать разные "высокие посты". Не останавливаясь на деталях, скажу только, что во времена Керенского я был товарищем министра труда, а потом, в конце 1918 года министром труда Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самарского правительства). Когда образовалась Директория, она предлагала мне занять у нее также пост министра труда, но мне очень не нравилось то, что делалось в Омске, и я отказался. После низвержения Директории и воцарения Колчака начались репрессии по отношению к левым элементам вообще, а к членам бывшего Комитета Членов ВУС в особенности. Мне удалось избежать ареста, но я вынужден был перейти на нелегальное положение. Так и я прожил зиму 1918/19 г. А весной того же года Центросоюз предложил мне отправиться в Монголию, и я охотно пошел ему навстречу[4]. Так как в политике и литературе я известен под псевдонимом Майского, то, отправляясь в Монголию еще при господстве Колчака, я решил фигурировать здесь под моей настоящей фамилией Ляховецкого, которая мало кому известна. Гробер же по оплошности (он в Хагхыле мне в этом признался) назвал Вам мой псевдоним. Не имея достаточно ясного представления о Вас в начале нашего знакомства, я не мог, конечно, сразу раскрывать свои карты. И потому, когда осенью в Улясутае Вы спросили меня о Майском, мне волей неволей пришлось прибегнуть к сокрытию истины. Я рад, что сейчас имеют возможность сказать Вам откровенно, кто я такой.

Теперь позвольте на другу тему. Дополнение к телеграмме № 828 также мало способно сдвинуть меня с места, как и сама телеграмма, хотя тут замешана политика, но из "дополнения" я все-таки не вижу, чтобы мне было необходимо ехать немедленно же. Ввиду этого я пока продолжаю писать свою книгу, которая, к слову, уже сильно продвинулась вперед. Вообще извлечь меня из Хангельцыка раньше окончания книги — задача мудреная, разве уж случится что-нибудь экстраординарное. 23.III я отправил Вам с Киселевым через Кобдо письмо (получили ли?), — в нем между прочим была телеграмма следующего содержания: "Иркутск, Центросоюз. Мясобюро. — Выеду получении серебра Ляховецкий. 79". Если почему-либо эта телеграмма Вами еще не отправлена, отправьте ее сейчас. Больше к ней мне нечего прибавить. Телеграмма эта больше для успокоения нервов моих иркутских товарищей, выезжать же я собираюсь, как и раньше Вам писал, в конце мая — начале июня по новому стилю.[5]

(Конец письма утерян).

№ 3. Иркутск, 28.X.20

Многоуважаемый Алексей Васильевич!

Пользуюсь свободным часом и подвернувшейся попутной оказией[1] для того, чтобы черкнуть Вам несколько подробнее о наших здешних делах.

Прежде всего о политическом положении. На западе становится легче: прелиминарный мир с Польшей вступил в силу, и военные действия там прекращены, но надо быть на чеку, ибо в любой момент мир может быть сорван. Врангеля теснят и, видимо, в течение ближайших месяцев с ним будет покончено. На востоке дела складываются тоже довольно благополучно: Чита взята красными партизанами, семеновцы и каппелевцы частью разбиты, частью эвакуировались, сам Семенов, улетевший было из Читы на аэроплане, попал в плен. В Чите сейчас происходит конференция представителей 4 дальневосточных правительств — Верхнеудинского, Читинского, Владивостокского и Амурского, на которой должен быть решен вопрос о сконструировании единой для всего Дальнего Востока власти. Надо думать, сговорятся. Японцы держатся пассивно, семеновцам не помогают, из Благовещенска, Хабаровска и др. городов войска свои уводят. В близком будущем ожидают восстановления ж.-д. сообщения Иркутск-Владивосток. Кстати: граница между Советской Россией и Дальне-Восточной Республикой проходит по Селенге. К важным политическим событиям необходимо еще причислить широкое забастовочное движение в Англии (участвует свыше 3 млн.человек, в том числе все углекопы), принимающее местами характер бурных взрывов и демонстраций. По-видимому, положение лондонского правительства очень тяжелое.

От политики перейду к экономике. Прежде всего продовольствие. Здесь дело обстоит неважно: город сильно голодает. Нынешний месяц, напр., население получило по 25 фунтов муки на трудящегося и по 18 1/2 фунтов на нетрудящегося, по 2 фунта соли и по 1/8 кирпича чая на человека. Это все. Остальные продукты жители добывают разными способами, в том числе и путем тайной торговли. Пока питаются овощами, главным образом картошкой. Мяса почти не приходится видеть (мясо ест армия, да некоторые категории рабочих, как жел.-дорожники и углекопы). Обедают большей частью в общественных столовых, дома мало кто готовит ввиду недостатка дров. В столовых обычно дают два блюда — суп с картошкой и капустой и кашу или вареный картофель. Количество достаточное, но надоедает однообразие стола.

Много беспокойства и населению и власти доставляют продовольств. перспективы на зиму. В Европейской России нынче сильный неурожай, в Сибири несколько лучше, но тоже не очень блестяще. Необходимо во что бы то ни стало собрать известное количество хлеба для продовольствия армии и городов до нового урожая. Для этой цели проводится принудительная разверстка хлеба среди сельского населения, т.е. реквизируются все излишки зерна, которым оно располагает. Каждой крестьянской семье оставляется на год 13 пудов хлеба на едока, плюс необходимое количество зерна на обсеменение и на корм скоту, все остальное считается

излишками и отбирается. По приблизительным подсчетам население Иркутской губ. должно сдать в казну 15-20% нынешнего урожая. За хлеб оно получает от казны некоторое количество мануфактуры (примерно около 2 аршин на душу), остальное деньгами по твердым ценам. По выполнении разверстки крестьяне могут продавать хлеб по вольным ценам (ведь часть хлеба несомненно будет утаена). Как видите, разверстка довольно суровая вещь, и на этой почве возможны известные волнения в деревне, но другого способа получить хлеб, к сожалению, нет. Купить хлеб государство сейчас не может за отсутствием достаточного количества товаров.

Далее промышленность. Налаживается она пока довольно слабо и — по разным причинам: нет рабочих (много мобилизовано в армию, много разошлось по деревням в поисках за хлебом), нет машин, нет достаточной производительности труда, главным образом, ввиду плохого питания пролетариата. Но все-таки кое-что делается, кое-где замечается несомненный прогресс. Особенное значение сейчас приобретает внешняя торговля. Для руководства ею создан Народный Комиссариат Внешней Торговли, ибо некоторые коммерческие сношения с заграницей уже начались через Эстонию и Латвию. Основная линия, намеченная правительством в сфере внешней торговли сводится к тому, чтобы ввозить в Россию не предметы потребления, а орудия производства (машины, с/х. орудия и т.п.), в какой мере удастся это осуществить на практике, покажет будущее. Между прочим, мясные заготовки в Монголии теперь тоже отнесены к компетенции Нар.Ком.Внеш.Торг., но фактически они, вероятно, останутся в руках Центросоюза, выступающего в качестве контрагента НКРТ.

Что касается ЦС[2], то он начинает уже готовиться к будущему сезону. Ценности имеются довольно значительные. Я делал доклад в собрании ответственных работников Иркутской конторы о реформах, которые необходимо произвести в организации всего закупочного дела (Вы знаете мои взгляды на этот предмет) — моя точка зрения в общем была принята, и на днях мы приступаем к выработке практического плана работы на будущий год. В основу плана кладется: централизация всего дела закупок в одних руках, сокращение штата служащих и подбор честных людей на все ответственные должности. Настроение таково: лучше послать меньше закупочных отрядов, но иметь в них везде надежный народ. В связи со всеми этими проектами я выдвинул Вашу кандидатуру для работы в будущем сезоне, возможно поэтому, что Вы скоро получите приглашение приехать в Иркутск для переговоров. Надеюсь, Вы не изменили своих намерений и не откажетесь побывать в здешних краях. Росказням о всяких ужасах, якобы свирепствующих в Советск[ой] России, Вы не очень верьте, — преувеличений масса, — запаситесь только продовольствием, лучше всего маслом, сухарями и сушеным мясом (те несколько фунтов сушеного мяса, которые я захватил в Хангельцыке, мне очень пригодились), впрочем, можно взять и мороженое мясо, хотя оно более громоздко.

Мои личные дела пока складываются хорошо. Издание книги я устроил, печататься она будет в Иркутске, сдал уже для набора таблицы Приложений[3]. Бумагу достали из Верхнеудинска. Боюсь только, что книга моя появится в свет не раньше полугода, т.к. благодаря всяческой разрухе дело издания может подвигаться лишь очень медленно. Но что делать, — таковы уж условия.

Дожидаться появления книги в Иркутске я не буду, недели через 3-4, т.е. во второй половине ноября, вероятно, двинусь в Москву. Что там буду делать, как устроюсь, пока еще не знаю. На месте виднее будет. Политические настроения мои нисколько не изменились, наоборот, еще более окрепли, — стало быть, работа найдется.

Надо кончать. Еще одно слово. Часто, очень часто я вспоминаю Хангельцык и проведенную там зиму. Часто встают передо мной остроконечный Цаган-Хаирхан, узкая и глубокая долина у его подножья и маленькая старая заимка в устье долины, на мысу меж двух горных потоков, где я передумал и перечувствовал так много важного, высокого и прекрасного. Жизнь каждого человека похожа на книгу, в которой есть разные страницы: веселые и грустные, хорошие и дурные. Когда я оглядываюсь на свою жизнь, я, положа руку на сердце, могу сказать, что монгольская страница в ней — одна из лучших. А ведь эта страница в моем сознании неразрывно связана с Хангельцыком и его заимкой.

Пока до свидания. Сердечный привет всей Вашей семье и М.Д., а также Татьяне Георгиевне[4], черкну ей как-нибудь на днях несколько строк.

Пишите мне на адрес Ц.С. в Иркутск, — мне перешлют.

Крепко жму Вашу руку

Ваш Ив.Мих.

P.S. Деньги потеряли почти всякую ценность. В вольной продаже 1 фунт мяса стоит 1200—1500 рублей, 1 четверть молока — 6-7.000 рублей, 1 пуд муки — 15.000 рубл. и т.д. На днях я заказал себе костюм из привезенного из Монголии материала, — работа стоит 25.000 рубл. Таковы цены в Иркутске (в Омске ниже, в маленькой провинции еще дешевле). Торговля идет фактически на обмен (особенно на мануфактуру и нитки), причем деревня забирает у города все наиболее ценное. Будет только справедливо, если крестьянство в порядке разверстки вернет городу хотя бы часть того, что оно от него получило, по самым невыгодным для города ценам.

9.XI.

Моя оказия задержалась, прибавлю еще несколько слов. На фронте успехи, красные вошли уже в Крым, Врангель скоро будет ликвидирован. На Востоке устанавливается власть Д.-В.Республики (демократич.)

Центросоюз в будущем сезоне по всем данным будет работать в Монголии. Моя схема организации закупочного аппарата (без районных контор) принята. На днях будем обсуждать личный состав отрядов. Решено произвести основательную чистку. Будем говорить о Вас в связи с работами будущего лета.

Вопрос с почтой Хатхыл-Улясутай разрешен благополучно, Ц.С. берет расходы на себя.[5]

В конце этого месяца, должно быть, уеду из Иркутска, — зовут меня в Омск и Москву. Куда поеду на постоянное жительство, еще не знаю, но в Москве-то во всяком случае побываю.

Пока всего лучшего.

Ваш И.М.

№ 4. Иркутск, 2.XII.20 г.

Многоуважаемый Алексей Васильевич!

Пользуюсь оказией, завтра отправляющейся в Монголию, чтобы черкнуть Вам несколько слов и послать газеты. Авось рано или поздно моя посылка дойдет до Вас. По себе знаю, как жадно ловишь в глубине Монголии всякие вести из России, — не хочу поэтому пропускать удобного случая[1].

Как видите, я еще в Иркутске, но доживаю здесь последние дни. Судьба моя в России пока складывалась очень благоприятно. Правда, приходится немножко голодно, но ведь "не хлебом единым жив бывает человек". За время пребывания в Иркутске я получил несколько весьма лестных предложений в Москву, Омск, на Восток и т.д., но решил ехать в Омск (по крайней мере до весны), ибо из всех предложений омское показалось мне наиболее

симпатичным. Вот туда-то я и отправляюсь не позже, как через неделю. Буду в Омске заведовать Экономич[еским] отделом Сибревкома (Сиб.Револ.Комитета), — пост что-то вроде министерского в сибирском масштабе, — видно, мне на роду написано быт министром! — а работа такая, какую я сам создам. Дело в том, что Экон.Отдела при Сибревкоме пока фактически не существует, и я должен строить его по своему усмотрению. Буду, поскольку возможно, руководить экономич[еской] политикой Сибревкома, составлять государственную роспись народного хозяйства Сибири (т.е. смету потребностей страны в области с.х., промышленности, продовольствия и пр. и план удовлетворения этих потребностей) и заниматься обследованием Сибири под углом зрения использования ее богатств. Работа обещает быть очень интересной и увлекательной, и я только боюсь, что не найду достаточного количества опытных сотрудников. Впрочем, поживем — увидим.

Книга моя о Монголии печатается в Иркутске, но не думаю, чтобы она вышла в свет раньше март-апреля: уж очень много технических затруднений. Надеюсь, что удастся ее иллюстрировать. Вам, конечно, пришлю экземпляр, когда печатание закончится[2].

Получил на днях письмо от матери, — вся наша семья жива и здорова, но зато раскидана по всем концам России: кто в Москве, кто в Харькове, кто на Дону, кто в Архангельске, кто в Туруханском крае. Это — не считая меня[3].

От новостей личного характера перейду к новостям общественным. Война, видимо, кончается, по крайней мере, на время. С Польшей заключили мир, Врангель разбит вдребезги и бежал, а Крым занят красными, Петлюра и Балахович уничтожены, остатки семеновцев и каппелевцев почти ликвидированы. С Владивостоком восстановлено сообщение пока через Благовещенск, но скоро будет восстановлено и через Харбин. Америка заключила с Советской Россией договор об аренде Камчатки, чем очень недовольны японцы. Англия, Бельгия и даже Франция на этот раз как будто бы всерьез готовятся вступить в торговые сношения с нами. В Дальне-Восточной Республике сформировалось лево-демократическое правительство, дружественное Сов[етской] России, и пока что японцы мирятся с этим фактом (их отряды имеются еще в Приморской области, остальные места — эвакуированы). Таким образом, наступающий 1921 г. мы будем встречать в значительно более спокойной обстановке, чем встречали его предшественника. Но, конечно, ни от чего зарекаться нельзя, и все время надо быть начеку.

Внутреннее положение тяжелое. За эти три года народ страшно изголодался, обносился и часто нуждается в самом необходимом. При таких условиях веселых настроений в стране, разумеется, не может быть. Все изнервничались, озлобились, погружены с головой в заботы о хлебе насущном, но все, даже реакционеры, чувствуют, что другой власти сейчас быть не может. И потому нынешняя власть прочна, и ни японцы, ни Михаил Романов ей не страшны. В разных местах Сибири вспыхивают в настоящее время отдельные восстания на почве сбора хлеба и др.продуктов среди крестьян для государственных нужд, но сколько-нибудь серьезной опасности они не представляют. По общим отзывам в Европейской России, особенно в Москве, положение, даже продовольственное, значительно лучше, чем в Сибири: это объясняется тем, что там за 3 года советский аппарат уже известным образом настроился, а в Сибири он находится еще в первичной стадии развития. Большие усилия прилагаются сейчас к налаживанию промышленности, — в качестве одной из мер поощрения рабочих применяется премиальная оплата труда продуктами продовольствия, — но дело серьезно тормозится изношенностью оборудования. В общем положение, хотя и тяжелое, но не безнадежное.

Центросоюз в 1921 году в Монголии работать будет, но не под контролем Губерн[ского] продов[ольственного] комитета, а под руководством вновь образованного Нар[одного] Ком[иссариата] Внешней Торговли. Ценности (чай, серебро, мануфактура) имеются уже сейчас и в довольно значительном размере. Схема организации закупочн[ого] аппарата принята моя, с некоторыми несущественными изменениями. Надеются нынче не запоздать, если только белогвардейцы в самой Монголии не помешают. Решено также радикально почистить личный состав служащих.

О событиях в Ханге и Хатхыле не пишу, Вы, вероятно, осведомлены о них лучше, чем мы[4].

Пока всего хорошего. Сердечный привет всей Вашей семье, М.Д. и обитателям заимки в Хангельцыке. Давайте знать о себе. Пишите на Иркутскую контору Ц.С. — мне перешлют.

Жму руку

Ваш И.Л.

P.S. Юрганова с мужем — в Омске, Вяткин заведует информ. отделом в Губпродкоме, а его жена работает по народному образованию. Живы, здоровы, хотя весной он месяца 3 отсидел в тюрьме[5].

P.P.S. Какие бывают курьезы в наше время. Помните, в ноябре прошлого года, когда вы уезжали из Хангельцыка в Улясутай, я дал Вам пакет для отправки в Ирк[утскую] контору ЦС? В пакете этом был план работы ЦС в Монголии в сезоне 1920 г. Представьте, мой пакет был получен в Иркутске только теперь, при мне, 25 ноября 1920 г. От Хангельцыка до Иркутска он путешествовал ровно год! Но все-таки дошел.

3.XII.20

Сегодня, А.В., на заседании Администр[ативной] Коллегии Ирк[утской] конторы ЦС, было решено предложить Вам вступить в ряды работников ЦС в Монголии. В соответствии с этим одновременно с настоящим письмом Вам отправляется официальное сообщение от Ирконторы. Пока Вам предлагается занять место заведующего агентурой ЦС в Улясутае[6], но в дальнейшем возможны и иные комбинации. В пояснение этого предложения считаю необходимым сообщить Вам некоторые сведения о той системе организации закупочного аппарата, которая принята на 1921г. Районные конторы уничтожаются. Центр, руководящий всеми заготовками в Монголии, остается в Иркутске (в этом отношении я должен был сделать уступку против моего первоначального проекта, т.к. мне были предоставлены достаточно веские соображения в пользу руководства монгольскими операциями из Иркутска; к тому же теперь в Иркутске имеется уже несколько человек — Гробер, Емелин, Бем и др., знакомых с Монголией по опыту. В наиболее важных пунктах расставляются закупочные отряды, которые в случае надобности могут посылать агентов и палатки в районе своей деятельности. Если покупки можно будет производить во всей Монголии, то отряды предполагаются в Урге, Ван-Курене, Мурин-курене (или Хатхыле), Улясутае, Улангоме или Бекоморине. Кроме того, в Урге, Улясутае и Кобдо должны существовать постоянные представительства ЦС для торгово-транспортных операций и сношений с властями. В Кяхт[инском] Маймачене, Желтуре, Хатхыле, Ханге, Кош-Агаче — хозяйственные пункты для транспортировки людей, ценностей и пр. в Монголию и скота и сырья — из Монголии. Отряды подотчетны непосредственно Иркутску. В Улясутае и Урге постоянная агентура ЦС одновременно организует и закупку скота, формирует отряды и пр. Если в 1921 г. по политическим причинам

не удастся развернуть операции во всей Монголии, ограничимся теми частями ее, где закупка будет возможна. Тогда число отрядов сократится.

Такова в основных чертах принятая схема. Как видите, пока наиболее удобное и подходящее для Вас место в намеченной организации — роль представителя ЦС в Улясутае, т.к. в Иркутск Вы, очевидно, не переедете. В дальнейшем, впрочем, возможны некоторые изменения принятой схемы, — тогда и для Вас, б.м., найдется иного рода работа.

Штат служащих ЦС в Монголии решено распустить и производить набор новых работников, т.ч. для улясутайского отряда Вы можете подобрать подходящих лиц по своему усмотрению. Было бы чрезвычайно желательно, чтобы Вы помогли ЦС в вербовке штата и для др[угих] отрядов, указанием честных и пригодных лиц из числа так наз. "монголистов"[7].

Было бы очень хорошо, если бы Вы могли приехать в Иркутск для знакомства с руководителями Ирконторы и для обсуждения всех вопросов, связанных с монгольскими операциями, — к сожалению, однако положение в Монголии сейчас таково, что приезд Ваш в ближайшее время является едва ли возможным. Приходится поэтому ограничиваться пока письменными сношениями.

Я знаю, А.В., что у Вас были сомнения относительно того, сможете ли вы начать работу в ЦС в 1921г., до окончательной ликвидации Вашего дела. Я очень настаивал бы на том, чтобы Вы нашли возможным начать работу теперь же. ЦС имеет искреннее желание наладить свою деятельность в Монголии по-хорошему, — беда за людьми. Было бы поэтому крайне важно, чтобы на таком ответственном посту, как улясутайское представительство, с самого начала оказался вполне достойный человек. Постарайтесь устроить свои личные дела так, чтобы Вы могли взяться за работу в предстоящем сезоне.

Еще одно. Возможно, что до Вас дойдут слухи через Гая, Винтовкина и др.; будто бы Нарком Внеш[ней] Торг[овли] хочет поручить заготовки скота и сырья в Монголии частным скотопромышленникам (у меня есть некоторые основания полагать, что такие слухи будут распространяться), — не верьте этим россказням. Сибирский руководитель Нарком Внешторг решительно против передачи заготовок в частные руки (Монголия относится к сфере его компетенции), а затем решение вопроса о том, кому закупать в Монголии, не в последней степени будет зависеть и от меня, как руководителя Эконом.Отдела Сибревкома. Я же, конечно, не стану поддерживать частный капитал против ЦС[8].

С китайцами отношения в 1921 г., надо думать, будут лучше, чем в 1920 г. (Китай сейчас усиленно заигрывает с Сов.Россией и Д.В.Республикой), и препятствовать нам они не будут. Старых консулов тоже, если не ошибаюсь, больше нет. Если не помешают белогвардейские отряды, работу, думаю, можно будет развернуть недурно[9]. Основной операцией в 1921 г. предполагается закупка скота, но постепенно будет делаться переход также к заготовке сырья, особенно шерсти, овчины, кож и т.д., а в связи с этим и к созданию постоянной организации ЦС в Монголии.

Вот пока и все, что я Вам хотел сообщить. Итак, надеюсь увидеть Вас в 1921 г. в рядах работников ЦС. Еще раз всякого благополучия.

Ваш И.Л.

P.S. Одновременно посылаю кипу газет и брошюр.

№ 5 [бланк] Председателю Сибирской Государственной Общеплановой Комиссии

Н.-Николаевск. 28.XII-21 г.

Многоуважаемый Алексей Васильевич!

Давно получил Ваше обстоятельное письмо из Хатхыла с описанием всех Ваших злоключений за последний год, давно собирался Вам ответить, да все не мог найти свободной минутки. Не свободен я и сейчас — пишу эти строки на заседании Сибревкома, — но услышал, что Вы уже в Иркутске, и невольно захотелось перекинуться с Вами парой слов.

Меньше 1 1/2 лет прошло с тех пор, как мы прощались в Вами на горке в Хангельцыке — помните, был такой ясный, хороший день? — а как много воды с тех пор утекло? Как изменилась за эти 17 месяцев обстановка в Монголии! Тихая Монголия... Забытая богом и людьми страна... Она перестала быть таковой. Она втянута в водоворот мировых событий. Старая Монголия умерла, скорее даже, чем я предполагал, а новая только нарождается, и какова она будет, пока еще трудно сказать. Поживем — увидим.

С огромным интересом читал я ваше письмо. Хватили Вы горя! Надеюсь, что теперь вы и ваша семья несколько отдохнули. У нас, в советской республике много недостатков, но все-таки у нас есть порядок и есть власть. И жить здесь можно спокойнее. Спасибо за сведения о знакомых людях, жаль только, что это большею частью некрологи. Неужели Аркадий Алексеевич так-таки погиб? Где Татьяна Георгиевна с ребятами? Как им живется? Смертельно жаль, что сгорела ваша заимка, — у меня с ней связано так много хороших воспоминаний. Я там не даром прожил 9 месяцев. А ваша библиотека? Тоже сожжена или расхищена?[1]

С большим удовольствием повидался бы с вами и поговорил вволю о прошлом, настоящем и будущем. К сожалению, сейчас это едва ли удастся. Около 20 января я еду в Москву и вернусь в Сибирь не раньше марта[2]. Ну, да авось еще встретимся.

Пока всего лучшего. Сердечный привет вашей семье. Где она сейчас устроилась? Каковы вообще ваши планы на будущее?

Пишите.

Жму крепко руку.

Ваш И.Майский.

№ 6 [бланк] Ленинградское отделение Государственного издательства.

"Звезда". Литературно-общественный и научно-популярный журнал.

Ленинград. 8 июня 1924 г.

Дорогой Алексей Васильевич!

Пользуюсь случаем и пишу Вам несколько слов. Мария Федоровна[1] едет в Монголию, — как я желал бы быть на ее месте! Не знаю почему именно в этом году, но только меня сейчас страшно тянет в степи, в горы, в пустынные места. Должно быть, стосковался в городской, да к тому же еще столичной обстановке. Каждый, кто однажды побывал в Центр[альной] Азии (а может быть вообще в пустынях и степях), уносит в душе своей отраву. И эта отрава временами начинает сильно действовать. И вот такой момент теперь переживаю я...

К сожалению, нынче в Монголию никак не попаду. До середины июля остаюсь в Ленинграде, а потом поеду на месяц либо на Волгу, либо на Кавказ, — еще не решил окончательно. Занят очень много. Кроме редактирования "Звезды", первые два №№ которой посылаю Вам с М.Ф., на мне целая куча иных партийных и литературных дел. Иногда тяжело, но все-таки справляюсь. Посылаю Вам также мою недавно вышедшую книжечку о Германии[2]. ...

А Вы как? Закупаете скот? Торгуете? Сколько предполагаете нынче заготовить? Есть ли средства? Чем кончились Ваши московские переговоры?[3] В каких отношениях Центросоюз и Внешторг? Какие вообще перспективы русской торговли в Монголии? Очень ли сильны китайцы? Растет ли монгольская кооперация? Помогаем ли мы ей?[4] Каковы вообще настроения в Монголии в связи со смертью Богдо и намеча-

ющимся провозглашением республики? Пишите обо всем, меня это интересует.

В общеполитическом смысле у нас спокойно. Никаких острых внешних конфликтов на ближайшее время не предвидится, урожай обещает быть не ниже среднего. Стало быть, проживем.

Пока до свидания. Привет вашей жене и ребятам, если они с Вами. Где Михаил Нилович?[5]

Крепко жму руку. Ваш И.Майский.

Адрес мой — в заголовке (ред. "Звезда").

№ 7. 19/X-27. Ачинск. [Открытка].

Привет вам, дорогой А.В., с дальнего пути! Едем, едем — в Японию. По дороге все знакомые места, встают разные воспоминания... Поклон Вашей семье.

Жму руку. Ваш И.Майский[1].

№ 8. [Открытка] Москва 1/V-29 г.

Дорогой Алексей Васильевич!

Около 16/V выезжаю из Москвы в Финляндию, куда назначен полпредом[1]. По дороге остановлюсь в Ленинграде на пару дней — тогда увидимся и потолкуем. ... Привет семье. Жму руку.

Ваш И.Майский

№ 9. [Открытка]. Москва. 30/X-31 г.

Дорогой Алексей Васильевич!

Рассчитываю выехать из Москвы 9/XI, — стало быть, встретиться сможем 10/XI. Не откажите к этому времени подготовить все материалы[1], т.к. 11/XI я, вероятно, уже выеду дальше... До скорого свидания.

Ваш И.Майский.

№ 10 [бланк] Полномочное представительство СССР в Великобритании

Лондон, 24.1.33.

Дорогой Алексей Васильевич!

Был рад получить весточку от Вас. Нехорошо только, что она проникнута какой-то неуверенностью и беспокойством за свое будущее. Понимаю, что осенняя история в Институте Вас несколько обескуражила, но мало ли какие недоразумения бывают. Я полагаю, что теперь недоразумение ликвидировано, и Вы можете спокойно работать. Неувязки со словарями, конечно, неприятны, но сейчас вообще с изданием книг большие трудности. Несколько позже будет легче. Словарь же такая вещь, что от задержки в выпуске не страдает. Словарь Рамстедта вышлю Вам, как только он выйдет, но пока его еще нет в продаже[1]. Ваши планы насчет Академии наук не плохи, но это не исключает и работы в других областях. Во всяком случае имейте в виду, что в случае надобности я охотно окажу Вам содействие чем могу.

Живем мы здесь пока не плохо. У меня много работы, весьма сложной и капризной, но интересной. Агния тоже имеет свои задачи и не без пользы проводит время в Англии[2]. Вот уже конец января, уже весна близится, но пока еще не знаю, когда удастся вырваться в отпуск. Проводить отпуск во всяком случае буду в СССР, — может быть тогда и увидимся.

Пока до свидания. Сердечный привет всей Вашей семье от меня и жены. Крепко жму руку. Давайте знать о себе.

И.Майский.

P.S. Книга моя находится в процессе издания[3].

Примечания

1 И.М.Майский вступил в революционное движение 15-летним гимназистом в Омске; в 1902 г. за активное участие в студенческом движении в Петербургском университете был выслан в Омск; в революционном 1905 г., был членом Совета рабочих депутатов и боевых дружин в Саратове, за что был сослан в Тобольскую губернию. В середине 1908 г. он бежал за границу, в Германии (1908-1912 гг.) и Англии (1913-1917 гг.) участвовал в социал-демократическом движении и изучал его теорию и практику.

2 Народное хозяйство. — 1921. — № 1-2, — С.234-341; 1922. — № 1, — С.154-183; Народы Дальнего Востока, — 1921. — № 1, — С.43-54; Жизнь национальностей. — 1921. — № 30; Новый Восток. — 1922. — № 1, — С.154-183; Сов.Сибирь. — 1921. — 3 июля; 20 сент. и др.

Письма

№ 1.

[1]. Имя Бурдукова тогда было известно в Сибири и в Монголии и по его торговой деятельности и по многим корреспонденциям в газетах. "Об этом человеке я уже раньше слышал много хорошего", — писал позже Майский.

№ 2.

[1]. Письмо написано на заимке Бурдукова, который сам в это время находился в Улясутае.

[2]. Какие свои книги посылал Майский, точно неизвестно, но к этому времени были изданы: Ллойд Джордж (политическая характеристика). — Пг. 1916; Германия и война. — М. 1916; Политическая Германия. — М. 1917; В мире германского профессионального движения. — П. 1917.

[3]. Гробер Соломон Моисеевич — заведующий Прикосогольской конторой Центросоюза в м.Хатхыл.

[4]. За несколько дней до колчаковского переворота Майский собирался уехать из Омска в Иркутск, куда его приглашали работать в местной с.-д. газете "Дело". Возглавить экспедицию в Монголию Майскому предложил, вероятно, зав. экономическим отделом Ирк. конторы Центросоюза П.П.Маслов.

[5]. Киселев Федор Емельянович, юрист Кобдоской к-ры Центросоюза, оказал ценные услуги экспедиции Майского при обследовании Кобдоского округа. Мясобюро — сокращенное название Распределительного бюро по мясным заготовкам в Восточной сибири и Монголии Ирк. к-ры Центросоюза. Упомянутые телеграммы и письма требовали немедленного возвращения экспедиции. Майский отправил в Иркутск предварительные сведения, необходимые для закупки скота в Монголии, но добивался продления срока экспедиции для завершения ее расширенной программы.

№ 3.

[1]. Оказией были сотрудники Центросоюза А.И.Сартаков и И.Г.Салтыков.

[2]. ЦС — здесь и далее — Центросоюз.

[3]. Речь идет об издании книги Майского "Современная Монголия", в которой в 14 таблицах Приложений (128 с.) впервые приводились подлинные материалы переписи

населения и скота Автономной Монголии в 1918 г., о количестве населения и скота в духовном ведомстве; о количестве скота, принадлежащего князьям, ламам и монастырям (пер. с монгольского); население, плотность населения, возрастной состав, сословное деление; скот автономной Монголии в 1918 г. (окончательные итоги); примерный расчет прироста скота; бюджет типичных монгольских семей; Ежегодное потребление Монглии; курс доллара и рубля.

[4]. М.Д. — Михаил Дмитриевич Хомутов, двоюродный брат и ближайший друг А.В.Бурдукова, художник и всесторонне одаренный человек. Татьяна Георгиевна — жена Аркадия Алексеевича Чукреева, двоюродного брата А.В.Бурдукова, члена его товарищества, она в Хангельцыке готовила пищу для членов экспедиции.

[5]. Деятельность всех русских почтовых и телеграфных контор в Монголии тогда была фактически парализована, потому что правительство Колчака средства на их содержание высылало казначейскими билетами Сибирского Временного правительства или "керенками", которые в Монголии никто не признавал [9]. Благодаря содействию Майского содержание одной из почтово-телеграфных линий Хатхыл-Улясутай взяла на себя Ирк. к-ра Центросоюза.

№ 4.

[1]. По просьбе Майского, вернувшегося из Монголии, Центросоюз выписал на декабрь 1920 г. 20 экз. иркутской газеты "Власть труда" в Троицкосавск, Ургу, Улясутай, Тунку, Монды, Хатхыл, Бийск-Кош-Агач для Кободской конторы (ГАИЛ. 1.2348, оп.1, д.270, л.13). Но в начале 1921 г. Бурдуков неоднократно просил Майского о высылке газет. "Примите все меры, чтобы здесь получалась газета, а то здесь совсем ничего нет из вестей", — писал он в одном письме и в другом от 1 февр. 1921 г.: "надо бы прислать в общественную библиотеку Улясутая по 1 экз. 2-3 газет. Если разделяете мое мнение, то устройте высылку газет" (Архив Бурдукова). Оказией, упомянутой Майским в письме, был Яков Христанович Фрейман, почтовый служащий, приехавший из Монголии в советский Иркутск хлопотать о материальной помощи почтовикам в Монголии, не получавшим жалованье более года [9]. И Бурдуков писал: "Почтовик Я.Х.Фрейман только на днях приехал из Иркутска и привез мне много советской литературы, газет и письмо от И.М.Майского" [1а]

[2]. Книгу Майского "Современная Монголия" иллюстрировать тогда не удалось. 1 февраля 1921 г. Бурдуков писал ему: "Фотографии для книги теперь уже запоздают, но Миша (Хомутов — Е.Д.) посылает Вам рисунки типов, сколько оказалось готовых". Майский в книге (с.III) благодарил М.Д.Хомутова за "несколько удачно исполненных карандашом монгольских типов". Бурдуков просил книгу Майского отправить ему обязательно посылкой, а то погибнет. "Я слышал, что один экземпляр Вашей рукописи, переданный Ро-ву, погиб. Сюда приехал проф.Оссендовский. Спрашивал у меня и просил дать ему для прочтения Вашу рукопись, но я ему сказал, что не имею в наличности" (Архив Бурдукова. Когда книга Майского вышла из печати, он выслал ее Бурдукову, другим лицам, а также В.И.Ленину с лаконичной надписью: "В.И.Ленину от автора. Н-Николаевск. 31.VIII.21".

Этому предшествовал такой эпизод. В "Известиях ВЦИК" 2 июня 1921 г. было опубликовано письмо В.И.Ленина: "Мне случилось в последнее время упоминать имя бывшего меньшевика И.Майского, который был министром при Колчаке. Тов.Майский в письме ко мне протестует против смешения его с Мартовыми и Черновыми и указывает, что он, Майский, теперь уже член РКП, и работает на советской должности в Омске в качестве заведующего экономическим отделом Сибревкома. Считаю долгом довести до сведения читающей публики это указание тов.Майского. Н.Ленин. 1.VI. 1921 г." (Полн.собр.соч., т.52, с.242, 421, прим.353).

[3]. Семья Ляховецких: отец-военврач в Красной Армии, мать — учительница, дети: Иван, Юлия, Валентина, Анатолий, Михаил.

[4]. Конторы Центросоюза в Ханге и Хатхыле (на севере и юге оз.Косогол) были разгромлены и разграблены белыми бандами Корюкова и Казагранди [1а, с.168].

[5]. Юрганова Капитолина Васильевна, дочь русского поселенца в Уланирике в Монголии, окончила гимназию в Бийске, биологическое отделение Высших женских курсов в Петербурге; с 1911 г. занималась изучением Монголии. В 1915 г. вышла замуж за известного сибирского поэта и прозаика Г.А.Вяткина. В годы гражданской войны родители потеряли с ней связь, по их просьбе Бурдуков запросил о ней Майского, который бывал на заимке В.И.Юрганова и назвал ее хорошо поставленной. (Совр.Монголия. с.90).

[6]. Административная коллегия Ирк. к-ры Центросоюза направила Бурдукову 3 письма:

1. "Милостивый государь Алексей Васильевич. И.М.Ляховецкий и А.И.Сартаков передали нам о Вашем желании и готовности работать в организации Центросоюза в Монголии. Ценя Ваш опыт, знание дела и доверие, с которым к Вам относятся упомянутые лица, Иркутская контора Центросоюза со своей стороны охотно включает Вас в число своих ответственных сотрудников.

Председатель Административной коллегии Золотов".

2. "3.XII-1920 г. Иркутск. г.А.В.Бурдукову в Улясутае.

Иркутская контора Центросоюза включает Вас в число ответственных сотрудников и возлагает на Вас заведывание агентурой в Улясутае".

3. "Зав. Улясутайской Агентурой А.В.Бурдукову.

Предлагаем агентам Приемышеву и Власову сдать, а А.В.Бурдукову принять все ценности и товары, инвентарь и имущество Центросоюза, находящееся в Улясутае, 3 декабря 1920 г." (ГАИО, ф.2348, оп.1, д.270, л.69, 70).

[7]. "Монголистами" называли себя русские поселенцы в Монголии.

[8]. В.Г.Гей, ветврач Читинской противочумной станции, в 1912-1915 гг. производил противочумные прививки скоту в Прикосоголье; с 1915 г. — зам., а затем начальник Монгольской экспедиции по заготовке мяса для действующих армий (1915-1918); с 1920 г. — ветврач в Центросоюзе. В.И.Винтовкин — крупный иркутский торговец, закупал скот в Прикосоголье. Предположение Майского основано на донесениях контролеров Центросоюза Г.Н.Шур и др. о том, что Гей, получив документы Ирк. к-ры об оказании ему содействия всеми учреждениями Центросоюза и большую сумму в Троицкосавском хоз. пункте, "по выезде в Монголию променял ветеринарию на спекуляцию", оставил службу в Центросоюзе и в компании со Швецовым и др. "занялся безудержно спекуляцией". (ГАИО. Ф. 2348, оп.1 д.17, л.122; д.166: л.24). И Бурдуков на основании своей беседы с Геем подтвердил, что тот закупал скот помимо Центросоюза, обещая цену выше центросоюзовской, призывал к тому же русских поселенцев, говоря, что к 15 авг. Советская власть в Сибири будет свергнута. [1а, с.163-168].

[9]. В сентябре 1920 г. дипломатической миссии ДВР во главе с И.Л.Юриным в Пекине удалось добиться отказа Китая от признания дипломатической миссии бывш. царского посланника кн.Кудашева, а следовательно, и всех подчиненных ей консульств в Монголии. В октябре 1920 г. старые консулы А.А.Орлов, А.П.Хионин, А.А.Вальтер выехали из Урги, Кобдо, Улясутая в Китай. Отъезд старых консулов и отсутствие новых советских сделали беззащитными русских поселенцев. "Вся власть в Улясутае в руках китайцев и мы подчинены местным законам", —

писал Бурдуков Майскому 1 февр. 1921 г. Унгерновщина коренным образом нарушила экономическую жизнь Монголии и, конечно, также и работу Центросоюза. (Архив Бурдукова).

№ 5.

[1]. О драматических злоключениях Бурдукова при белогвардейцах, аресте его с семьей, угрозе расстрела, спасении их Хатан-батором Максаржавом, поднявшим восстание против белых в Улясутае, содействии ему Бурдукова в установлении контакта с советскими властями Иркутска, о конфискации библиотеки Бурдукова белым офицером Вандановым, о гибели М.Д.Хомутова, А.А.Чукреева и других знакомых Майского см.: [1а, прим.141]. 15 сент. 1921 г. Бурдуков с семьей прибыл в Хатхыл и был назначен заведующим Прикосогольским закупочным районом Ирк. к-ры Центросоюза, на присланные из Иркутска товары быстро организовал отправку скота в город. Семья Бурдукова поселилась в Иркутске, где часто зимой жил и бывал по делам он сам, дети учились в школе Центросоюза, а старшая дочь Таисия, свободно говорившая по-монгольски, изучала письменный монгольский язык у иркутского монголоведа В.С.Флоренсова. С Бурдуковыми жила и Татьяна Георгиевна Чукреева с детьми. Летом все приезжали в Хатхыл.

[2]. Майский привез в Москву в Госплан составленный Сибгоспланом с привлеченными им учеными Томска и Омска первый народнохозяйственный план Сибири на 1922 г., с некоторыми поправками он был одобрен. В газете "Советская Сибирь" был опубликован этот план (1922, 11 янв.), а также серия статей Майского об экономической политике в Сибири: Восстановление промышленности; Интересный опыт; Удачный опыт; Удачный опыт продолжается; К вопросу о товарообмене; Итоги губпродсовещания; Продналоговая компания в Сибири; О хозплане Сибири; К моему критику. // Там же. 1921, 30 июня, 2 и 20 июля, 21 и 26 авг., 2 окт.; 1922, 19, 22, 27 февр.

В Москве Майский встретился с зам. НКИД М.М.Литвиновым, знавшим его по лондонской эмиграции, и по рекомендации последнего был назначен ЦК РКП(б) заведующим отделом печати НКИД.

№ 6.

[1]. Мария Федоровна Нейбург свою первую научную экспедицию в Монголию совершила в 1916 г. из Томска по инициативе, на средства и при всестороннем содействии А.В.Бурдукова. Став геологом, неоднократно бывала в Монголии, неизменно пользуясь содействием Бурдукова.

[2]. И.М.Майский был первым редактором ж."Звезда", старейшего после "Сибирских огней". Кроме двух №№ ж-ла с интереснейшими статьями, была послана и книга Майского "Современная Германия" (М. 1924).

[3]. В декабре 1923 г. — январе 1924 г. Бурдуков был в командировке в Москве, выступал в Восточной палате с докладом, по которому было принято решение возбудить ходатайство перед высшими органами об улучшении условий работы в Монголии: о снижении ж-д тарифа, цен на товары на 40%, о долгосрочном кредите на 12 месяцев, о разрешении вывоза серебра и др. Бурдуков вел переговоры с Акц.Т-вом "Шерсть" о работе в Монголии, но безрезультатно. В Москве Бурдуков написал статью "Транспорт и транзит в торговле с Монголией" (опублик. в ж. "Союз потребителей", М., — 1924, — № 4, С.57-59) и тезисы "Торговля с Монголией" (ГАИО, ф.2348, оп.1, д.754, л.1-12), позже использованные в двух его статьях "Сибирь и Монголия" ("Жизнь Сибири", — 1926, —№ 9 и "Сиб. огни", — 1928, —№ 2). В них содержатся сведения и о деятельности Центросоюза в Монголии.

[4]. И.М.Майский имеет большие заслуги в пропаганде идей кооперации в Монголии: в 1919-1920 г. он издал в Урге на монгольском языке брошюру о сущности и деятельности Центросоюза. Делегация Монгольской народной партии, прибывшая в Иркутск в авг. 1920 г., в письме правительству РСФСР просила содействия в создании монгольской кооперации, установления прочных связей и товарообмена ее с кооперацией России, создания предприятий по переработке местного сырья. После революции 1921 г. был создан Монценкооп (Монгольский Центральный кооператив), Иркутская контора Центросоюза установила с ним торговые связи, реконструировала кожзавод в Алан-Булаке, перестроила пароход "Монгол" на Косоголе и т.п. (ГАИО, ф.2348, оп.1, д.746, л.1-10). Бурдуков писал В.Л.Котвичу 22 янв. 1928 г.: "Монгольская кооперация покрыла всю страну, в 1926-1927 гг. охватила почти 25% всей экономики страны, оборот ее достиг 8-9 млн.мексиканских долларов" [1а, с.293].

[5]. Михаил Нилович Золотов — бывш. председатель Административной коллегии Ирк. к-ры Центросоюза, затем зам. зав. Монгольской конторой Сибкрайсоюза (так была переименована в феврале 1924 г. Ирк. к-ра Центросоюза), позже работал в Москве.

№ 7.

[1]. И.М.Майкий в 1927-1928 гг. был советником полпредства СССР в Японии.

№ 8.

[1]. Полпредом в Финляндии Майский был в 1929-1932гг. Бурдуков с начала 1927 г. жил в Ленинграде, преподавал монгольский разговорный язык в Институте живых восточных языков.

№ 9.

[1]. Бурдуков собирал материалы — новинки монголоведения для Майского, который дополнял и уточнял свою книгу "Современная Монголия". И позже, когда Майский был полпредом в Лондоне, Бурдуков высылал ему через сотрудника НКИД новинки монголоведения. Так, в письме от 28 марта 1935 г. он писал Майскому: "...Из книг, согласно Вашего пожелания, вначале послал Владимирцова "Общественный строй монголов". Потом из Иркутска получил книгу Н.Н.Козьмина "К вопросу о турецко-монгольском феодализме". Дополнил еще интересной книгой о Туве Р.М.Кабо "Очерки истории и экономики Тувы". Потом по получении из Астрахани послал книгу Пальмова "Этюды по истории приволжских калмыков"... Все книги посылал через Василия Федоровича, надеюсь, что Вы их получили своевременно... Когда можно ожидать Вашу книгу о Монголии?" (Архив Бурдукова).

№ 10.

[1].По заказу Монгольского центрального кооператива Бурдуков в 1929-1930 гг. составил "Разговорник монгольского языка" (10 п.л.) и "Русско-монгольский словарь разговорного языка" (16,5 п.л.), они были изданы ЛВИ в 1935 г. Майский прислал Бурдукову калмыцко-немецкий словарь Г.И.Рамстедта, известного финского монголоведа, в 1936 г. со своей дарственной надписью. 16 июня 1936 г. Бурдуков писал Майскому: "От всей души благодарю Вас за эту ценную для нас с дочерью (Таисией Алексеевной — Е.Д.) книгу. Нам как калмыковедам и монголоведам она нужна повседневно, тем более, что мы занимаемся составлением словарей". В этом же письме он писал: "по словам А.Д.Каллиникова Вам нужен для просмотра журнал "Современная Монголия" за 1934-1935 гг., который он Вам послать не может и об этом сообщил мне. Летние месяцы я буду занят другими делами, поэтому посылаю Вам на лето свой экземпляр (который, очевидно, единственный в Ленинграде полный), переплетенный в одну книгу, за 1934 г. В экземпляре за 1935 г. почта потеряла один номер, ищу его усиленно, вероятно, найду у кого-нибудь и пошлю на днях полный экземпляр за 1935 г. и первые номера за 1936 г." В письме от 24 окт. 1937 г. Бурдуков спрашивал

Майского: "Вы свою книгу, очевидно, продолжаете дополнять? Когда же все-таки сделаете ее всеобщим достоянием?" (Архив Бурдукова). Майский в 1930-х-1940-х гг. был занят ответственнейшей дипломатической работой. Второе переработанное издание книги Майского "Монголия накануне революции" появилось в 1959 г. В упомянутом письме, написанном по просьбе А.Д.Каллиникова, бывшего помощника Майского в монгольской экспедиции, жившего вместе с ним на заимке Бурдукова, а в 30-х гг. уже ставшего известным историком-монголоведом, Алексей Васильевич сообщал Майскому о тяжелой болезни и смерти Каллиникова 26 сентября 1937 г. (в литературе встречается ошибочная дата его смерти — 1940 г.).

[2]. Агния Александровна — жена И.М.Майского, по поручению ИМЭЛ собирала материалы о выдающихся эмигрантах, живших в Англии: К.Марксе, Ф.Энгельсе, В.И.Ленине, С.М.Степняке-Кравчинском и др. Умная, высоко образованная, общительная она оказывала большую помощь Майскому в необходимых неофициальных связях посла со многими государственными, общественными деятелями, представителями печати, науки, культуры, В своих "Воспоминаниях советского посла" Иван Михайлович писал: "Мне хочется здесь сказать спасибо моей жене, которая во многом облегчила мне выполнение моих обязанностей посла" и эту свою книгу он посвятил "моему лучшему другу и верному товарищу, моей жене Агнии Александровне Майской" [6, — кн.1. — ч.2. — С. 280; Кн.2, — С.134-140].

[3]. Какая книга Майского находилась тогда в печати нам установить не удалось.

Литература

1. Майский И.М. Монголия накануне революции. М., 1959.
2. Майский И.М. Мое знакомство с А.В.Бурдуковым // Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. — М., 1969, — С.22-25.
3. Бурдукова Т.А. А.В.Бурдуков (биография) // Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии, [2].
4. Даревская Е.М. Алексей Васильевич Бурдуков (о роли русских поселенцев в изучении Монголии) // Очерки по истории русского востоковедения. — М. 1963, — В.6.
5. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. — М. 1923.
6. Майский И.М. Воспоминания советского посла. — М. 1964. — Кн.1.
7. Волконский С.М. Мои воспоминания. — М., 1992. Т.1, 2.
8. Турков А. Дверь приоткрыта: входи! // Известия. — 1992. — 4 июня.
9. Даревская Е.М. Из жизни русской колонии в Монголии в годы гражданской войны // Тр. Иркутского университета. — 1970. — Т.59. — С.132.

Н.А.Симукова

Имя А.Д.Симукова возвращается в науку

Имя Андрея Дмитриевича Симукова, посвятившего жизнь исследованию Монголии и вложившего много сил в ее становление и развитие, стало легендой в этой стране, где он жил и работал практически безвыездно 16 лет (1923-1939 гг.).

Академик Р.Барсболд, выступая в Москве на заседании, посвященном 90-летию А.Д.Симукова, сказал: "Многие люди, с которыми встречался Андрей Дмитриевич, не читали его работ, но знали, что он живет их заботами, хочет добра их стране, поэтому и потомки их помнят о Симукове".

В то же время из монголоведческой литературы имя А.Д.Симукова — автора "Географического атласа Монгольской Народной Республики", настенной "Карты МНР", более 30 статей (см. список в конце статьи) — в конце 30-х годов надолго исчезло. Основная часть его научных трудов, подготовленных автором к печати, осталась неизданной и неизвестной широким кругам монголоведов или, во всяком случае, безымянной. Причина — "одна на всех": подобно многим из своего поколения в СССР и в Монголии, А.Д.Симуков был необоснованно репрессирован и погиб в сталинских лагерях.

Однако Монголия сохранила не только добрую память об А.Д.Симукове, но и уцелевшие после ареста его работы, которые вошли в рукописный фонд Научно-исследовательского Комитета (НИК), а в настоящее время хранятся в архивах главным образом Института географии и мерзлотоведения (ИГИМ) Академии наук Монголии.

По оценкам специалистов приоритетность исследований А.Д.Симукова, их объем, широта диапазона и глубина проработки затронутых проблем свидетельствуют о том, что А.Д.Симуков по праву может считаться одним из основоположников монголоведения в широком понимании этого термина.

В 1990—1992 гг. совместными усилиями Академий наук Монголии и России при активном содействии Российской и Международной ассоциаций монголоведов начато возвращение в науку имени А.Д.Симукова. На мемориальном заседании в Москве, посвященном 90-летию А.Д.Симукова, и на VI Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе, где был представлен доклад о его работах [1], видные ученые России и Монголии высоко оценили научную значимость трудов А.Д.Симукова, подчеркнули их непреходящую ценность и необходимость издания.

Андрей Дмитриевич Симуков родился 29 (16) апреля 1902 года в Петербурге. Его отец — Дмитрий Андреевич Симуков, сын крестьянина, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, служил в Министерстве финансов. Мать — Наталья Яковлевна (урожденная Миллер) была дочерью известного петербургского врача, после окончания Бестужевских курсов преподавала языки. В семье было трое детей, Андрей — старший.

Любовь к природе и умение разбираться в ней привил Андрею отец во время долгих прогулок в окрестностях Петербурга и на даче в Суйде. Он же подарил 8-летнему сыну первую книгу П.К.Козлова.

В семье и классической гимназии Андрей получил хорошее образование. Он свободно владел тремя европейскими языками, знал два древних, брал уроки музыки, рисования.

А к жизни путешественника готовился самостоятельно и весьма деятельно. В 12 лет освоил простейшую планшетную съемку, знал все виды птиц окрестностей Петрограда, писал "географические обзоры" дачной местности в рукописный журнал "Общества любителей естествознания", которое основал с друзьями. Чтобы закалить себя физически и приучить к походной жизни, Андрей занялся спортом, вступил в отряд бойскаутов (привлекли благородные мотивы устава), ездил с ними на полевые работы на Украину летом 1917 (!) года.

Еще одна немаловажная для будущего деталь — Андрей приучил себя вести дневник. Непостижимым образом, пройдя через революции, мировые войны, эвакуации и бог знает, что еще, две тетради дневника (1916-1919 гг.) сохранились и донесли до нас удивительный процесс созревания души человеческой среди событий, казалось бы совершенно для этого непригодных, а заодно и сами драматические события нашей истории, увиденные глазами гимназиста. В том же дневнике тщательно выполненные карты континентов и стран, выразительные зарисовки деревни и лагеря скаутов, первые литературные опыты.

В 1918 году семья Симуковых уехала из Петрограда вслед за Министерством финансов в Нижний Новгород, но вскоре перебралась на родину Дмитрия

Андреевича в деревню Сигеевку (теперешней Брянской области). Отец служил некоторое время в Москве, но вскоре тяжело заболел. Мать учительствовала в сельской школе. 16-летний Андрей занялся крестьянским трудом — пахал, сеял, косил — кормил семью. Здесь он познакомился со своей будущей женой и спутницей в путешествиях — Милей Алексеенко.

В конце 1920 года, когда брат и сестра подросли, Андрей "в лаптях и с пудом муки за плечами" отправился в Москву. Голодной зимой 20-21 гг. он учится на высших авто-технических курсах, в следующем году поступает в Механико-электротехнический институт. Чтобы прокормиться, работает ночным сторожем, дает уроки. А каждое лето — снова деревенская страда.

В начале 1923 года, узнав о лекции П.К.Козлова и наборе сотрудников в новую экспедицию, Андрей немедленно подает заявление. Из нескольких сот желающих Петр Кузьмич выбрал троих. Среди них был Андрей Симуков. Возможно, некоторую роль здесь сыграло и то обстоятельство, что П.К.Козлов хорошо помнил по прежним экспедициям Александра Яковлевича Миллера — Генерального консула российской Империи в Монголии времен автономии, приходившегося Андрею родным дядей.

Участие А.Д.Симукова в экспедиции П.К.Козлова и основные научные результаты его работы в Монголии в качестве сотрудника, а затем заведующего Географическим отделением НИКа вплоть до 1936 года достаточно полно освещены в двух публикуемых здесь работах А.Д.Симукова.

Представляется целесообразным дополнить, насколько это возможно, краткий биографический очерк некоторыми фактами, не вошедшими в указанные публикации, в том числе и сведениями о работе А.Д.Симукова в Монголии после 1936 года.

После завершения экспедиции П.К.Козлова осенью 1926 года А.Д.Симуков, получив предложение работать в НИКе, на короткий срок едет в Союз. Это — его единственный "отпуск" за 16 лет работы в Монголии.

К январю 1927 года Андрей Дмитриевич снова в Улан-Баторе, а в марте уже ведет раскопки двух новых курганов Ноян улы, в одном из которых была найдена им чашечка с китайской надписью, позволившей датировать погребения.

Весной 1927 года к Андрею Дмитриевичу приехала жена — Мелания Алексеевна, которая прошла с ним по Монголии тысячи километров, работая в экспедициях ботаником-коллектором и фотографом.

И потекла жизнь, ставшая, казалось бы, исполнением мечты. Невероятно интересная, трудная, порой опасная и бесконечно любимая работа. Семья, радость отцовства — сына назвали Алтаем. Общение с друзьями — Б.Ринченом, С.А.Кондратьевым, семьей доктора П.Н.Шастина. Частенько по вечерам заглядывал Д.Нацагдорж, стихи которого Андрей Дмитриевич очень любил. В скромном жилище Симуковых во дворе Учкома (НИКа) начиналось знакомство с Монголией многих ученых и специалистов из Союза. И, конечно, двери его дома были всегда открыты для друзей из худона, где А.Д.Симуков повсюду был своим человеком. Его приглашали на свадьбы, семейные праздники и даже дали монгольское имя — Шар-Дамдинсурэн или Ондор-Дамдинсурэн.

Большую роль здесь сыграло то, что Андрей Дмитриевич в совершенстве владел языком и письменностью, чтил обычаи, любил монгольские песни и хорошую шутку, обладал спокойным, добрым и открытым характером. Главное же заключалось в том, что он любил Монголию, жил одной жизнью с ее народом, хорошо знал его радости, горести и заботы и всегда стремился помочь не только советом, но и делом.

В трудном для Монголии 1931 году горе обрушилось и на семью Симуковых — от скарлатины умер трехлетний Алтай.

Боясь потерять родившуюся через два года дочь, А.Д.Симуков, в 1934 году отправил семью в Союз и собирался, закончив неотложные дела, последовать за ней. Он считал необходимым пополнить в Союзе теоретическое образование в области экономической географии и издать накопленные научные работы, после чего хотел вернуться к исследованию Монголии, а может быть, и Центральной Азии в целом.

Было только начало 30-х годов, люди еще строили планы, и трудности того периода еще не могли прервать работу, которая не отпускала.

В типографии клубы им.Ленина в Улан-Баторе печатается тираж "Географического атласа МНР", составленный А.Д.Симуковым на русском и монгольском языках. А.Д.Симуков заканчивает капитальный труд "Географический очерк Монгольской Народной Республики" и его краткий вариант (учебник), переводит обе работы на монгольский язык.

Наконец, к 1936 году А.Д.Симуков обработал и подготовил к печати большинство своих трудов. Список важнейших приведен в публикуемой здесь статье "Итоги работы Географического отделения Научно-Исследовательского Комитета за 15 лет". К ним следует добавить ряд крупных картографических работ, перечисленных в неопубликованном отчете А.Д.Симукова за 1936 год: настенная "Карта Монгольской Народной Республики" [2], "Карта монастырей МНР", "Сельскохозяйственная карта МНР", "Съемка района Цаган-Богдо", "Общая карта Западной Гоби".

Значительная часть работ А.Д.Симукова хранится в Монголии и сейчас. Не обнаружены в архивах (1992г.) монографии "Географический очерк Гобийской окраины МНР", "География Центрального Хангая", дневник экспедиции 1927 года и все неопубликованные картографические работы А.Д.Симукова.

В 1936 году к 15-летию монгольской народной революции правительство МНР вручило ордена группе сотрудников НИКа. Труд А.Д.Симукова был отмечен орденом "Полярная Звезда".

Но работа не иссякла, планов и обязательств масса, а замены по-прежнему нет. В 1936-1938 гг. А.Д.Симуков проводит две экспедиции в область Цаган-Богдо, одну — по Гоби и Хангаю и, наконец, большую почти пятимесячную экспедицию по западным аймакам, исследовавшую хозяйство, быт и культуру всех национальностей запада Монголии.

Здесь уместно упомянуть, что многолетними экспедициями А.Д.Симукова были собраны для Государственного музея Монголии ценные коллекции этнографических и археологических материалов, флоры и фауны, образцы полезных ископаемых и палеонтологических экспонатов. Зарегистрировано и нанесено на карту большое количество исторических памятников. Накоплен богатейший фотоматериал. В экспедициях в Цаган-Богдо и по западным аймакам принимали участие кинооператоры Монголкино, а в последней — и художник Померанцев.

Следует особо отметить, что А.Д.Симуков не только изучал Монголию. Он жил в стране, знал "изнутри" ее проблемы и работал для ее блага. Среди его неопубликованных работ можно выделить обширный блок разнообразных по тематике материалов, отражающих деятельное участие А.Д.Симукова в практическом строительстве Монголии. Среди них "Доклад Экономсовету МНР о выборе нового центра Южно-Гобийского аймака", "Сельскохозяйственное и экономичес-

.Д.Симуков во время его работы в Монголии в Монгольском ученом комитете (фотография из семейного архива Симуковых).

А.Д.Симуков в период его работы в Монголии (фотография из семейного архива Симуковых).

..Д.Симуков (в центре) во время экспедиции Монгольского Ученого комитета (фотография из семейного архива Симуковых)

кое районирование МНР", "Заметки о положении на периферии МНР в 1931 году", Заметки о возможностях водного транспорта МНР" и много другое. В этих работах на основе детального изучения природных условий и социально-экономических характеристик страны А.Д.Симуков дал ряд практических рекомендаций по рациональному природопользованию и развитию экономики Монголии.

При активном участии А.Д.Симукова в середине 30-х годов при НИКе были организованы курсы для подготовки специалистов, где Андрей Дмитриевич читал географию на монгольском языке. Академик Б.Лувсанданзан, слушавший эти лекции, вспоминал, как поражало слушателей то, что русский педагог поправляет их произношение и правописание географических названий и терминов. Судя по письмам и архивным данным, А.Д.Симуков собрал обширный материал для создания "Географического словаря-энциклопедии". Готовил он материалы и для толкового словаря.

А работать все труднее. К середине 30-х годов обстановка в Монголии (как и в Союзе) делается все более тревожной и тяжелой. Исчезают друзья. Арестован Б.Ринчен. Взяли Д.Нацагдоржа. В газетах бесконечные процессы над "врагами народа".

Но природа человеческая неистребимо стремится к равновесию, и в 1937 году в Улан-Баторе родилась вторая дочь А.Д.Симукова — Доржпалам, о которой ее сестра узнает только через тридцать с лишним лет. Пройдут годы, и сын Жоржпалам — С.Зориг возглавит молодое демократическое движение Монголии. Но это — уже другая история. А нам придется вернуться в конец 30-х годов.

Лето 1939 года — события на Халхин-голе.

А.Д.Симуков — Н.Я.Симуковой
(2.08.39 г., Улан-Батор).

"Податель этой записки — мой старый приятель Гочо, председатель одной из первых в МНР Сельхозартелей, "заочным" членом которой состою и я... С моим отъездом пока не вышло, и вы все, вероятно, понимаете, почему. Трудно сказать, когда изменится положение. Через 3-4 дня я уеду дней на 20 в Хангай, затем приеду в Уланбатор и попытаюсь отдохнуть, так как чувствую себя очень усталым, а в сентябре придется съездить еще раз в Гоби. После этого, может быть, будет что-нибудь видно и с отъездом... виделся с писателями Славиным, Лапиным и Хацревиным..."

После ареста Б.Ринчена Андрей Дмитриевич не оставил в беде его семью, частенько навещал Радну с детьми. В 60-х годах Ринчен-гуай разыскал в Москве семью А.Д.Симукова.

Б.Ринчен — М.А.Симуковой
(16.-5.72 г., Улан-Батор).

"...Радна вспоминала в день рождения Андрея, как он заходил к нам в последний раз поздно вечером перед выездом в степь, но в ту же ночь он уже был там, откуда только немногие смогли вернуться."

А.Д.Симуков был арестован в Улан-Баторе 19 сентября 1939 года особым отделом НКВД армейской группы войск. Ему было предъявлено обвинение по ст.58-1 п."а" УК РСФСР (шпионаж в пользу иностранного государства). Виновным себя ни в чем не признал. "Прямых доказательств его преступной деятельности не добыто". 22 апреля 1940 года А.Д.Симуков направлен спецконвоем из Улан-Батора в тюрьму г.Улан-Удэ. 4 января 1941 г. заочно осужден особым совещанием НКВД на 8 лет лагерей по ст.58 п.10 и п.11 УК РСФСР (антисоветская агитация и участие в антисоветской организации). Данные сообщены Управлением КГБ СССР по Читинской области в ответ на запрос зав. отделом этнографии народов Зарубежной Азии Института этнографии АН СССР А.М.Решетова в 1990 году.

В начале февраля 1941 года А.Д.Симуков был этапирован через Новосибирск и Архангельск в Печорский лагерь Коми АССР. Продолжительность этапа — три с половиной месяца. По официальным данным А.Д.Симуков скончался в Печорском лагере 15 апреля 1942 года "от паралича сердца".

В декабре 1956 года Андрей Дмитриевич Симуков был полностью реабилитирован "за отсутствием состава преступления".

Предлагаемые ниже фрагменты из "Доклада о 12-ти летней работе в МНР и ее результатах", ранее не публиковавшегося, статья "Итоги работы Географического отделения Научно-Исследовательского Комитета за 15 лет" (Соверменная Монголия, 1936 г. № 4(17)-5(18), с.67-86), ставшая библиографической редкостью, и список опубликованных работ на русском языке А.Д.Симукова дают общее представление об основных научных результатах его деятельности в Монголии.

Литература

1. Н.А.Симукова, А.Д.Симуков: вклад в монголоведение, неизвестные труды. // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август, 1992). Доклады российской делегации, 1.—Москва.—1992.—С.185-191).

Список опубликованных работ А.Д.Симукова (на русском языке)

1. А.Симуков. Очерк работы Гобийской партии Ученого Комитета М.Н.Р. Июль — ноябрь 1927 г. // Хозяйство Монголии. — 1928. —№1(80). — С.86-99.
2. А.Д.Симуков. Очерки природы и быта Кентэя. // Хозяйство Монголии, 1928 — №2(9) — С.93-103.

А.Д.Симуков. Очерки природы и быта. II. Гобийский Алтай и Центральная Гоби. // Хозяйство Монголии. — 1928 — №3(10) — С.79-92.

1929 г.

4. А.Д.Симуков. Хангайская Экспедиция Ученого Комитета М.Н.Р. в 1928 г. (Путевые впечатления). // Хозяйство Монголии. — 1929. — №1(14). — С.78-96.
5. А.Д.Симуков. О кочевках и пастбищах Монголии. // Хозяйство Монголии, 1929. — № 2(15). — С.5-24.
6. А.Д.Симуков. Маршрут Улан-Батор — Удэ — Байшинту (Гурбан-Сайхан) — Улан-Батор. // Хозяйство Монголии, 1929. — № 4(17). — С.72-83.
7. А.Д.Симуков. Роль СССР в деле исследования Монголии. // Хозяйство Монголии, 1929. — № 5(18). — С.43-52.

1930 г.

8. Е.А.Стулов и А.Д.Симуков. К вопросу о районировании Монгольской Народной Республики. // Хозяйство Монголии, 1930. — № 2(20). — С.51-75.

1931 г.

9. А.Д.Симуков. Скотоводство Монгольской Народной Республики в связи с географическими ландшафтами страны. // Хозяйство Монголии. — 1931. — № 1(25). — С.57-75.
10. А.Д.Симуков. Количественное соотношение социальных групп худонского аратства и видовой состав аратского стада. // Хозяйство Монголии. — 1931. — № 2(26). — С.18-26.

1933 г.

11. А.Симуков. Географическое положение МНР. // Современная Монголия. — 1933. — № 1. — С.32-36.
12. А.Симуков. Пища и жилище монголов. // Современная Монголия. — 1933. — № 2. — С.42-49.
13. А.Симуков. Хотоны. // Современная Монголия. — 1933. № 3. — С.19-32.

1934 г.

14. А.Д.Симуков. Географический атлас Монгольской Народной Республики. Издание Клуба им.Ленина, Монголия, Улан-Батор, 1934 г.
15. А.Симуков. Арахангайский аймаг. // Современная Монголия. — 1934. — № 2(5). — С.87-96.
16. А.Симуков. Монгольские кочевки. // Современная Монголия. — 1934. № 4(7). — С.40-47.

1935 г.

17. А.Д.Симуков. Южно-Гобийский аймаг. // Современная Монголия. — 1935. — № 1(18). — С.114-123.
18. А.Симуков. Пастбища Монгольской Народной Республики. // Современная Монголия. — 1935. № 2(9). — С.76-89.
19. А.Д.Симуков. Материалы по кочевому быту населения МНР. I. Кочевки и хотоны Гурбан-Сайханского района Южно-Гобийского аймага МНР. // Современная Монголия. — 1935. — № 6(13). — С.89-104.

1936 г.

20. А.Симуков. Материалы по кочевому быту населения МНР. Кочевки Убур-Хангайского аймага МНР. // Современная Монголия. — 1936. — № 2(15). — С.49-56.
21. А.Симуков. Итоги работы Географического отделения Научно-исследовательского Комитета МНР за 15 лет. // Современная Монголия. — 1936. — № 4(17). — № 5(18). — С.67-86.

1937 г.

22. П.И.Воробьев, А.Д.Симуков. Экспедиция в Цаган-Богдо. // Современная Монголия. — 1937. — №4(23). — С.85-92.
23. П.И.Воробьев, А.Д.Симуков. Экспедиция в Цаган-Богдо. (Окончание). // Современная Монголия. — 1937. — № 5(24). — С.85-94.
24. А.Симуков. По пустыням Западной Гоби. (Записки исследователя). // Современная Монголия. — 1937. — № 6(25). — С.44-57.
25. А.Д.Симуков. Карта Монгольской Народной Республики. — Улан-Батор: Монголпресс. — 1937;

1938 г.

26. А.Симуков. По пустыням Западной Гоби. // Современная Монголия. — 1938. — № 1(26). — С.31-43.
27. А.Симуков. Путевые заметки по Хангаю и Гоби зимой 1937 года. // Современная Монголия. — 1938. — № 2(27). — С.69-75.
23. А.Симуков. Пустыня Гоби (географический очерк). // Современная Монголия. — 1938. — № 3(28). — С.91-106.

А.Симуков

Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и ее результатах

Введение

1. Интерес к географии и естественным наукам (ботаника, зоология) появился у меня с весьма раннего возраста (8-9 лет). Примерно с того же времени меня стала интересовать Центральная Азия, и я начал читать путешествия Н.М.Пржевальского, П.К.Козлова, С.Гедина и других, знакомясь с природой и географией Монголии, Тибета и Синьцзяна. Однако обстоятельства разного рода временно отклонили мой жизненный путь в другую сторону, и до 1923 года я отложил мысли о научно-исследовательской деятельности географа, как нечто несбыточное.

2. Тем не менее, получив сведения о том, что П.К.Козлов собирается в новую экспедицию, я приложил все старания к тому, чтобы быть зачисленным в ее сотрудники, что мне и удалось.

26 сентября 1923 года в составе экспедиции Русского Географического Общества под начальством П.К.Козлова, снаряженной по почину и на средства Совета Народных Комиссаров СССР, я перешел впервые границу Монгольской Народной Республики. В первые же месяцы пребывания в Уланбаторе я счет необходимым ознакомиться, насколько возможно, с монгольским языком, считая знание последнего непременнейшим условием успешной работы в Монголии. Несмотря на неблагоприятные условия, задачу первоначального ознакомления с языком я выполнил и мог самостоятельно объясняться с местным населением. Дальнейшее сделала практика.

3. Специальной подготовки к научно-исследовательской работе по географии и другим отраслям науки, стоявшим в программе экспедиции, я не имел, так как, закончив среднюю школу, уехал в экспедицию с неоконченным высшим образованием (два курса технического вуза).

В экспедиции П.К.Козлова, руководствуясь литературой и указаниями старших товарищей, мне пришлось выполнять самую разнообразную работу: археолога, ботаника, зоолога, топографа, метеоролога и географа. В каждой из этих отраслей я получил необходимую первоначальную ориентировку, дополняя ее впоследствии чтением литературы.

1) Так, я с начала и до конца активно участвовал в Ноян-ульских археологических раскопках и получил известное представление о технике археологии.

2). По ботанике я вел фенологические записи, усвоил технику сбора гербария и научился разбираться в общем характере растительного покрова.

3) По зоологии я также вел фенологические записи, освоил технику сбора зоологических коллекций от насекомых до крупных млекопитающих, хорошо ознакомился с фауной страны и вел самостоятельные биологические наблюдения.

4) В отношении топографии я полностью овладел буссольной глазомерной съемкой и принципами барометрической нивелировки.

5) По метеорологии я самостоятельно работал в течение трех месяцев на станции второго разряда.

6) Наконец, в отношении географии мне приходилось выполнять самостоятельные задания по географическому исследованию отдельных районов и составлять их описания.

Кроме этих специальных познаний весьма важным для последующей деятельности было освоение технических навыков путешествия: уменья обращаться с лошадью и верблюдом, длительных пешеходных экскурсий, техники вьючки верблюдов и каравановождения, походной укладки экспедиционного снаряжения и техники похода и походной жизни вообще, уменья обращаться с оружием, добывать себе пропитание охотой и т.д.

После полутора года жизни в лесах Хэнтэя и года странствий по Гоби, где мы доходили до Эцзин гола, я очень хорошо освоился с природой Монголии, ее климатом, закалился и стал умелым наблюдателем этой природы и охотником, выработав в себе выносливость, уменье ориентироваться и быть находчивым в тяжелые моменты и смелость.

Самым же главным было близкое знакомство с худонским населением, с которым я всегда поддерживал самые тесные, дружеские отношения.

4. Таким образом, первые три года, проведенные мною в Монголии в составе экспедиции П.К.Козлова, явились в той или иной степени подготовительными для дальнейшей, уже самостоятельной работы. Я узнал страну, ее население и язык, и жизнь последнего и получил ряд навыков в научно-исследовательской работе.

От этого периода у меня остались: географического характера "Отчет в экскурсии по Юго-западному Хэнтэю", биологичекий очерк "Монгольские горный баран и горный козел" и ряд заметок биологически-фенологического характера.

Вместе с тем необходимо отметить, что П.К.Козлов, будучи непосредственным учеником Н.М.Пржевальского, являлся целиком представителем старой школы путешественников, т.е. мало интересовался

хозяйственным строительством молодой Монгольской Республики, не строил свою работу в соответствии с ее насущными запросами и не мог поэтому оказать практической помощи в этом строительстве. С этой точки зрения я не получил в его экспедиции почти никакой подготовки, и впоследствии мне уже самому пришлось перестраивать свою работу в соответствии с указанными вопросами.

Работа в Научно-исследовательском Комитете МНР

5. Оченью 1926 года экспедиция П.К.Козлова закончила свои работы. Я получил предложение от ученого секретаря НИКа Ц.Ж.Жамцарано, остаться в Монголии для работы в этом учреждении, куда и был зачислен с 1-го января 1927 года.

Моя работа в качестве сотрудника Научно-исследовательского Комитета МНР разбивается по своему характеру на три связанных между собою отрасли: 1) работа учрежденческого характера, 2) экспедиционные исследования, 3) научная обработка собранных материалов.

6. Работа учрежденческого характера была крайне разнообразной и, особенно в первые годы, занимала все время, свободное от летней экспедиционной деятельности.

Вначале я заведовал Гос.музеем и картографическим кабинетом. Музей только что переехал в новое помещение — б.дворец Богда — и я должен был подготовить его к открытию, что и выполнил к лету того же года. В заведовании этими двумя отделами НИКа прошло три года. В 1930 году, в связи с отъездом сотрудника НИКа С.А.Кондратьева, мне пришлось еще взять на себя заведование метеорологическим бюро и фототекой, причем только в конце 1930 и в начале 1931 г. меня освободили от некоторых из этих обязанностей (Музей, метеорологическое бюро). Необходимо указать, что во время левого загиба (1929, 1930 и 1931 годы) в практике учрежденской работы было необыкновенное количество междуведомственных заседаний, на которых я должен был присутствовать в качестве представителя НИКа и лица, хорошо знакомого со страной. Кроме того в тот же период я являлся своего рода "ходячей энциклопедией" по Монголии и давал бесконечные справки различным лицам и учреждениям по самым разнообразным вопросам монгольских природы и быта.

Серьезной работой учрежденского характера за этот период было самое близкое участие в новом районировании страны, когда на мне лежала обработка всего фактического материала, прибывающего с мест, и подготовка такого к изданию закона о новом районировании.

Лишь начиная с зимы 1931-1932 года я мог в той или иной степени более серьезно заняться обработкой собранных, как во время экспедиций, так и в Уланбаторе, материалов и постепенно отойти от малопродуктивной в моей специальности учрежденческой работы.

7. Экспедиционные исследования велись мною в порядке преимущественно самостоятельных экспедиций в течение 1927, 28, 29, 30, 31, 32, 33 и 35 годов. Всего за эти годы мною было совершено 10 больших экспедиций и 7 мелких поездок и экскурсий, занявших в общей сложности около 33 месяцев, а с подготовкой и снаряжением этих экспедиций и поездок — 48 месяцев или 4 полных года, т.е. около 44% всего времени моей работы в НИКе.

Результаты:

Общее познание страны

первая подробная география с хозяйством

первый географический атлас

первый экономический атлас

первая карта растительности (пастбищ) с их разбором (помощь Баранова).

Специальные работы

Гоби. Ссылка на причины особого интереса к Гоби. Карта Гоби до меня и теперь. Первая детальная географическая сводка. Корма. Трехлетнее изучение на базе опыта. 300 площадок. Результаты этого изучения. Первая детальная классификация пастбищ, связь их с ландшафтом, производительность.

Дальнейшие этапы работы.

Вопрос о кочевках вообще. Отсутствие материалов в старой школе. Разрозненность и разнобой новых материалов. Их несерьезность.

Первая классификация кочевок. Мой массовый метод. Пробный участок в Гурбан Сайхане (650 хозяйств). Результаты. (Первый же документальный, цифровой материал).

Эмпирическое обследование Убур Хангая. Результаты (феод.наследство).

Хотоны вообще. Новизна самого вопроса. Хотоны в Гоби.

Хангай. Просвет в отношении внимания к Хангаю.

География. Пастбища. Кочевки. Хотоны. Результаты.

Резюме. Таким образом:

1. Первый подробный общий обзор страны
2. Первое исследование пастбищного вопроса
3. Первое исследование кочевок
4. Первое исследование хотонов

Трилогии по Гоби и Хангаю.

(тетра- ?)

Законченность рекогносцировочных исследований.

[Публикация Н.А.Симуковой]

А.Симуков

Итоги работы Географического отделения Научно-Исследовательского Комитета МНР за 15 лет*

В дореволюционный период русский империализм, подготовлявший захват Монголии и превращение ее в колонию, уделял делу исследования этой страны довольно много внимания. Различного типа путешественники проложили ряд маршрутов в различных частях современной МНР и написали большое количество книг. Однако результаты всей этой работы не соответствуют кажущемуся обилию дореволюционного материала по Монголии. Полного, связного представления о стране по этому материалу составить нельзя. Это несоответствие объясняется, во-первых, полной бесплановостью работы, затем нередко случайным составом исследователей и, главное, незаинтересованностью в развитии хозяйства и культуры страны и презрительным, характерным для империалистов-колонизаторов, отношением к монгольскому народу.

Весь или почти весь старый материал по географии Монголии отрывочен и дает представление о случайных маршрутах, отдельных участках страны, освещенных вдобавок очень неравноценно. На ряду с серьезными детальными описаниями, нередок материал крайне поверхностный и не всегда верный. Из серьезных исследователей дореволюционной эпохи необходимо упомянуть Пржевальского, Потанина, Позднеева, Грум-Гржимайло, Козлова, Певцова, Рафаилова, Сапожникова.

Монгольская революция обусловила небывалый подъем национальной культуры и хозяйства страны. Возник Научно-Исследовательский Комитет, возглавивший исследовательскую работу в пределах МНР. Эта работа в послереволюционный период имеет, разумеется, совершенно иной характер, ибо основная ее цель — всемерная помощь развитию народного хозяйства и национальной культуры молодой республики. И то и другое невозможно без знания страны, а поэтому географическим исследованиям НИК'ом было уделено должное внимание.

Первым шагом по изучению географии страны было собирание всех старых материалов, выполненное организованными одновременно с НИК'ом его библиотекой (европейская часть) и картографическим кабинетом. Систематические же полевые географические исследования начались несколько позже, с 1923 года.

Первой задачей, носившей еще внеплановый характер, было рекогносцировочное исследование южной пограничной полосы республики, выполненное в 1923 и 1924 годах. В дальнейшем, с 1926 года, исследования приняли плановый характер, чем и было положено начало Географическому отделению НИК'а.

Этим отделением было предпринято планомерное изучение Хэнтэйской горной страны, выполненное в течение 1926, 1927 и весны 1928 годов. Второй задачей было исследование Хангайской горной страны во время большой экспедиции 1928 года.

Третьей большой плановой задачей было изучение малоисследованной гобийской окраины МНР, начатое еще в 1923-24 годах, но в основном выполненное в 1927, 1930, 1932 и 1935 годах.

Кроме того, для возможно более широкого ознакомления со страной, было совершено много мелких поездок — на восток, в Хэнтэйскую горную страну и в Хангай. Кроме того, в 1933 году отделением была выполнена экспедиция в Хангай с целью изучения кочевок и хотонов.

Если сравнить сумму географических познаний о Монголии к моменту революции с таковой в настоящее время, то окажется, что плановая работа географического отделения НИК'а в течение всего 10 лет (с 1926 г.), проведенная на базе конкретных потребностей бурно растущей страны и в теснейшем контакте с ее руководителями и самим населением и при их каждодневной помощи, сделала для географии МНР больше, нежели было сделано за столетний период исследований, проводившихся под знаком империалистического захвата.

Таким образом, силами НИК'а за указанный период были в основном изучены:

1) Хэнтэйская горная страна.
2) Хангайская горная страна.
3) Вся Гобийская треть МНР.

Если принять во внимание, что западная окраина республики (современные Убсунурский и Хобдосский аймаги) была довольно хорошо освещена еще до революции, а характер восточной окраины был выяснен поездками 1925 г. и 1930 г., то во всяком случае первоначальное общее ознакомление со страной можно считать в основном выполненным. Остается доработка деталей.

Таковы в самой общей форме результаты полевой географической работы НИК'а.

Третьим этапом работы географического отделения Комитета была обработка материалов полевых

*Текст по изданию: Современная Монголия. — 1936. — № 4(17). — 5(18). — С.67-66.

исследований, освоение их и синтез всей суммы приобретенных познаний в единую систему.

Предпосылками синтеза географических материалов по МНР были:

1) Освоение и критический разбор дореволюционных материалов, включая монгольскую картографию.

2) Систематизация материалов полевых исследований НИК'а.

3) Выборка географического материала из работ специальных экспедиций Академии Наук СССР и НИК'а МНР, а также разных других.

4) Постоянный в течение девяти лет сбор расспросных сведений среди арат в результате теснейшего с ними общения.

5) Освоение и критический разбор всех этих материалов.

В результате всей этой работы Географическим отделением НИК'а даны и подготовлены следующие труды:

1) "Географический очерк Монгольской Народной Республики" (около 25 печ. листов, готовится к печати).

2) "Географический атлас МНР" (издан).

3) "Экономический атлас МНР" (готовится к печати).

Эти работы имеют общий характер и рассчитаны на широкие читательские круги. Специальными же трудами являются:

4) "Гобийская окраина МНР" (географическая монография).

5) "Центральный Хангай" (того же характера).

Как видно из вышеизложенного, все эти работы являются первыми в своем роде. Как ни странно, такая необходимая работа, как хотя бы самая популярная география Монголии, никем до настоящего времени составлена не была. Исключением является только школьная география МНР на монгольском языке, составленная вскоре после революции Ц.Жамцарано на основе дореволюционных материалов, очень краткая, схематичная и не везде точная.

На смену ей Географическим отделением НИК'а составлена другая, представляющая собой переработку для школы указанного выше "Географического очерка МНР".

Результаты синтеза географических познаний о Монголии, данные в "Географическом очерке МНР", выражаются следующим:

1. Дано единое, равноценное для всех частей страны, географическое ее описание без "белых пятен", на основе фактического материала. Основные черты рельефа, взаимоотношения его отдельных крупных элементов и т.д. —установлены и зафиксированы раз навсегда.

2. Определены климатические и растительные зоны, их вертикальная и горизонтальная смена и проведены их границы. В отношении растительности впервые выявлены основные комплексы, дано четкое их определение в отношении экологии и видового состава фоновых растений; составлена карта растительности для всей территории республики. В характеристику растительных комплексов введено, кроме того, элементарное определение почв, с которыми эти комплексы связаны.

3. Определены зональные комплексы фауны (преимущественно крупных млекопитающих) с выведением характерных для каждой зоны видов. Дано распространение всех крупных млекопитающих и важнейших промысловых животных вообще на всей территории республики.

4. Определены типичные для страны ландшафты, как комплексы указанных их элементов(рельеф, климат, растительность и почвы, фауна).

5. В результате изучения смены типичных ландашфтов на территории всей страны, явилась возможность провести обоснованное географическое районирование территории республики или деление ее на географические провинции, четко различающиеся между собой в отношении типичных ландшафтов. Это деление необходимо для последующего углубленного изучения страны. Кроме того оно имеет большое значение для изучения скотоводческого хозяйства МНР.

Приведем основные тезисы по затронутым в предыдущих пяти пунктах вопросам.

Территория МНР делится в основном на две растительно-климатические зоны: Северную, или Хангайскую и Южную, или Гобийскую. Первая занимает около 60, а вторая — около 40 процентов площади страны. Для хангайской зоны характерны: 1) годовые осадки в размере 200-300 мм, 2) каштановые почвы, 3) сухие злаковые и полынно-злаковые степи с широким распространением ковыля-волосатика (Stipa capillata); 4) из фауны показателями этой зоны являются тарабаган (сурок) и антилопа "цаган цзэрэ" (Antilope gutturisa), особенно первый.

Для гобийской зоны характерны: 1) вдвое меньшее количество осадков, очень неравномерно распределяющихся по годам (нередки засухи), 2) преимущественно бурые почвы (буроземы) с характерным щебневым панцирем, 3) пустынные степи двух видов: а) травянистые ковыльково-луковые (ковылек Stipa gobica, луки, мелкие полыни) и в) мелко- и крупнокустарниковые (солянки — в том числе анабазис, реомюрия, зигофиллумы и т.д. до саксаула); 4) из фауны показателями являются ящерицы (гл.обр. круглоголовка — Phrynocephalus) и антилопа "боро цзэрэ" или чжейран (Antilope subgutturosa). Сурок отсутствует полностью.

Гористый рельеф обусловливает локализацию указанных признаков на равнинных, слабо вогнутых и слабо выпуклых элементах рельефа и появление на горах вертикальных зон, к которым в хангайской зоне относятся субальпийская нагорная степь, хвойные леса (локализованные, как правило, на северных склонах гор и состоящие в основном из лиственницы), пояс альпийских лугов и высокогорной тундры, а на наиболее высоких гребнях и вершинах — вечные снега. В гобийской зоне в качестве элементов вертикальной зональности фигурируют нагорная степь, альпийский пояс и, изредка, вечный снег. Лес выпадает начисто.

Эти элементы вертикальной зональности, широко распространенные вследствие гористости страны, являются весьма положительными факторами для сельского хозяйства МНР, разнообразя пастбища и сохраняя (леса) влагу.

Основные растительные комплексы территории МНР сводятся к следующей схеме.

А. ХАНГАЙСКАЯ ЗОНА.

1. Сухая злаковая или полынно-злаковая степь (основной показатель — ковыль-волосатик).

2. Комплексная нагорная степь.

3. Приречные долинные луга и уремы (т.е. приречные кустарниковые и древесные заросли).

4. Дэрисуны (чии) и солянки замкнутых понижений.

5. Нагорные леса.

6. Лесные поляны, опушки и увалы.

7. Альпийские луга.

8. Высокогорная тундра.

Переходным между хангайской и гобийской зонами является комплекс:

9. Обедненная степь.

Б. ГОБИЙСКАЯ ЗОНА.

10. Травянистая пустынная степь (ковыльково-луковая).

11. Горный ее вариант.

12. Мелкокустарниковая пустынная степь.

13. Крупно-кустарниковая пустыня.

14. Тойримы.

15. Бугристые донные пески.

16. Вариант травянистой пустынной степи на закрепленных песках.

17. Багалуровый (анабазисовый) комплекс.

18. Солончаковые луга.
19. Дэрисуны.
20. Барханные пески.
21. Песчаная кустарниковая пустыня.
22. Саксаульники.
23. Юго-западные древесные оазисы.
24. Пустынный тар (Kalidium foliatum) запада.

Наиболее ценными в качестве пастбищ являются нагорная степь в Хангае и травянистая (ковыльково-луковая) пустынная степь — в Гоби.

Упростив приведенную схему растительных комплексов, мы получим следующую табличку характеризующую удельный их вес на территории республики в отношении занимаемой ими площади:

1. Альпийский пояс — 4,8%
2. Нагорные леса — 5,1%
3. Нагорная степь — 26,1%
4. Ковыльная степь — 20,9%
5. Обедненная степь — 10,6%
6. Травянистая пуст.степь — 21,4%
7. Кустарниковая " " — 10,0%
8. Крупные участки песков — 1,1%

В результате специальных исследований по пастбищам (см.ниже) для каждого комплекса имеются той или иной степени точности цифры его кормовой производительности.

Минуя фауну, остановимся на *географических провинциях* территории МНР. Их десять.

1. *Алтайская горная страна* занимает западную окраину МНР. Ее элементы — Алтайн нуру, хр. Сайлюген и Хобдоское нагорье. Это высокогорный район с суровым и несколько сухим климатом, богатый реками и озерами, с относительно бедным степным растительным покровом, где преобладают субальпийские и альпийские формы, и с соответствующей высокогорной, горно-степной и степной фауной.

2. Западная озерная котловина находится в западной части МНР между Алтайской горной страной на западе и Хангайской горной страной на востоке. Относительно невысокая, преимущественно равнинная и холмистая страна с резко выраженным континентальным сухим климатом. В растительном покрове преобладают обедненная степь и, главным образом, пустынная степь. На дне впадин, на которые разбивается эта котловина, располагаются большие озера-испарители р.Тэса и системы рек Хобдо-Цзабхан. Во многих местах Западной озерной котловины развиты пески. Фауна в основном пустынно-степная и степная.

3. *Хангайская горная страна.* Хангайская горная страна занимает западную часть центра северной половины территории МНР и состоит из собственно-Хангайского хребта с его отрогами и предгорьями и относящегося к системе Саян и Таннуулы так наз. Прихубсугулья. Это обширный гористый район с относительно (для Монголии) влажным и умеренным, а в высокогорных участках — суровым климатом, хорошим орошением, разнообразным растительным покровом, в котором преобладает комплекс нагорной степи и характерными являются небольшие островные леса (кроме больших лесных массивов Прихубсугулья), и смешанной лесной и степной (с наличием высокогорных видов) фауной.

4. *Хэнтэйская горная страна.* Эта географическая провинция занимает северо-восточную часть территории республики, гранича с Хангайской горной страной, Средне-халхаской возвышенностью и Восточно-Монгольской равниной.

Хэнтэйская горная страна имеет в центре, в качестве оси, Хэнтэйский хребет с его главнейшими двумя отрогами, причем по мере движения к периферии горы снижаются, расчленяются, давая правильную картину постепенного затухания рельефа в направлении главного хребта к окраинам и переходя далее в равнинные и холмистые пространства соседних географических провинций.

В целом эта страна характеризуется весьма пересеченным горным рельефом с обильными осадками, богатой речной сетью, таежно-лесной растительностью с участками высокогорного ландшафта и лесной фауной в центре и на севере, с постепенным затуханием рельефа и соответственно возрастающей континентальностью климата, заменой леса нагорной и ковыльной степью и лесной фауны — степной, по направлению к западной, южной и восточной окраинам этой провинции.

5. *Восточно-Монгольская равнина* занимает восточную окраину территории республики. Примыкая на западе к Хэнтэйской горной стране, на юго-западе Восточно-Монгольская равнина переходит в холмистые и равнинные пространства Средне-халхаской возвышенности и Центральной впадины.

Восточно-монгольская равнина есть слабо волнистый и холмистый район абс. высотой от 600 до 1200 м с редкими небольшими возвышенностями. Район этот характеризуется относительно сухим климатом, слабым развитием речной сети, однообразным растительным покровом — ковыльной степью, переходящей в южной половине средней части района в обедненную, и однообразной же, бедной видами фауной.

6. *Средне-халхаская возвышенность.* Эта географическая провинция примыкает на севере к Хэнтэйской горной стране, на востоке — к Восточно-монгольской равнине, на западе — к Хангайской горной стране и на юге — к Центральной впадине.

Средне-халхаская возвышенность характеризуется холмистым в основном рельефом с редкими невысокими горными кряжами и, на юге, небольшими равнинными включениями. Устойчивая средняя ее высота — 1300 м.

Кроме того, этот район характеризуется сравнительно сухим климатом, отсутствием речной сети (водоемы — ключи, мелкие озерки и колодцы), однообразной степной растительностью и бедной видами степной фауной.

7. *Центральная впадина.* Центральная впадина тянется узкой, слегка изогнутой к югу полосой более, чем на 1200 км, от Биггэр нура до Дариганги, огибая с юга Хангайскую горную страну и Средне-халхаскую возвышенность.

Эта географическая провинция представляет собой длинную и узкую цепь равнинных котловин с весьма сухим континентальным климатом, ничтожными водоемами (кроме южной озерной котловины с низовьями южно-хангайских рек и их озерами-испарителями), резко пустынно-степной растительностью и соответствующей же пустынной фауной.

Центральная впадина на всем своем протяжении является четкой северной границей типичной полупустыни, т.е. гобийских ландшафтов.

8. *Гобийский Алтай.* Под именем Гобийского Алтая подразумевается обширный район, состоящий из сгруппированных в цепи хребтов крайней юго-восточной части Алтайской горной системы и равнинных пространств между ними. Таким образом, область Гобийского Алтая представляет собой комбинацию равнинных долин-желобов, иначе — цепей плоских замкнутых котловин, с крутыми, скалистыми, четко выраженными хребтами. Кроме больших хребтов, на равнинах между местами есть небольшие хребтики и скопления холмов. Климат сух и континентален, значительные водоемы отсутствуют, растительность пустынно-степная с преобладанием травянистой пустынной степи и редкими пятнами нагорной степи и высокогорной флоры. Фауна пустынно-степная и горно-степная.

9. *Шанхайское нагорье.* Шанхайское нагорье примыкает на юге к Гобийскому Алтаю, на западе и севере — к Центральной впадине, а на востоке — к холмисто-равнинной Восточной Гоби. Это холмистый район со средней абс.

высотой в 1300 м, с менее сухим и резким климатом, чем соседние понижения Центральной впадины, с травянистой пустынной степью, малым количеством видов крупных млекопитающих и отсутствием значительных водоемов.

10. *Холмисто-равнинная Восточная Гоби.* Занимает окраинную юго-восточную часть территории республики, гранича на севере с Центральной впадиной, а на западе — с Шанхайским нагорьем.

Холмисто-равнинная Восточная Гоби представляет собой относительно невысокий холмистый район с большими равнинными включениями, с очень сухим и резко континентальным климатом, весьма незначительными естественными водоемами, наряду с преобладанием травянистой пустынной степи, широким развитием мелко- и крупно-кустарниковой пустыни и бедной крупными млекопитающими, мало разнообразной фауной.

Из всего вышесказанного видно, что задачу общего географического описания страны в его первом концентре следует считать выполненной.

Упомянутый выше труд "Географический очерк МНР" заключает в себе в целом три отдельные части. Физической географии посвящена первая часть. Вторая же содержит в себе материал о населении страны, его занятиях и культуре. В этой части впервые более или менее систематически поставлен вопрос о хотонах и кочевках населения МНР. Некоторые конкретные материалы по этому вопросу приводятся ниже.

Третья часть того же труда дает комплексные описания аймагов МНР, заключающие в себе как физические их черты, так и экономическую характеристику. В этой части Географическим отделением НИК'а впервые проделан опыт деления страны на мелкие экономические районы, числом около 50.

Экономическое описание одного аймага в целом не может дать особенностей отдельных его районов, иногда резко различных между собой. Посумунный же обзора был бы ненужно громоздким, так как иногда целая группа соседних друг другу сумунов является идентичной как по особенностям хозяйства, так и по физико-географической характеристике. Поэтому в процессе работы и появилась мысль о делении каждого аймага на вышеуказанные экономические районы. При их выделении были приняты во внимание; 1) видовая структура стада (как основной фактор выделения), 2) территориальная целостность, 3) географический ландшафт, 4) центры экономического тяготения и внутрирайонные пути сообщения, 5) в некоторых случаях — кочевки населения и ряд других факторов.

Опыт крупного экономического районирования был сделан ранее, при подготовке административного перерайонирования страны в 1930 году.

Как показала обработка различного статистического материала в разрезе экономических районов, подобная дифференциация вполне обеспечивает углубленный подход к экономике страны и может иметь большое практическое значение.

Впервые эти районы были выделены путем обработки статистических данных 1933 года.

В настоящее время в том же разрезе ведется обработка материалов 1935 года, так как именно на этом материале строится составляемый в данный момент "Экономический атлас МНР". В этом труде указанные экономические районы найдут свое полное отражение.

Программа атласа содержит в себе: 1) краткую характеристику физических условий МНР и политического ее положения на материке Азии, 2) характеристику растительного покрова, как основной базы экономики МНР, 3) необходимые сведения по населению (численность, плотность, размеры средней семьи, удельный вес ламства), 4) раздел по скотоводству, включая сюда схему кочевок, плотность колодцев, строительство хашанов и т.д., 5) раздел земледелия и охотничьего промысла, 6) вопросы транспорта, торговли и промышленности, 7) раздел культурного строительства, 8) поаймачный экономический обзор с характеристикой экономических районов.

Как видно из вышеизложенного, уже при подведении первого итога работ в виде "Географического очерка МНР" Географическое отделение НИК'а не могло ограничиться задачей освещения только физической географии страны и более половины указанного труда уделило хозяйству и экономике республики. Жизнь и рост МНР требовали работы по разрешению хозяйственных задач и Географическое отделение не могло остаться в стороне от этих требований. Попытки комбинирования общегеографической полевой работы с работой по вопросам экономики были предприняты уже в 1928 году, во время Хангайской экспедиции, а уже в 1933 году Хангайская же экспедиция отделения по заданию НИК'а занималась исключительно социально-экономическими вопросами.

В 1930 году было начато изучение гобийских пастбищ, продолженное в 1931 и 1932 годах. На Гоби отделением было обращено особое внимание, так как предполагалось, что более северные, густо населенные и легкодоступные районы будут изучены в результате практической работы других учреждений страны — Министерства скотоводства и земледелия и других. Надежды эти не оправдались и в результате материалов по Гоби в распоряжении Географического отделения сейчас больше, нежели материалов по Хангаю.

Схема полевой работы по изучению гобийской окраины страны была следующей:

1) Изучение географии района, как база последующих исследований.

2) Изучение пастбищного фона.

3) Изучение кочевок населения.

4) Характеристика скотоводческого хозяйства на базе перечисленных этапов исследования.

Географическое изучение гобийской окраины было проведено в течение 1927, 1929, 1930, 1931, 1932 и 1935 годов. Кроме того, большое значение имела и внеплановая работа 1923-24 годов. В результате этого изучения и использования старых материалов явилась возможность дать детальную географическую монографию Гобийской окраины республики, иначе — географическое описание почти трети страны.

Трехлетнее изучение гобийских пастбищ нашло свое отражение в работе "Гобийские пастбища МНР".

В виду новизны подобной работы, не имевшей прецедентов, мы находим нужным дать здесь ее краткое резюме. Общий объем всей работы в оригинале составляет свыше 10 печатных листов. Для удобства пользования мы разбиваем нижеприводимое резюме на параграфы или тезисы.

1. Слово "Гоби" у монголов является именем нарицательным, а не собственным и представляет собой конкретный ландшафтный термин, равнозначущий, по нашему определению, с русским термином "пустынная степь" (нем. Halbwüste), переходящему на практике местами в понятие "пустыня".

2. В географической же литературе в слово "Гоби" вкладывается пространственное понятие и этим именем называют некоторую часть северной половины Центрально-Азиатского нагорья.

3. Вместе с тем в литературе еще не дано исчерпывающего определения понятию "пустыня". Точно так же не даны точные границы географического понятия "Гоби". Кроме того, до сих пор отсутствует четкое деление понимаемого под этим именем пространства на географические участки или провинции.

4. Мы предлагаем определять названием "плоскогорье Гоби" или "Гобийское нагорье" все пространство Центральной Азии от Тибета на юге до хребтов Танну ула,

Хангай и Хэнтэй на севере и от Памира, Западного Тяньшаня и советского Алтая на западе до Хингана на востоке.

В пределах этого географического понятия мы предлагаем выделить следующие провинции или участки:

1. Чжунгарскую впадину,
2. Гаримскую котловину,
3. Западную Гоби,
4. Алашаньскую Гоби,
5. Ордос,
6. Восточную Гоби,
7. Приалтайскую Гоби,
8. Цайдам.

5. В пределы территории МНР входят следующие из указанных провинций или их частей:

1) северо-восточная часть Западной Гоби, 2) вся Приалтайская Гоби и 3) северо-западная половина Восточной Гоби. В целях лучшего понимания характера этих участков, в пределах МНР мы проводим самостоятельное, более мелкое деление на географические провинции, характеристика которых была дана выше. Провинции эти следующие:

1. Западная Озерная котловина	ПриалтайскаяГоби
2. Гобийский Алтай	
3. Шанхайское нагорье	
4. Центральная впадина	ВосточнаяГоби.
5. Холмисто-равнинная Вост.Гоби	
6. Западная (Заалтайская) Гоби	Западная Гоби.

Здесь сперва дана принадлежность этих географических провинций МНР к провинциям очерченной выше "Большой Гоби". Центральная впадина делится в этом случае пополам: западная и центральная ее части относятся к Приалтайской Гоби, а восточная — к Восточной Гоби.

6. Значение Гобийской окраины в общем хозяйстве МНР весьма велико.

Пастбища гобийского характера имеются в 10 аймагах из 12, составляющих республику. В том числе два аймага имеют сплошь гобийский характер. В пределах гобийской окраины живет население в 187 тыс. чел., обладающее стадом в 1520 тыс.условных голов. Иначе, в этом обширном районе, составляющем треть, а с предгобийской полосой — 43% страны, живет 25% населения республики и пасется около 28% ее скота.

Таким образом, изучение Гоби является существеннейшей необходимостью в общем комплексе исследовательских работ на территории республики.

7. Как в отношении географических провинций Гоби, так и в отношении гобийских рельефно-почвенно-растительных ландшафтов до сих пор не было сделано, насколько нам известно, попыток более или менее исчерпывающей классификации. Мы, на основании нашего опыта, выработали схему классификации гобийских ландшафтов, которую за недостатком места нам не представляется возможным здесь привести: к тому же, дать здесь эту схему без необходимых пояснений было бы вообще мало целесообразным. Нами также разработана схема типичных почв Гоби, которую мы тоже не приводим здесь по только что изложенным причинам.

8. Пространственная смена растительных комплексов Гоби обнаруживает вертикальную зональность, связанную с рельефом, абсолютной высотой, почвами и осадками. В верхних зонах преобладают злаки, в нижних — кустарниковые солянки. Некоторые комплексы (связанные с песками и с наружной водой) являются зональными. Кроме того, при движении с севера на юг обнаруживается и известная горизонтальная зональность, заключающаяся в постепенном вытеснении нижними зонами верхних и, следовательно, в опустынении ландшафта.

9. В растительности гобийской окраины МНР насчитывается до 15 типичных комплексов растительных ассоциаций. Для этих комплексов являются характерными около 40 типичных фито-ассоциаций.

10. Общую кормовую производительность Гоби, без разбивки на комплексы, можно охарактеризовать следующими цифрами (сухая масса в килограммах на гектар):

При хороших осадках — 350-400 кгр.
" средних " — 200 кгр.
" плохих " —100 кгр.

Иначе говоря, производительность пастбищ по указанным трем вариантам осадков растет в прогрессии 1-2-4.

11. Полоса предгобийской обедненной степи изучена пока еще плохо, особенно в отношении продуктивности пастбищ. Имеющийся материал определяет последнюю при хороших осадках — в 400-500 кгр., средних — 200 и плохих — 100 кгр. с гектара и ниже.

12. Проведенная нами в течение ряда лет работа по изучению растительности Гоби дала нам возможность, в результате систематизации и обработки собранного материала, составить детальный список гобийских фито-ассоциаций. Помимо прямого научного и практического интереса, этот список ценен также в том отношении, что во всей известной нам литературе подобного списка нигде не приводится.

Нами изучена кормовая производительность большинства этих ассоциаций, в особенности наиболее важных в хозяйственном отношении.

13. Наконец, нами составлена таблица — схема гобийских ландшафтов, где упомянутые выше классификации ландшафтов, почв и растительных комплексов объединяются в единую схему, т.е. для каждого типичного ландшафта указываются характерные для него типы почв и растительных комплексов с указанием вертикальной зональности или спорадичности этого ландшафта и другими примечаниями.

Таким образом, Географическим отделением НИК'а впервые в истории изучения Монголии осуществлены методическое исследование и почти исчерпывающая классификация как самих ландшафтов Гоби, так и их основных элементов на базе изучения всей (за небольшими исключениями) гобийской окраины республики. До этого подобная работа, правда гораздо более детальная и углубленная, была проведена всего на двух-трех случайных участках северной окраины Гоби.

Недостатком работы отделения в этом отношении было недостаточно углубленное исследование почв, что зависело от отсутствия специалиста-почвоведа.

14. Путем стационарного изучения одного типичного района (Баянтухумская впадина, работа М.А.Симуковой в 1931 году) были выяснены пространственная смена пастбищных типов и единовременные колебания их кормовой производительности на относительно небольшом участке. Колебания эти показали диапазон 1-2-5; однако, массовый подсчет укосных площадок показал, что: 1) границы этого диапазона устойчивы и 2) общая средняя по отношению к данным осадкам совпадает со средней по отношению к таким же осадкам, выведенной из всего собранного по Гоби материала.

15. Той или иной степени полноты записи о растительности по маршруту велись всеми гобийскими экспедициями Географического отделения НИК'а (1927, 30, 31, 32, 35 гг.). На основании этих записей есть возможность ориентировочно картировать важнейшие типы гобийских пастбищ, что предварительно в мелком масштабе уже и сделано на карте растительности в "Географическом атласе МНР".

16. Обзор новейших ботанических работ по Гоби показывает лишь отдельные небольшие участки, изученные исследователями во время кратких по времени экскурсий. Поэтому отсутствие у этих исследователей опыта по Монгольской Гоби, несмотря на высокую их квалификацию, привело к некоторым ошибкам в их работах, как в отношении

попыток классификации растительных комплексов, так и в отношении хозяйственной оценки гобийских пастбищ.

17. На гобийских и предгобийских пастбищах пасется 64% всех верблюдов МНР, 23% лошадей, 12% кр.рог. скота, 26% овец и 44% коз.

В видовом отношении в гобийском стаде ведущим является верблюд и почти наравне с ним — овца. По сравнению с Хангаем, вдвое вырастает удельный вес козы (11%). Роль крупного рогатого скота сильно падает (10%).

18. Фоновыми растениями в Гоби являются весьма немногие виды, все идущие в корм тому или другому виду скота. Большинство отличается концентрированностью кормовых качеств. Травянистая пустынная степь является преимущественной базой гобийского скотоводства вообще и исключительной — коневодства и овцеводства Гоби. Кустарниковая же часть пустынных степей Гоби служит базой верблюдоводства.

19. Высокие кормовые качества фоновых растений являются благоприятным фактором для гобийского скотоводства. Неблагоприятным же фактором является резкое реагирование растительности Гоби на осадки, которое, в связи с крайней неравномерностью последних во времени, определяет неустойчивость кормовой базы Гоби.

Гоби подвержена частым засухам. Засухи делятся на: 1) большие или общие и 2) малые или частные. Периодичность обоих типов еще не выяснена, но есть данные, говорящие за возврат больших засух 4-6 раз в столетие. Малые повторяются через 3-5 лет и иногда тянутся почти такой же промежуток времени.

20. Следствие неустойчивости кормовой базы, т.е. засух, является волнообразно-скачкообразная количественная динамика стада. Плавно поднимающаяся кривая его роста за ряд благополучных лет дает резкий срыв вниз в первую же серьезную засуху. Количественный рост стада в Гоби лимитирует преимущественно только засухи. Прочие бедствия стоят на втором плане.

21. Единственный способ парализовать действие засухи, применяемый местным населением, — перекочевка в более благополучные районы, носящая обычно беспорядочный, хаотический характер. Многие, впрочем, предпочитают не двигаться с насиженных мест. Скопление населения в благополучных районах вызывает нехватку питьевой воды. В качестве мер временного характера Географическое отделение НИК'а рекомендовало бы: 1) поощрять рытье новых и ремонт старых колодцев (это мероприятие проводится правительством МНР в жизнь) и стараться обводнить этим способом лишенные водопоев участки, 2) упорядочить хаос массовых перекочевок при засухах и 3) изучить проблему денежной или натуральной страховки стада.

22. Однако, подобными мерами невозможно полностью парализовать губительное действие стихии и переделать экономику Гоби.

Организация страховых запасов корма из естественных ресурсов кажется нам невозможной вследствие незначительности этих ресурсов.

Возникает вопрос об организации искусственных кормовых баз на основе использования ключей и буровых скважин.

23. Имея в виду неизбежную и необходимую в близком или далеком будущем коренную ломку экономики Гоби, совершенно необходимо проводить сейчас следующие работы: 1) организацию комплексной опытной станции и 2) продолжение экспедиционных исследований, обратив особенное внимание на изучение почв.

Как уже указывалось выше, Хангаю Географическим отделением НИК'а было уделено меньше внимания, нежели Гоби. За недостатком времени и сил, Хангай не мог быть охвачен так же широко, как Гоби, а потому отделение, имея необходимые материалы по небольшому выборочному участку Хангая, пока не в состоянии дать широкую картину всей северной части республики.

В результате экспедиций 1928, 1930 и 1933 годов, а также небольших разъездов 1931, 1932 и 1935 годов и использования некоторых старых материалов, Географическое отделение получило возможность составить "Географический обзор Центрального Хангая", в котором главное внимание обращено на район р.Хойту Тамир. Этот район, являющийся территорией Ихэ тамир сумуна Ара Хангайского аймага, был избран в качестве типичного выборочного участка для производства детальных исследований по хотонам и кочевкам, проведенных в 1933 г. и дополненных в 1935 г. Здесь же было проведено в основном и изучение хангайских пастбищ.

Работа "Пастбища Центрального и Восточного Хангая" задумана и выполнена не в таком широком плане, как работа по Гобийским пастбищам. Поэтому, вследствие недостаткам места, мы ограничимся упоминанием о ней и остановимся на других вопросах, разработанных для Хангая более детально, чем для Гоби.

Как указывалось выше, следующим после изучения пастбищ этапом специальных работ Географического отделения было изучение кочевок и хотонов. Полевая работа по этому вопросу была проведена в 1933 и 1935 годах. План ее был следующий: 1) изучение методом сплошного охвата всех хозяйств выборочного участка (одного сумуна) в Хангае, 2) изучение подобного же участка в Гоби и 3) соединение обоих участков маршрутным ходом с выяснением характера перехода от хангайского кочевого метода к гобийскому.

Результаты этой работы свелись вкратце к следующим положениям.

1. *Хангайские хотоны.* Организация хотона вообще и хангайского в частности базируется на следующих принципах.

Хотон есть экономическое производственное объединение группы аратских хозяйств, преимущественно на основе совместного выпаса мелкого скота, и, отчасти, некоторых других работ.

Объединение в хотоны в Хангае есть явление массового порядка. Количество хозяйств в одном хотоне редко выходит за пределы первого десятка.

Организация хотона внешне стоит на принципе полной добровольности и свободы объединения в хотон, присоединения к нему и выхода из него. практически же возможны коренные изменения этих установок.

Твердой единоличной власти в хотоне нет. Степень влияния старшего в хотоне ("аха") определяется, помимо его возраста, родственными взаимоотношениями, имуществом, социальным положением, отчасти личными качествами и производственными навыками. Этими же факторами (гл.обр. имуществом) определяется и удельный вес остальных членов хотона.

Административного и административно-учетного значения хотон не имеет.

Стимулами объединения в хотон являются:

а) экономия труда и рабочих рук, как результат коллективного труда;

б) для бедноты — затруднительность самостоятельного существования вне связи с зажиточными;

в) для зажиточных — потребность в рабочих руках и благоприятные условия для присвоения чужого труда;

г) в отдельных случаях — желание получить производственные навыки;

д) родственные и иные связи и стремление к обществу себе подобных.

Группировка в хотоны происходит:

а) По признаку родства. Явно преобладают хотоны, полностью или почти полностью связанные родством.

б) По экономическому принципу (беднота+зажиточные).

в) По производственному принципу (отдельные случаи).

Постоянство хотона, полное или частное, является преобладающим его признаком, в сильнейшей степени завися от родственных связей внутри хотона (прямая зависимость).

Социально-имущественное расслоение, существующее в аратской массе, переходит обычно и внутрь хотона, так как ярко выраженной тенденции группироваться по принципу имущественного равенства араты не обнаруживают.

Маломощные хозяйства, находясь в зависимости у зажиточных, вынуждены рассеиваться по разным хотонам, почти не образуя самостоятельных объединений.

Эксплуатация чужого труда внутри хотона распадается на четыре типа:

а) Открытая эксплуатация батраков и полубатраков.

б) Скрытая эксплуатация однохотонцев под видом "равенства" в коллективном труде.

в) Скрытая эксплуатация однохотонцев в форме "взаимопомощи".

г) Скрытая эксплуатация однохотонцев в форме "семейной помощи".

Первый тип встречается гораздо реже трех последних.

В изученном районе батрацкие хозяйства составляют всего около 3% общего числа хозяйств.

Второй тип налицо в каждом хотоне, где имеется хотя бы незначительная разница в имущественном положении членов.

Последние два типа распространены широко, причем четвертый почти не поддается учету, вследствие своей замаскированности.

Основными моментами, определяющими для бедняка вынужденную зависимость от зажиточного, являются:

а) отсутствие или недостаток молочного скота;

б) то же в отношении рабочего скота (для перекочевок, подвоза дров и т.д.);

в) безлошадность;

г) непредвиденные расходы (на лечение, религиозные требы, семейные празднества и т.д.);

д) отсутствие или недостаток орудий производства;

е) отсутствие или недостаток убойного скота.

Обмен труда бедняка на "помощь" со стороны зажиточного происходит непосредственно натуральным путем, без или почти без участия денег.

Таким образом, хотон есть общественная производственная организация, соответствующая современному уровню развития производственных сил в худоне.

В хотоне имеются остатки родового строя — принцип объединения по признаку родства, существование "старшего" (аха), хотя бы и с номинальной властью, общественный труд и эксплуатация родственников.

Вместе с тем в нем же, в случае объединения неравносильных хозяйств, особенно не связанных родством, выступают признаки капиталистических отношений в виде присвоения части труда слабых членов хотона сильными.

Эти положения получены в результате сплошного обследования ста с лишним хотонов или около 600 хозяйств и подкреплены цифровым материалом.

2. *Гобийские хотоны*. В Гоби были взяты два сумуна Южно-гобийского аймага: Хонгор обо, находящийся в районе гор Гурбан Сайхан, с более густым населением на фоне наличия в горах почти хангайских пастбищ и Ноян, в районе гор Ноябн богда, наиболее удаленный и вполне гобийский по своей природе.

Если в Хангае юрты-одиночки составляют редкое исключение, то в Гоби они местами явно преобладают, и хотоны не имеют такого исключительного значения, как в Хангае. В числе хотонов резко преобладают постоянные хотоны постоянного состава, причем 90% хотонов состоят всего из 2-х хозяйств. В сущности два хозяйства даже трудно назвать хотоном в полном смысле этого слова.

В постоянных хотонах с постоянным составом не менее 80% объединены по признаку родства.

Типы эксплуатации чужого труда те же, что и в Хангае. Так называемая "взаимопомощь" между зажиточными и маломощными хозяйствами выходит далеко за пределы хотона и является доминирующим типом в социально-экономических отношениях района вообще.

Нередко можно встретить группу хозяйств, объединенную местом стоянки, но не образующую хотона. В ряде случаев у родственных семей наблюдается стремление кочевать вблизи друг от друга.

Причины слабого развития хотонов в Гоби сводятся преимущественно к вопросам кормовой производительности пастбищ и выпаса. При низкой производительности гобийских пастбищ выпас мелкого скота выгоднее производить небольшими стадами, в то время, как в Хангае одним из основных факторов объединения в хотон является именно совместный выпас мелкого скота.

Таков основной материал, полученный по хотонам.

3. *Хангайские кочевки*. Изучение кочевок в Ара Хангае дало вкратце следующее положение.

В типично хангайских гористых районах, обильных водой, лесом и разнообразными пастбищами, кочевки сводятся к минимуму. Большинство хозяйств кочует годами, а нередко и десятками лет на очень небольшом участке, который можно назвать кочевым участком данного хозяйства и диаметр которого не превышает десятка км, бывая обычно даже меньше (5-8 км). Таким образом, принимая во внимание, что даже мелкий скот уходит за день на 3-5 км, необходимость в перекочевке из-за корма отпадает, за исключение, может быть, зимы, для которой сохраняются специально зимние пастбища (в пределах того же небольшого участка).

Следовательно, основным стимулом перекочевок в типично хангайских районах является приспособление самой стоянки к метеорологическим условиям по временам года. В летнее время появляется еще необходимость перекочевать вследствие скопления разлагающегося навоза и нечистот. Подобный быт даже трудно назвать кочевым в полном смысле этого слова.

В более степных районах с менее пересеченным рельефом и более однообразной растительностью картина меняется в сторону увеличения кочевого участка и, следовательно, увеличения расстояния между основными годовыми стоянками. Отчасти это объясняется невозможностью найти подходящие к климатическим условиям по временам года стоянки на небольшом пространстве, а также слабой возобновляемостью кормов при более сухом климате степных районов.

Таким образом, характерными для Хангая являются минимальный размер и постоянство кочевых участков. Добавим, что во многих районах зимние стоянки постоянны и обеспечены защитными постройками для скота (хашанами).

4. *Гобийские кочевки*. Изучение кочевок в уже указанном выше районе Гоби на материале 650 хозяйств дало следующие результаты.

40% хозяйств пользуется в течение круглого года одним типом пастбищ. В отношении стоянок это количество увеличивается до 60% (т.е. 60% хозяйств придерживаются в отношении стоянок одного рельефно-пастбищного типа). Резкого различия между районами летовок и зимовок в районе не проводится. Средний диаметр кочевой орбиты для обоих обследованных сумунов равен 19 км. В чисто гобийских багах это расстояние увеличивается до 25-30 км, а в почти хангайских горах Гурбан Сайхан падает до 12 км. Большинство (88%) хозяйств кочуют в пределах от 0 до 25 км. Кочующих далее 100 км в районе нет. Ряд хозяйств

следует считать почти оседлыми, причем их оседлость вызывается не отсутствием средств передвижения, а условиями пастбища, обеспечивающего скот кормом на круглый год.

Зимовки 80% хозяйств находятся в горах или под горами. Некоторые зажиточные хозяйства живут на два дома, выпасая верблюдов в долине, а лошадей и мелкий скот в горах. Иногда с этой целью объединяются два-три хозяйства. Получается своеобразный "хотон на расстоянии".

Таким образом, размах гобийских кочевок далеко не так велик, как можно было бы ожидать, и район кочевок в большинстве случаев весьма постоянен.

5. Маршрутное изучение кочевок Убур Хангайского аймага в районе б.хошуна Ламаин гэгэна выявило любопытные подробности феодальных отношений недавнего прошлого, когда кочевки хозяйств, выпасавших скот феодала, регламентировались этим феодалом. Реликтом этих феодальных отношений является гипертрофия кочевого круга значительной группы хозяйств, ежегодные перекочевки которых достигают в общей сложности 400 и даже 500 км. Подобный же факт гипертрофии кочевого круга, как реликта феодальных отношений, наблюдался в одном из багов Хонгор обо сумуна Южной Гоби, значительная часть хозяйств которого выпасала в прошлом верблюдов, принадлежавших манчжуро-китайскому императору. Существуя только как традиции, эта гипертрофия обречена на исчезновение.

Очерченные выше результаты изучения кочевок населения МНР в трех районах дают уже некоторую почву для суждения о кочевом быте этого населения вообще. В частности, становится ясным, что этот быт не является присущим монголам вообще — подобные заявления идеалистического порядка приходится иногда слышать, — а что кочевка есть необходимость, вызываемая причинами узко экономического порядка. Как только исчезают эти причины — перестает существовать и кочевка.

Несомненно, что традиция, привычка — имеет некоторый вес в рассматриваемом вопросе, однако не такой значительный, как это принято обычно думать.

Кочевки каждого хозяйства складываются в результате взаимодействия типа этого хозяйства с характером рельефа и пастбищ в районе его обитания. Под это положение, однако, не подходят полубатрацкие хозяйства, вынужденные с целью продажи своей рабочей силы следовать за зажиточными.

Тип же скотоводческого хозяйства в отношении видового подбора стада, определяемый в грубых чертах общим характером района, складывается в деталях под влиянием имущественного положения этого хозяйства, количества и состава семьи, социальных отношений в среде окружающего населения (возможность эксплуатации чужого труда вообще и преобладающие типы этой эксплуатации) и экономических предпосылок, характерных для данного района (возможность извоза, условия сбыта скота и сырья как на республиканский, так и на внутрирайонный рынок и т.д.).

На этом мы заканчиваем обзор работ Географического отделения НИК'а за десять лет его фактического существования. Объем журнальной статьи не дает возможности остановиться на результатах этой работы более подробно. С другой стороны, мы считаем излишним останавливаться на побочной текущей работе отделения. Единственное, что необходимо отметить, это — непосредственное участие отделения в работе по новому районированию МНР.

Кадры отделения за весь период его работы были крайне ограничены. Последние шесть лет вся научная работа выполнялась одним сотрудником — автором настоящего очерка, работающим в отделении с начала 1927 года.

Пройденный этап работы закреплен в следующих обработанных материалах и трудах:

1. "Географический очерк МНР" (25 печ.листов).
2. "Краткая география МНР" (учебник, 10 печ.листов).
3. "Географический атлас МНР".
4. "Экономический атлас МНР".
5. "Географический очерк гобийской окраины МНР".
6. "География Центрального Хангая".
7. "Гобийские пастбища" (10 печ.листов).
8. "Пастбища Центрального и Восточного Хангая".
9. "Кочевки и хотоны Ихэ Тамир сумуна Ара Хангайского аймага".
10. "Кочевки и хотоны Гурбан Сайханского района Южно-Гобийского аймага".
11. "Кочевки Убур Хангайского аймага".
12. "Западная Гоби". Географический очерк.

13, 14, 15, 16, 17, 18, 19. Обработанные дневники и путевые заметки экспедиций 1927, 28, 29, 30, 31 и 32 годов.

Кроме того, имеется несколько десятков мелких работ, заметок и статей. В общей сложности объем материала первышает сотню печатных листов.

Все эти работы выполнены в период 1933-1936 гг.

Помимо перечисленного, отделение имеет ряд крупных картографических работ и много необработанных до конца материалов по Хэнтэю, где работал быв. сотрудник Н.И.К-та С.А.Кондратьев.

Экспедициями Географического отделения НИК'а сделано на автомобилях, лошадях и верблюдах свыше 30.000 км исследовательских маршрутов по стране. Беллетристическое описание этих путешествий составило бы ряд занимательнейших и поучительных книг для юношества.

Из 10 лет работы отделения на полевую работу приходится в общей сложности 4 полных года.

Дальнейшая работа отделения представляется, как продолжение разработки основных вопросов, намеченных работой истекшего периода, а именно: 1) детальное географическое исследование ряда еще плохо известных районов страны, 2) углубленное изучение и картирование пастбищ, преимущественно Хангайской зоны, 3) планомерное изучение кочевок и хотонов и 4) изучение скотоводческого хозяйства и экономики в свете географических особенностей каждого отдельного района страны и наметка конкретных мероприятий по улучшению этого хозяйства. Эта последняя работа почти совпадает с работой сельхозотделения НИК'а и должна проводиться в тесном контакте с МСЗ МНР.

Дмитриев С.В.

Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики (I. Теб-Тенгри)

Борьба за власть всегда сопровождается различными легитимизирующими манипуляциями. Политические противники, обосновывая свое право на власть, прибегают к различным ухищрениям, в том числе и к услугам официальных историографов. Оценки политических фигур прошлого, таким образом, в поздней историографии во многом зависят от политических установок авторов и их заказчиков. В таком контексте нас интересует сюжет возведения на престол Темучина. В связи с этим сюжетом обратимся к источникам.

В 1206 году Темучин был избран ханом и наречен именем-титулом "Чингис-хан". В разных источниках этот сюжет освещен по-разному, точнее, с разной степенью полноты. Так, в разных редакциях "Юань чао би ши" (ЮЧБШ) об этом говорится кратко: Сокровенное сказание монголов, §202: "в год Барса (1206) составился сейм, и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом — Чингис-ханом..." [1, с.158].

"Старинное китайское сказание о Чингис-хане": "Все, совокупно, поднесли ему титул Императора Чингиса" [2, с.180].

Юань Ши (ЮШ): "Князья и чины поднесли ему название Чингис-хана" [3, с.35].

Два варианта приведено в разных местах труда Рашид-ад-дина: 1) "На этом курилтае за ним утвердили великое звание "Чингис-хан", и он счастливо воссел на [illegible] бекиЭчигэ из племени конкотан, его звали Тэб-Тэнгри" [4, кн.2, с.150].

2) (Тэб-Тэнгри) "всегда приходил в Чингис-хану и говорил: "Бог повелел, чтобы ты был государем мира!" И чингис-ханово прозвание ему дал он, сказав при этом: "Повелителем бога имя твое такого должно быть!" [4, кн.1, с.167].

У Хондемира: "... Один из благочестивых людей монгольских именем Бют Тэнгри, находясь на сем собрании, сказал Темучину: Господь ... избрал меня для возвещения воли своей — отдает Темучину всю землю: посему отсель и нарекаю тебя Чингиз-ханом" [5, с.18].

Во введении к "Зефер-Наме" говорится, что "Бют Тенгри, пришедши на это собрание к Чингиз-хану, называвшемуся дотоле Темучином, сказал ему: "Некоторое существо красного цвета, на белом коне, явившись ко мне, велело идти к сыну Усукай-Багатура и сказать ему, чтоб он не назывался отселе Темучином, но принял имя Чингиз-хана; потом оно прибавило: скажи ему также, что Бог вечный повелевает мне, чтоб я дал тебе и детям твоим большую часть четверти обитаемой земли со всеми глубинами, высотами и долинами оной". Предание говорит также, что Бют-Тенгри сказал в сем собрании Темучину: "Великий Бог велел мне отдать земли Темучину и детям и родственникам его, посему и нарицаю тебя отныне Чингиз-ханом" [5, с.136-137, пр.39].

В почти забытой книге Николая Горлова, написанной на основании материалов, подчерпнутых из рукописных книг, собранных им в Томской губерии, интересующий нас момент описан так: "Когда же Темучин, встав, сел опять на свое место, то вновь изъявил свою признательность своим храбрым сподвижникам, и объявил им о наградах, осыпаемый им благодарениями, он удалился во внутренние покои, но неожиданно был остановлен представшим, известным народу пустынником Какчем, который громогласно объявил Темучину, ... будто он прислан к нему от Бога с повелением принять имя Чин и Гис, чтобы подданные признавали его под сим именем; что с ним сопряжено счастие подвластных ему и последующих его власти народов; что род его чрез то будет возвышен на земле; что он сделается великим обладателем, а потомки его из века в век властелинами многих народов..." [6, с.15-16].

Особняком стоит версия Саган Сэчэна:

"На четырехугольный камень перед юртой села пятицветная птица, похожая на жаворонка, и прокричала "чингис", "чингис" [7, s.70].

Таким образом, перед нами три версии возведения Темучина на престол и наречение его именем "Чингис-хан". Как правило, этот сюжет рассматривается с точки зрения филологии, и существует довольно обширная литература по этимологии слова "Чингис" [8; 9, с.309-310, пр.294; 10, с.42-44; 11, с.109-11-; 12, с.7-8; 19; 13 и др.]. Мы же попытаемся рассмотреть этот сюжет с точки зрения политической логики.

Итак, первая версия, приведенная в ЮЧБШ и ЮШ, не указывает конкретное лицо, которое, присутствуя при обряде, непосредственно назвало Темучина Чингис-ханом. По второй версии этим лицом является Кокэчу, Теб-Тенгри, сын Мунлика, отчима Темучина. Третий вариант, опять-таки обезличенный, но зато в нем присутствует некая птичка. Эта последняя версия была довольно подробно изучена и история ее, по-видимому, такова. И.Я.Шмидт и

Д.Банзаров писал о том, что эта же легенда передается и китайскими историками. Г.Н.Румянцев, ссылаясь на Виделу, подтвердил это. Он указал также на тибетское сочинений с аналогичной версией. Как выяснилось, ссылка всех этих авторов на китайские источники является результатом недоразумения. П.Пельо отметил ошибки И.Я.Шмидта и Д.Банзарова. По мнению П.Пельо, А.Гобиль и Виделу, упоминающие указанную легенду, писали о том, что слышали ее от монголов. Де Гинь, который писал о легенде как об основной на китайских источниках, по мнению того же автора, просто неправильно понял А.Гобиля. То же относится и к Г.Н.Румянцеву, писавшему после П.Пельо. Что касается упоминаемых им тибетских источников, то тибетский текст представляет собой почти дословный перевод с монгольского (обзор по Н.Ц.Мункуеву) [11, с.109-110, пр.66].

Таким образом, это монгольская легенда, относящаяся к области народной этимологии, и ее, по мнению Б.И.Панкратова, "нельзя принимать всерьез" [13, с.184]. Птичка, скорее всего, действительно мифический образ, хотя и нельзя полностью исключить, что она могла изначально присутствовать в сюжете.

В целом же можно именно эти три версии свести к двум: первая — обезличенная и вторая — та, в которой присутствует человек, который непосредственно нарек Темучина Чингис-ханом.

Личность этого персонажа, Кэкчу-Теб-Тенгри, довольно интересна и неоднозначна. Интересно его отсутствие в сюжете коронования в ЮЧБШ и ЮШ — версиях исторических событий, основанных на первых редакциях описания коронования. Еще свежа в памяти борьба с Чжамухой, Ван-ханом за лидерство, еще живы многие очевидцы ее. Но из сюжета коронования, где в других источниках подчеркивается значение Теб-Тенгри, он выпадает. В связи с этим рассмотрим данные об этой личности в разных источниках.

В ЮЧБШ о нем опять-таки кратко: "У Хонхотанского Мунлик-Эчигэ было семеро сыновей. Старший из семерых, по имени Кокочу, был Теб-Тенгри, волхв" [1, с.176, §244].

У Рашид-ад-дина: "Кокэчу Тэб-Тэнгри, сын Мунлик-Эчигэ, был провидцем, претендовавшим на совершение чудес" [4, кн.2, с.253].

Мунлик "имел сына по имени Кокэчу, которого Монголы называли Тэб-Тэнгри. Обычай его был таков, что он раскрывал тайны, предсказывал будущие события и говорил: "Бог со мной беседует, и я посещаю небо!" ... У Тэб-Тэнгри вошло в привычку в самое сердце зимы, в местности Онон-Кэрулэн, одной из самых холодных местностей садиться на лед. От тепла его тела замерзшая вода растаивала и от воды поднимался пар. Монгольское простонародье и отдельные лица говорят, — и это стало общеизвестным, — что он ездил на небо на белом коне. Разумеется, все это — несообразности и вранье простых людей, но он владеет каким-то обманом и притворством..." [1, кн.1, с.167].

Те же сведения приведены Мирхондом [5, с.136].

У Н.Горлова: "Этот предсказатель, пустынник Какчей, вел особый род жизни. На него не имело влияние никакое действие стихий, разрушительное для других людей. Морозы, жары, недостаток в пище и одежде он переносил с великой легкостью, и по таким его свойствам, почитался в народе как бы святым, избранным" [6, с.16].

Как мы видим, информация довольно куцая в ЮЧБШ, развернутая в остальных источниках, но с одним нюансом у Рашид-ад-дина. Нюанс этот заключается в том, что негативно и недоверчиво оценивает шаманские способности Теб-Тенгри. По всей вероятности, это связано с тем, что Рашид-ад-дин, будучи мусульманином, придерживающимся одного из наиболее ортодоксальных течений ислама — суннизма шафиитского толка, причем — неофитом, человеком уже в зрелые годы принявшего ислам, естественно негативно относился к язычеству — шаманизму, представителем которого был Теб-Тенгри. Та же информация у Мирхонда и в "Зефер-наме" имеет в данном случае нейтральный оттенок.

Следующее упоминание Теб-Тенгри присутствует уже в сюжете расправы с ним. Рассказ об этой расправе опять-таки подан по-разному:

У Рашид-ад-дина сначала идет конфликт с сыновьями Мунлик-Эчигэ у Хасара, брата Чингиса, в результате которого он был избит. Хасар жалуется брату, но тот ему отвечает: "Слывешь непобедимым, и вот оказался побежденным!" Затем Теб-Тенгри натравливает Чингиса на Хасара, и их разнимает мать. "После этого случая стали собираться к Теб-Тенгри подданные всех девяти языков. Тут и от Чингис-хановой коновязи многие подумывали уйти к Теб-Тенгрию. Уходили к Теб-Тенгрию и крепостные Темуке-Отчигина в таковом народном движении". Отчигин, отправил сначала своего человека с требованием, чтобы ему вернули его людей, затем сам отправился туда, но "семеро Хонтонанцев обступили его со всех сторон и говорят: "А в праве ты был посылать своего посла Сахора?" В страхе, как бы они чего с ним не сделали, Отчигин-нойон ответил: "Да, я тут поступил не правильно, виноват!" — "А раз виноват, то проси прощения на коленях!" И велели ему стать на колени сзади Теб-Тенгрия". Затем Отчигин жалуется Чингису и получает поддержку со стороны жены последнего — Борте: "...Так, пожалуй, они изведут всех твоих братьев, и сокрушится твое могущество". После этих слов Борте-учжины Чингис-хан сказал Отчигину: "Теб-Тенгри уже явился. Я разрешаю тебе поступить по своему усмотрению". Тогда Отчигин встал, отер слезы и, выйдя, поставил наготове трех борцов-силачей". Вскоре приходит Мунлик с сыновьями, рассаживаются, но тут Отчигин хватает Теб-Тенгрия за ворот: "Вчера ты, — говорит он, — ... заставил меня молить о прощении. Давай же попытаем жребия!" И держа его за ворот, поволок к дверям. Теб-Тенгри в свою очередь схватил его за ворот, и началась борьба. Во время борьбы Теб-Тенгриева шапка упала перед самым очагом. Мунлик-отец поднял шапку, поцеловал и сунул к себе за пазуху. Тут Чингис-хан и говорит: "Ступайте меряться силами во двор!" Они выходят и там три борца ломают Теб-Тенгрию хребет. "Отчигин же вернулся в юрту и говорит: "Теб-Тенгрий заставляет меня молить о пощаде, а сам не хочет принимать моего приглашения попытать жребия: притворяется лежачим. Видно, что друг он на час!" Сразу понял Мунлик-отец, в чем дело, слезы покапали из глаз его... Шестеро сыновей его..., загородили дверь, стали кругом очага, засучив рукава. Все более теснимый ими Чингис-хан со словами: "Дай дорогу, расступись!", вышел вон. Над телом поставили серую юрту, и через три дня, по летописи, тело Теб-Тенгрия улетело на небо. Мунлику Чингис сказал: "Теб-Тенгри пускал в ход руки и ноги на братьев моих. Он распускал между ними неосновательные и клеветнические слухи. Вот за что Тенгрий не взлюбил его и унес не только душу его, но самое тело!" Потом Чингис-хан гневно стал выговаривать отцу Мунлику: "Ты не удерживал нрава своих сыновей, и вот они, возомнив себя равными, поплатились головой Теб-Тенгрия. Давно бы с вами было поступлено по образцу Чжамухи да Алтана с Хучаром, знай я о таких ваших повадках!" ... Когда не стало Теб-Тенгрия, Хонхотанцы присмирели" [1, с.176-179; §§244-246].

Такое подробное цитирование источника необходимо по следующим обстоятельствам: этот момент подан в разных источниках по-разному, и при сравнении текстов контраст совершенно явен.

Сравним сначала с версией Рашид-ад-дина: Теб-Тенгри с Чингис-ханом "говорил дерзко, но так как некоторые его слова действовали умиротворяюще и

служили поддержкой Чингис-хану, то последнему он приходился по душе. Впоследствии, когда Теб-Тенгри стал говорить лишнее, вмешиваться во все и повел себя спесиво и заносчиво, Чингис-хан полнотою своего разума и проницательности понял, что он обманщик и фальшивый человек. И в один день он со своим братом Джочи-Касаром принял решение и повелел, чтобы Тэб-Тэнгрия прикончили, когда он явится в орду и начнет вмешиваться во все его не касающееся. Джочи-Касар был до такой степени сильным и храбрым, что хватал человека двумя руками и переламывал ему спину словно тонкую палку. Итак, когда явился Тэб-Тенгри и начал во все ввязываться, ему дали два-три пинка ногой, выбросили из орды и убили. Отец же его сидел на своем месте; он поднял его шапку и не представлял себе, что того убьют. Когда убили Тэб-Тенгрия, он промолчал... [4, с.167-168].

Как мы видим, уже другие действующие лица, несколько другая интерпретация при сохранении некоторых деталей (шапка, борьба).

Далее, отрывок из "Зефер-Наме": "Чингис-хан хотя и знал, что Бют-Тенгри обманщик и лицемер; однако же, по тогдашним обстоятельствам (т.е. когда его возводили на престол — С.Д.), не трогал его до тех пор, пока он, весьма усилившись и собрав многочисленных последователей, не стал стремиться к верховной власти, так что однажды заспорил об одном Государственном деле с братом Чингис-хановым Касар-Джуджи; но сей, схватив его за горло, так сильно ударил о землю, что он уже не встал более" [5, с.137, комм.39].

Здесь мы видим доработку сюжета в русле версии, предложенной Рашид-ад-дином, но уже с совершенно другой интерпретацией в конце: пустословие, вмешивание не в свои дела, заменено спором о государственных делах.

Совсем другое отношение к Теб-Тенгрию в источниках Н.Горлова. Здесь Кэкчу представляется совершенно другим человеком, лишенным тех черт конкурирующего лидера, которые присутствуют в вариантах, приведенных выше. У Н.Горлова последующие события после наречения Чингис-хана описаны следующим образом: Темучин после всего предложил Какчею в награду все, что тот пожелает; "но пустынник ничего не принял. Чингис назвал его князем первой степени, Какчей и на эту почесть не обратил внимание, и не изъявил никакого знака благодарности. По известному ему образу жизни и правилам, самоотвержение никого не удивило, ибо в глазах его обольстительные предметы в свете казались ничтожными. Вскоре он удалился от Двора, которому возвестил величие и славу, и скрылся в свое уединение" [6, с.17-18].

Как мы видим, в источниках отражены разные политические традиции в трактовке конкретных событий. Причем эти источники можно разбить еще на три группы, уже по другому признаку. Первая группа — это источники, в которых излагаются события после истечения сравнительно небольшого срока после интересующих нас событий — ЮЧБШ — 1240 год и, как полагают, основанная на сокращенной ее версии ЮШ. Здесь Кэкчу отсутствует в обряде коронования вообще, зато резко негативно его личность оценивается в дальнейшем. Вторая группа — к ним относится труд Рашид-ад-дина, где фигура Теб-Тенгрия уже мифологизирована. Очень кратко он упоминается в контексте коронации и более развернуто — в сюжете борьбы с ним как лидером оппозиции. Причем, отношение к нему здесь явно уничижительное.

В источниках третьей группы — Мирхонд, Хондемир, "Зефер-Наме". В них Теб-Тенгрию посвящено много места в сюжете именно коронации. Как мы видим, чем дальше наш источник отстает от времени конкретных событий, тем более он многословен и информативен по поводу личности Кэкчу, тем оценка его более размыта, меняется политическая заостренность и даже публицистичность.

Особняком, повторимся, стоит версия с отсутствием Кэкчу и присутствием птички в сюжете коронации у Саган Сэчена.

По-видимому, в свете всех изложенных материалов, можно придти к следующим выводам:

В политике существует правило: когда идет жестокая борьба за власть, за лидерство, победитель в этой борьбе, чтобы легитимизировать полученную в результате победы власть, либо дискредитирует своего противника, либо задним числом идеализирует его и свои с ним отношения — и таким образом обстоятельства, а не человек становятся властными над судьбой каждого из них (См. отношения ЮЧБШ к Чжамухе, Ван-Хану); либо возможен третий вариант — умалчивание о роли соратника, ставшего противником в конкретных исторических события. В таких случаях имя последнего старательно вычеркивается, вымарывается из истории в официально изложенном варианте. Сюжеты, связанные с ним, обезличиваются, или же персонаж кем-то заменяется. В нашем случае, заменителем Кэкчу выступает птичка. Здесь таким образом решаются два проблемы: одна — это та, о которой мы говорим, а другая — покровительство власти новой династии небом через посла неба — птичку. А птичка, как и шаман, является посредником между миром людей и миром богов верхнего мира.

Возможно также, что птичка и шаман изначально присутствовали в сюжетной линии, но в результате линии на умалчивание личности Кэкчу и его значения в реальных политических событиях, произошло сознательное редуцирование сюжета, в результате которого шаман исчез, а птичка — знак неба, осталась, заполнив собой всю лакуну в сюжете.

Примечания

1. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. — М., Л., — 1941,— Т.1.
2. Старинное китайское сказание о Чингисхане, Пер.с кит. архимандрита Палладия // Восточный сборник. — СПб., 1877. — Т.1.
3. Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингисова. — СПб., 1829.
4. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — Т.1. М., Л., 1952.
5. История монголов. От древнейших времен до Тамерлана. Пер. с перс. В.В.Григорьева. — СПб., 1834.
6. Горлов Н. Полная история Чингис-хана. — СПб., 1940.
7. (Schmidt I.J.) Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Furxtenhauses. Verfast von Ssanang Ssetsen Chuan taidschi der Ordus. St.-Petersburg-Leipzig, 1829.
8. Орловская М.Н. Об именах на =ci/=cin в монгольских языках // Актуальные проблемы современного монголоведения. — Улан-Батор, 1987.
9. Банзаров Д. О происхождении слова "чингис" // Собр.соч., — М., 1955.
10. Библиотека восточных историков, издаваемая И.Березиным. —Казань 1849, т.1, в. 1.
11. Мэн-да бэй-лу ("Полное описание монголо-татар"). Пер. с кит. введ., комм. и приложения Н.Ц.Мункуева. — М., 1975.
12. Вельтман А. Маги и мидийские каганы XIII столетия. — М., 1860.
13. Панкратов Б.И. Об этимологии титула "Чингис" // Страны и народы Востока. — М., 1989, в.XXVI.

Ю.В.Кузьмин

Русско-монгольские отношения в 1911—1912 годах и позиция общественных кругов России

Синьхайская революция в Китае и национально-освободительное движение монгольского народа, добившееся в 1911 г. создания независимого государства в Монголии, определили новую международную ситуацию в регионе, в треугольнике: Россия-Монголия-Китай.

Русско-монгольские отношения начала XX века — отдельный и своеобразные этап развития отношений двух стран. В этот период происходят глубокие изменения в социально-экономической и политической жизни России и Монголии, меняется и международная ситуация на Дальнем Востоке, обусловленная, с одной стороны, поражением России в русско-японской войне, а с другой стороны, заметной активизацией внешней политики в этом регионе Японии и ряда западных стран.

В 1911—1915 гг. русско-монгольские отношения развивались по восходящей линии. За короткий промежуток времени во внешней политике России по отношению к Монголии произошел поворот от сдержанных дипломатических шагов к прямому политическому и экономическому сотрудничеству. 21 октября 1912 г. было подписано русско-монгольское соглашение. Вступив в договорные отношения с Монголией, Россия де-факто признала существование монгольского государства, что объективно способствовало укреплению его независимости. Формирование внешней политики России определялось борьбой двух тенденций: МИД России проводил политику компромисса, а Министерство финансов и торговые круги выступали за более активные действия в Монголии.

Национальным интересам России отвечало отложение Монголии от Китая. В газете "Речь" от 15 декабря 1911г. отмечалось: "Не какая-нибудь аннексия, не захват, а именно охрана независимости и автономии Монголии должна остаться задачей русской дипломатии". Политика царской России определялась заинтересованностью в монгольском рынке, а также в обеспечении русских интересов против возможной активности здесь Японии и экономического давления китайского капитала.

В свою очередь, Монголия рассчитывала на поддержку России в получении полной независимости Внешней Монголии и присоединение к ней Внутренней Монголии и Барги.

В 1912—1915 гг. Россия оказывала серьезное противодействие Китаю в Монголии, особенно активно выступала против введения китайских войск в Западную Монголию. Политика Китая в это время была направлена на ликвидацию монгольской независимости и возвращение ее в состав Китая. Поэтому Китай не признавал правомочность русско-монгольского соглашения 1912 г., считая Монголию частью Китая, не имеющего права самостоятельно заключать соглашения с иностранными государствами. 23 октября в Пекине была подписана русско-китайская декларация о признании автономии Внешней Монголии, а по Кяхтинскому русско-монголо-китайскому соглашению 1915 г. Монголия официально была признана Автономной в составе Китая. Это было своеобразное компромиссное решение между Россией и Китаем.

Российский капитал (особенно сибирское купечество) проявлял значительное внимание к монгольскому рынку, был заинтересован в дешевом монгольском сырье (шерсть, кожа, скот) и экспорте собственной промышленной продукции. Наибольшую заинтересованность и активность проявляло сибирское купечество, традиционно связанное с монгольским рынком, имеющее большие надежды на расширение русско-монгольской торговли.

Русско-монгольские отношения, непосредственно и тесно связаны с дальневосточным направлением во внешней политике России, общая характеристика которой дана в исследованиях Б.А.Романова [1], И.В.Бестужева [2], А.Л.Нарочницкого [3], С.С.Григорцевича [4], коллективных работах: "Международные отношения на Дальнем Востоке 1840-1949 гг." (1956), "Восточный вопрос во внешней политике России конца XIX — начала XX вв." (1978). В них характеризуется место и роль Монголии во внешней политике России, эволюция этой политики, взаимозависимость русско-монгольских отношений от развития связей с Китаем, Японией, США, Германией и Англией.

В изучение русско-монгольских отношений начала XX века значительный вклад внесли советские историки: Е.М.Даревская, посвятившая этой проблеме более 50 статей, И.Я.Златкин [5], С.Г.Лузянин [6], А.Л.Попов [7], Ш.Б.Чимитдожиев [8], С.А.Шойжелов [9], Е.А.Белов [10], а также монгольские ученые Б.Лигуу, Ц.Пунцагноров, Ш,Нацагдорж, Ш.Сандаг, Т.Тумурхулег, Б.Ширендыб.

Выявление полного круга исследований по истории русско-монгольских отношений 1911—1912 гг., попытка классификации работ различных политических направлений, изучение оценок по "монгольскому вопросу" и русско-монгольским отношениям в историографии России

того времени позволит углубить наши представления о развитии отношений двух стран, формировании восточной внешней политики России и влияния общественного мнения на ее формирование.

События, происходившие в Монголии в период восстановления национальной независимости, а также связанные с ними изменения русско-монгольских отношений, вызвали небывалый прежде интерес в самых различных слоях русского общества. "Монгольский вопрос" становится предметом широкого обсуждения в русской периодической печати, как центральной, так и сибирской.

Оригинальный и разнообразный материал по характеристике русско-монгольских отношений содержится в журналах "Новое время", "Русский экспорт", "Вестник Азии", "Современник", "Сибирские вопросы", газетах "Речь", "Обская жизнь", "Сибирь", "Иркутское слово" и др. Их активно обсуждают в Государственной Думе (выступление министра иностранных дел С.Д.Сазонова, лидера кадетов П.Н.Милюкова и других депутатов), было проведено несколько Совещаний по изучению монгольского рынка Министерством торговли и промышленности, был организован ряд торговых экспедиций в Монголию [11].

По мере сбора информации появляются специальные книги и статьи, посвященные этой проблеме. Среди них работы таких авторов, как Б.М.Гурьев "Политические отношения России к Монголии" (1911), Ю.Кушелева "Монголия и монгольский вопрос" (1912), А.Беннигсен "Несколько данных о современной Монголии" (1912), В.Томилин "Монголия и ее современное значение для России" (1913), А.Болобан "Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении" (1914). Основное содержание работ этих авторов — характеристика положения в Монголии и прогнозы дальнейшего развития русско-монгольских отношений.

Полярные точки зрения по проблемам развития русско-монгольских отношений были высказаны в Государственной Думе, на заседаниях 13-27 апреля 1912 г.

С одной стороны, определилась позиция С.Д.Сазонова и П.Н.Милюкова, выступавших за посредническую роль между Монголией и Китаем и против активного вмешательства в монгольские дела, а с другой стороны — точка зрения депутата от Орловской губернии Володимерова, считающего необходимым присоединение Монголии к России.

Министр иностранных дел России в 1910—1916 гг. С.Д.Сазонов считал Россию европейской страной с активной внешней политикой в Европе и на Ближнем Востоке и соответственно выступал против "увеличения русских владений в Азии". Его позиция совпадала с выводом Особого Совещания по монгольским проблемам, состоявшегося 4 августа 1911 г. — активная деятельность России в "монгольском вопросе" была бы "весьма нежелательной. С.Д.Сазонов выступал против полного отделения Монголии от Китая, считая ее не готовой к самостоятельному политическому развитию. По его мнению, "оторвать их от Китая значит взять на себя задачу создать из них государство, задачу тяжелую, требующую крупных денежных затрат и огромного труда" [12, с.2168]. Выход из сложившегося положения он видит в том, чтобы Россия исполняла роль посредника между Китаем и Монголией, "для заключения между ними такого компромисса, который удовлетворял бы, в пределах возможного, желанию халхасцев сохранить самобытный строй и желанию Китая восстановить свой суверенитет в Монголии" [12, с.2169].

Близкую, но не совпадающую с ней позицию занимал лидер кадетов, историк П.Н.Милюков, выступая против аннексионных устремлений националистических кругов. Считая необходимым поддержать политическую независимость Монголии, выступал против участия и вмешательства в ее дела, за превышение роли посредника. "Мне кажется несколько неосторожным говорить о нашем участии, как непременном условии соглашения, мне кажется это слишком связывающим нас в будущем" [12, с.2238].

П.Н.Милюков полностью согласен с мнением С.Д.Сазонова относительно готовности Монголии к самостоятельному развитию. "Кого мы хотим поддерживать? Поддерживать можно то, что имеет свою внутреннюю силу, что может стоять на собственных ногах" [12, с.2239].

Позднее, в своих "Воспоминаниях" П.Н.Милюков, оценивая роль России в 1912 году, после подписания русско-монгольского соглашения, писал: "во Внешней Монголии Россия водворялась в роли покровительницы" [13. с.93].

Исследование общественного мнения России по "монгольскому вопросу" впервые было предпринято Е.М.Даревской в опубликованном докладе на IV Конгрессе монголоведов в Улан-Баторе [14]. Она выделила в общественной мысли России несколько направлений, основанных на социальном делении.

Изучение дореволюционной русской историографии по проблеме русско-монгольских отношений позволяет выделить несколько основных подходов.

Различные общественные слои России: крупный торговый капитал, политические деятели и дипломатические круги, научная и демократическая общественность давали свои характеристики состояния и перспектив русско-монгольских отношений.

Собственную трактовку сложившейся ситуации русско-монгольских отношений предложили военные деятели России, среди которых выделяются исследования бывшего военного министра, генерала А.Н.Куропаткина, капитана Генерального штаба С.Харламова, поручика Ю.Кушелева. Они считали необходимым включение Монголии в сферу капиталистического производства России и в этом видели решение "монгольского вопроса".

Генерал А.Н.Куропаткин (1848—1925 гг.), который в 1898—1904 годах был военным министром России, а с 1904 г. — Главнокомандующим вооруженными силами России на Дальнем Востоке, являлся сторонником и проводником экспансивной политики царизма на Дальнем Востоке.

В 1913 г. он издал специальную работу "Русско-китайский вопрос", в которой акцентирует на проблеме заселения китайцами Монголии на полосе границы с Россией в Сибири и видит в этом угрозу для страны. По его мнению, Китай осуществляет планомерную колонизацию монгольских земель и ставит задачу "окончательно разорить монголов, воспользоваться их землями и лишить какой бы то ни было самостоятельности" [15, с.107], превратить Монголию в китайскую провинцию [15, с.110].

А.Н.Куропаткин считал, что в этих условиях Россия должна оказать помощь монголам, "оградить северную Монголию от наплыва в нее китайских переселенцев и оградить монголов от окончательного разорения их" [15, с.129]. Конкретно это должно было выразиться в присоединении Монголии к России на правах автономии, а русская граница должна проходить по пустыне Гоби: "Продвинувшись до Гоби, Россия создаст между Россией и Китаем снова пустынную пограничную зону, и можно надеяться, что этим путем избегнет вооруженного столкновения с Китаем в XX столетии" [15, с.130].

Поручик Ю.Кушелев находился в Монголии по заданию Главного управления Генерального штаба с военно-научной целью. Он отметил "национальное и военное возрождение Китая" и неизбежность столкновения с Россией. Единственным надежным и вполне осуществимым средством, которое позволит обезопасить 6 тысяч километров русских границ, по его мнению, это отдалить от своих границ вооруженные силы Китая, ослабить их энергию воздействия на нашу границу" [16,

с.286]. Рецепт решения проблемы у него совпадал с подходом А.Н.Куропаткина. Он писал: "Нам следует принять монголов под свое покровительство, даже присоединить их к себе" [16, с.5]. По его мнению, Монголия должна продолжать выполнять роль надежного буфера "который обеспечивал нас от спавшего столько столетий Китая, и будет и должен обеспечивать от Китая, проснувшегося и вооружающегося" [16, с.3].

Для В.Томилина, автора исследования "Монголия и современное значение ея для России" (1913 г.) "разбуженный Китай" представляет опасность для России и "все надежды обращены теперь на Россию" [17, с.4]. Сохранить самостоятельность Монголии можно, по его мнению, только в случае присоединения Монголии к России "на вечные времена" [17, с.17]. Член Государственного Совета, Президент Российской Экспертной палаты В.И.Денисов в книге "Россия на Дальнем Востоке" (1913 г.) считал, что "Монголия, как и Северная Маньчжурия, должны стать русскими колониями" [18, с.147].

По мнению же крупной промышленной буржуазии и торговых кругов европейской части России освоение нового для них монгольского рынка представляло большие трудности, и они предпочитали освоенные рынки Ближнего Востока.

Московские предприниматели считали, что "Монголия не может служить рынком для нашей обрабатывающей промышленности, ибо кочевники Монголии слишком бедны, мало потребляют, пользуются дешевыми английскими, японскими и американскими товарами" [22, с.478]. Однако, терять и такой рынок не хотелось. "Было бы обидно, если бы русской промышленности пришлось потерять этот рынок", — писал А.Н.Аркадий-Петров [19, с.257].

Позиция самой влиятельной части русской буржуазии — представителей Московского промышленного района России была выражена в отчете "Московской торговой экспедиции в 1910 г.", снаряженной по инициативе сибирского купца Трапезникова. В экспедиции участвовали представители 73 фирм, среди них Рябушинские, Морозовы и т.д. Сибирские торговые круги также снарядили свою торговую экспедицию в Монголию, результаты которой были опубликованы в работе профессоров-экономистов Томского университета "Очерки Русско-Монгольской торговли".

Подход сибирских купцов отличался от позиции столичного купечества. Они были заинтересованы в торговле с Монголией и выступали против превращения ее в протекторат. Профессора М.И.Боголепов, М.Н.Соболев предлагали создать в Монголии нейтральное государство — буфер при гарантии крупных европейских государств.

Взгляды на проблемы русско-монгольских отношений представителей интеллигенции выражены в публикациях ведущих монголоведов России Б.Я.Владимирцова и В.Л.Котвича, статьях и воспоминаниях известного публициста и писателя, либерального народника И.И.Попова, работах ветеринарного врача А.П.Свечникова, языковеда и этнографа Н.П.Евстафиева.[1]

Представители сибирской демократической интеллигенции (Д.Першин, А.Свечников, Н.Евстафиев) считали, что Россия должна оказать Монголии помощь в создании независимого государства.

Серию статей о Монголии: "Современная Монголия", "Современное политическое положение Халхаской Монголии и силуэты деятелей монгольской независимости", "Русские в Монголии" опубликовал в иркутской газете "Сибирь" за 1912—1913 гг. чиновник особых поручений при иркутском генерал-губернаторе Д.П.Першин (псевд. Д.Даурский), этнограф и журналист.

В его оценках и характеристиках положения Монголии, состояния и перспективах развития торговли и культурных связей между Россией и Монголией были выражены прогрессивные взгляды по поводу "монгольского вопроса". Д.П.Першин выступал за создание самостоятельного монгольского государства и не согласился с мнением министра иностранных дел России С.Д.Сазонова, высказанного им в апреле 1912 г. в Государственной Думе о том, что "монголы Халхи не имеют ни войска, ни финансовой организации, ни деятелей, без которых невозможно самостоятельное государство" [12, с.2168].

Д.Першин же утверждал, что отделение Монголии — это не желание кучки авантюристов, а выступление всего народа Халхи, отмечает, что страна имеет своих государственных деятелей и дает их характеристику. Долг России он видит в том, чтобы оказать Монголии помощь и поддержку [20].

По мнению ученого Н.П.Евстафиева, которое основывалось на личных впечатлениях от путешествий и экспедиций по Монголии, главной задачей российской политики в Монголии должно быть "стремление снова вернуть доверие и уважение монголов к России и позаботиться о дальнейшем упрочении и взаимности между обеими странами" [21]. Мошенничество русских купцов, русская колония в Урге привели, считает Н.П.Евстафиев, к утрате искреннего доверия к России. Вернуть его можно следующими мерами: подъемом культуры и самодеятельности Сибири, подъемом культуры и самобытности монголов, проведением в жизнь принципов активной политики, опирающейся на активное население [21].

Не все демократические деятели России были уверены, что Монголия может создать независимое государство. Такое сомнение высказывал публицист, редактор-издатель газеты "Восточное обозрение" и известный общественный деятель И.И.Попов (1862-1949). В статье "По поводу автономии Монголии" (1912 г.), приветствуя сам факт отложения Монголии от Китая, он писал, что монголы не могут, на наш взгляд, образовать самостоятельного и сильного государства, могущего противостоять Китаю" [22]. Он считал, что поддержка Россией полностью независимого государства монголов может обострить отношения с Китаем, которого такой вариант не устраивал. Своей оценкой И.И.Попов как бы предвидел результат в 1915 г. и выступал за создание буферного государства.

Выпускник Восточного института во Владивостоке П.А.Бобрик, посетив в 1913 г. Монголию, писал: "Что такое самостоятельная Монголия? Страна, которая почти независимо от себя, благодаря сложившейся коньюктуре внешних обстоятельств, оказалась независимым государством" [23, с.60]. Довольно пессимистически оценивая будущее этого государства, он отмечал: "чтобы спасти Монголию (Халху) необходимо какой-либо из культурных стран взять ее под свое покровительство или хотя бы временное управление через посредничество своих представителей, необходимо сделать так, чтобы Монголия стала страной, которая могла бы сама себя содержать" [23, с.60].

Несмотря на различные подходы к данной проблеме позиция интеллигенции принципиально отличалась от мнения военных и промышленных кругов России, выступавших за захват и присоединение Монголии до пустыни Гоби к России.

Непоследовательность, нечеткость позиции России, ее Министерства иностранных дел, общее отношение к Монголии в России дана крупным русским монголоведом Б.Я.Владимирцовым. В письме в А.В.Бурдукову от 25 июня 1912 г. он пишет: "Министерство иностранных дел само не знает, чего хочет. Очевидно, наше правительство с одной стороны, как будто и хочет что-то сделать, но зато, с другой стороны, ничего решительно не знает и боится" [24, с.333]. Ведущий монголовед России и консультант МИД России

удрученно продолжал, "В России ведь абсолютно никто не знает о Монголии, никто ею не интересуется, как она важна и нужна для России и для Сибири в особенности" [24, с.333]. Разумеется, Б.Я.Владимирцов несколько утрированно обрисовал ситуацию, со свойственной настоящему ученому критичностью.

Другой крупный монголовед В.Л.Котвич в монографии "Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии" (1914 г.) писал о процессе формирования монгольской государственности: "еще не завершилось ни создание нового государства из княжеств, примкнувших к Ургинскому Богдо-гэгэну, ни его политическое устройство" [25, с.21].

А.П.Свечников — ветеринарный врач, продолжительное время работавший в Монголии, в публикации "Русские в Монголии" писал о необходимости развивать русско-монгольскую торговлю. Он обвинял в нерасторопности русское правительство, которое не оказывает никакой помощи русским купцам и предпринимателям. Такое положение пагубно тем более, что "Сибирь нуждается в монгольском скоте, а такие продукты, как шерсть, кожи, сурок идут далеко за пределы Сибири, особенно с проведением Сибирской железной дороги" [26, с.90]. Кроме того, по его мнению, Россия могла бы одевать и снабжать всем необходимым если не всю Монголию, то пограничные с нею аймаки. "Рынок западной Монголии, так далеко отстоящий от Китая, должен быть в руках русских. Здесь русские могли бы конкурировать с китайцами. И это тем более, что русские могли бы хорошо сбывать скот и продукты скотоводства в Западной Сибири и далее" [26, с.90].

Большое значение А.П.Свечников придавал распространению культурного влияния русских в Монголии. Деловыми отношениями не должны исчерпываться связи русских с монголами. "Монголия жаждет культуры и цивилизации" [26, с.149]. Он считает, что русские медики, зоотехники и агрономы смогли бы принести огромную пользу. Монголы "примут их там с распростертыми объятиями, ибо какой бы отсталой страной не была Монголия, она сумела сохранить высокую личную нравственность, она знает, что есть добро и зло и сумеет взять от европейской культуры все доброе и хорошее" [26, с.149].

Хорошо знающий жизнь монголов и оставивший интересные воспоминания "В старой и новой Монголии" (1969 г.) А.В.Бурдуков выступал против притеснений русскими купцами местного населения. Он мечтал изменить методы торговли русских в Монголии, такой попыткой было созданное им Товарищество, где пайщиками были русские и монголы. Он приветствовал отделение Монголии от Китая и выступал за самостоятельное развитие.

Таким образом, представители демократической интеллигенции выступали за создание независимого монгольского государства, за равноправность русско-монгольских отношений, предлагали России оказать помощь Монголии. Важнейшими задачами возрождения они считали оказание помощи в налаживании хозяйства монгольских кочевников, развитии торговых отношений. Особенное внимание они уделяли вопросу о необходимости помощи в области культуры и здравоохранения.

Таким образом, даже краткий анализ литературы российских авторов по вопросам русско-монгольских отношений свидетельствует о небывалом интересе в России к Монголии. Несмотря на полифонию мнений, они объединяются в два направления: за присоединение Монголии к России и оказание помощи в становлении национальной государственности.

Назрела необходимость глубокого и более взвешенного анализа истории внешней политики России и Монголии. Представляется плодотворным рассмотреть ее не только с классовых интересов различных слоев России, а с точки зрения национальных интересов русского государства на Востоке.

Несмотря на большое количество публикаций, посвященных дореволюционной Монголии, проблемам русско-монгольских дипломатических и экономических отношений уделяется незначительное внимание.

В архивах России: АВПР, ЦГИА, ЦГВИА, ГАИО находятся уникальные материалы русско-монгольских отношений 1911-1915 гг., используемые учеными крайне редко и фрагментарно.

Интересные сведения о русско-монгольских связях находятся в Государственном Архиве Иркутской области (25 фонд). Через Иркутск осуществлялись связи с Генеральным консулом в Урге, консулами в Харбине, Кобдо, Улясутае, поэтому здесь отложились ценные материалы по проблеме.

В настоящее время активно расширяются отношения России со странами Востока, поэтому важным и актуальным представляется глубокое изучение опыта русско-монгольских отношений, успехов, проблем и трудностей этих связей в прошлом.

Примечания

1 Евстафиев Н.П. — этнограф и языковед. Закончил ист.-фил. факультет Софийского университета и восточный факультет Петербургского университета. Участвовал в Орхонской экспедиции в Монголию.

Литература

1. Романов Б. Россия и Маньчжурия. 1928, его же, Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907), М.-Л., — 1947.
2. Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики 1906-1910 гг. М., — 1961.
3. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических стран на Дальнем Востоке. 1860-1895., — 1956.
4. Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав на Дальнем Востоке в 1906-1917 гг. Томск, — 1965.
5. Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., — 1957.
6. Лузянин С.Г. Русско-монгольские отношения в 1911-1919 гг. диссертация на соиск. уч. степени канд. истор. наук., Томск, — 1984.
7. Попов А.Л. Царская Россия и Монголия в 1913-1914гг. // Красный архив, 1929. — № 6(37). — С.3-14.
8. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М. — 1987.
9. Шойжелов С.А. Монголия и царская Россия // Новый Восток. — Л. — 1926, № 13-14.
10. Белов Е.А. Позиция Россия и Китая в отношении Монголии после провозглашения ею независимости (1911-1912 гг.) // Двадцать вторая научная конференция "Общество и государство в Китае", М. — 1991, — ч.2, — С.112-117.
11. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли // Экспедиция в Монголию в 1910 г. Томск. — 1911, Московская торговая экспедиция в 1910 г. М. — 1912.

12. Государственная Дума. III созыв. Стенограф. отчет. 1912 — сессия V — ч.3, — зас.104. — СПб.
13. Милюков Н.П. Воспоминания (1859-1917). М., 1990. — Т.2.
14. Даревская Е.М. Монгольский вопрос в общественном мнении России // Труды IV Международного конгресса монголоведов. Улан-Батор. — 1982.
15. Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. Пг. — 1913.
16. Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. Пг. — 1912.
17. Томилин В. Монголия и современне ея значение для России. Пг. — 1913.
18. Денисов В.И. Россия на Дальнем Востоке. Пг. — 1913.
19. Аркадий-Петров А.Н. Монголия как мировой мясной рынок // Русский экспорт, 1912 — № 12.
20. Даурский Д. Современная Монголия // Сибирь, 1912. — 23 февраля.
21. Томский К. Монголия и монголы. Доклад Н.П.Евстафиева в С-П. Собрании // Обская жизнь, 1912 — 20 января.
22. Попов И.И. По поводу автономии Монголии // Сибирь, 1912 — 21 окт.
23. Бобрик П.А. Очерк торгово-промышленного и административного быта. Владивосток, — 1914.
24. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М. — 1969.
25. Котвич В.Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. Пг. — 1914.
26. Свечников А.П. Русские в Монголии. СПб. — 1912.

С.Кибирова

Лютни Центральной Азии в инструментарии монголов, бурят и уйгуров

Народы Центральной Азии с древнейших времен и на протяжении многих веков являются участниками единого процесса эволюции общества. Долговременные вхождения в составы могущественных государственных объединений, сходность исторических судеб, хозяйственно-культурного типа, верований и проч. способствовали выработке общих черт в культурах многих народов Евразии. Трудно переоценить значение межконтинентальной трассы Шелкового пути по всем артериям которого на протяжении более полутора тысячи лет от Испании до Японии происходил энергичный контакт-взаимодействие-синтез этносов, религий и культур Запада и Востока. Общность культур различных народов Центральной Азии на разных этапах исторического развития проявляется в определенных аспектах материального и духовного творчества населения отдельных регионов: в предметах быта, традиционных обрядах, архитектуре, музыке, музыкальных инструментах, орнаменте, одежде и мн.др.

Музыка и музыкальные инструменты монголов—одна из важных составных музыкальной культуры народов Центральной Азии. В отечественном музыкознании пока, к сожалению, мало работ, посвященных исследованию музыкальной культуры монголов. Это труды замечательных русских этнографов А.Руднева [1], Б.Владимирцова [2], А.Кондратьева [3], Б.Смирнова [4], П.Берлинского [5], созданные в первой половине XX в. на основе материалов, собранных авторами во время экспедиционных работ в Монголии; а также исследования М.Каратыгиной [6, 7]. Преимущественно эти работы посвящены этно-лингвистике, мелодиям, песням и, главным образом, эпосу монгольского народа. В то же время, информации о народных музыкальных инструментах монголов мало. Так,статья М.Каратыгиной [6] обращена к исследованию исполнительства на моринхуре—главном музыкальном инструменте монголов. Отдельные сведения о монгольском инструментарии содержатся в трудах Б.Смирнова и С.Кондратьева. Например, о хучире — смычковом струнном инструменте, сопровождавшем обычно исполнение песен и эпических сказаний, в частности известным монгольским певцом и музыкантом Лубсаном,— С.Кондратьев пишет: "Хучир (ху-цин)—инструмент китайского происхождения... Четыре струны хучира строятся унисонными парами с интервалом квинты между ними. Смычок — дугообразная трость, концы которой стянуты двумя пучками конского волоса. Каждый из них проходит между двумя струнами, настроенными в квинту. Таким образом, смычок неотделим от инструмента" [8, с.54] Опуская дальнейшее описание хучира, обратим внимание на своеобразный способ звукоизвлечения оригинальным смычком. Дело в том, что смычок не был известен в Китае, равно как и других странах Востока и много шире, до X в. В сохранившемся уйгурском тексте X в. упоминается струнный смычковый инструмент qopuz: "Принц был весьма искусен в игре на копузе (кобузе) ... его руки играли на копузе (кобузе), а уста—пели". [9, p.44]. Гамильтон считает, что термин "qopuz" соответствует в более древней версии этого текста на китайском языке терминам "Ta fang pien" и "tehen", обозначающим ситару (cithare), имевшую вначале 5, затем 12 и 13 струн [9, прим.89]. Упоминаемый с X в. в уйгурских источниках двухструнный кобуз "...согласно более древним источникам, ... выступал и как смычковый, и как щипковый инструмент". В китайском источнике XII в. "Yuan-shi" hsi-ch'in — это "Фрикционный (смычковый — С.К.) инструмент с двумя струнами, звук на котором воспроизводился с помощью бамбуковой палочки, просунутой между струнами, появляется ... вместе с hu-ch'in в группе инструментов hu. ...Этот инструмент был особенно популярен у hsi, одного из племен tuhg-hu со старомонгольской культурой, и проник в Китай как народный инструмент" [10, сс.355, 356]. К.Закс, В.Бахман, Н.Бесарабов и другие этноорганологи сходятся на центральноазиатском происхождении смычка: "... смычок возник у уйгуров и привнесен вместе со струнно-смычковым инструментом в Европу..." [11, сс.103, 113, 116, прим.6]. В XI в. уйгурским термином кобуз обозначался как отдельный инструмент, так и игра или соревнования на инструментах семейства лютен: кобзащді—соревновались в игре на кобузе; кобзалді—слышно игру на кобузе; кобзатті—согласился играть на кобузе; ол кобуз кобзаді—он играл на кобузе. Лютня кобуз охарактеризована М.Кашгари как "музыкальный инструмент, похожий на уд", то есть с грушевидным корпусом. Сведений о числе струн, способе звукоизвлечения, технике игры и пр. не содержится. Можно предположить, что лютня использовалась и как щипково-плекторная, и как смычковая [12, т.1, с.346; т.2, сс.255, 277, 387; т.3, с.298]. Очевидно, что это инструмент кочевников Центральной Азии, а название лютни "... оклу quoiz (смычковый кобуз) — тюркских народов Средней и Передней Азии (XIII в.)" [10], от тюркского слова qovuz, произносимого для изгнания злого духа [13, сс.461-462],— дает возможность предположить, что инструмент использовался шаманами.

Описание монгольской плекторной лютни есть у Б.Смирнова: "Популярный струнно-плекторный инструмент шанза (в старину шудургоу) — своеобразная гитара Востока — имеет длинный гриф, небольшой овальной формы корпус с передней и задней кожаными деками и три шелковые струны... Шанза — излюбленный инструмент девушек, исполняющих песни богино-дуу. Бархатный тембр звука и разнообразные приемы звукоизвлечения, большой диапазон и широкие возможности выразительной игры, как сольной, так и оркестровой, — все эти качества сообщают шанзе богатые художественные и технические достоинства. Звучание ансамбля шанзисток, кантиленное в тремоло, остро ритмическое в бряцании, рокочущее в стаккато пиано, производит ни с чем не сравнимое впечатление". Общая длина инструмента 117 см, длина грифа 83 см, длина струн до подставки 95 см, высота мембраны 28 см, ширина — 18 см, глубина корпуса 8,5 см [14, с.52]. Ценны сведения о звучании инструмента и его использовании в традиционном инструментальном музицировании: играют как женщины, так и мужчины, но преобладает женское, причем ансамблевое музицирование. Способ звукоизвлечения — как плектором, так и щипком, на что указывает ремарка автора "остро ритмическое в бряцании". Кстати, бряцание указательным и большим пальцами при согнутых среднем, безымянном и мизинце — исключительно женский прием исполнительства, чрезвычайно характерный для женщин Восточного Туркестана, Средней Азии и других стран Востока, известный с древности и весьма популярный в последние века.

Женское исполнительство — инструментальное, вокальное, танцевальное, — известно и высоко ценилось с древнейших времени. Входя в состав драгоценностей, таких как шелк, нефрит, лошади, серебро и мн.др., музыканты с различными музыкальными инструментами, преимущественно молоденькие женщины и девушки — танцовщицы, певицы, инструменталистки, различными путями попадали в Китай и далее на Восток из государств Западного края. Захватываясь в виде трофеев, приносимые в дар китайским императорам, как дипломатические подношения и проч., — музыка, инструменты, танцы активно транспортировались по всему руслу Шелкового пути. Взаимообогащению культур способствовала политика китайских императоров, особенно эпохи Суй-Тан, всячески поощрявших иноземную или варварскую (хускую, от "ху" — варвар) музыку. Конец эпохи Суй и время правления династии Тан отмечены особенно пышным расцветом культуры и музыки при китайском дворе, когда многие придворные музыканты, равно как музыкальные инструменты, пьесы, танцы и проч., по сути представляли собой россыпь музыкальных культур государств Западного края.

О популярности женского инструментального исполнительства в Монголии X-XIII вв., причем в ансамблях и оркестрах, пишет В.Васильев, ссылаясь на свидетельство китайского путешественника: "Когда царь выступает в поход, за ним следует женский оркестр, состоящий из 17-18 красавиц, весьма искусных в игре. Они играют большей частью на 14 струнном инструменте. Когда наш посланник прощался, то царь приказал провожатому: "В каждом хорошем городе останавливай его на несколько дней, давай лучшего вина, чаю, пищи, чтобы хорошие мальчики-музыканты играли для него на флейте, а красавицы бряцали на инструментах" [15, с.234-235].

Шанза бытует и в народном инструментарии бурят под названием чанза или шандза. Традиционный струнно-щипковый инструмент бурят имеет 3 струны, "... с деревянным корпусом овальной формы, сверху и снизу затянут мембраной (часто из змеиной кожи) или закрытым деревянными деками. Шейка без ладов. Она непосредственно переходит в головку. Колки деревянные. Струны шелковые или металлические. Инструмент имеет лишь ограниченное распространение, главным образом среди отдельных музыкантов профессионалов, которые в ансамблях применяют чанзы двух размеров (большую и малую), снабженные ладами, из орехового дерева. Чанзы первая, вторая, альт и бас введены в Оркестр народных инструментов Комитета радиовещания и телевидения Бурятской АССР" [16, с.189]. Итак, кроме вариантов названия шанзы и возможной замены кожаной мембраны на деревянные деки, в Бурятии наблюдается ощутимое сужение круга функционирования инструмента в традиционном инструментальном музицировании, а в последние годы — вплоть до "отдельных музыкантов профессионалов". И если популярный народный инструмент бурят чанза был "без ладов", то в народно-профессиональной среде лютню снабжают ладками и появляются ее разновидности: в ансамблях два вида (большие и малые), а в оркестрах — четыре, по аналогии со смычковыми в европейском симфоническом оркестре (первые, вторые скрипки, альты и виолончели).

Некоторую полемику среди исследователей вызвал вопрос о происхождении инструмента. Не всегда плодотворно искать родину того или иного органона по его названию. Часто предмет или явление культуры того или иного народа, будучи заимствованным или привнесенным, на другой почве обрастает местными обозначениями. Так произошло с музыкой, инструментами, танцами и песнями Западного края, привнесенными в Китай, где вся терминология, включая названия инструментов, танцев, песен, музыкальных пьес и т.д. были заменены китайскими обозначениями за редкими исключениями, когда сохранялся их реликт. Позже — с арабским нашествием и исламизацией, музыкальная терминология на огромной территории стала единой, равно как в последнее время почти весь музыкальный мир пользуется итальянским языком для обозначения известных всем инструментов симфонического оркестра, штрихов, нюансов и т.д. Именно название шанза" позволило некоторым авторам считать, что инструмент "китайского происхождения (саньсянь)" [16, с.189]. И.Алендер, хотя и выводит этимологию названия шанзы — саньсянь от китайских "сань" — три и "сянь" — струна, что соответствует реальному числу струн на этой пиколютне, приходит все же к выводу, что инструмент "не китайского происхождения" [17, с.17].

Кроме шанзы в инструментарии бурят, как и у монголов, бытуют смычковые хучир и моринхур — под теми же названиями и идентичные по морфологии. Хур — общее обозначение для музыкального инструмента в монгольском языке и применимо к различным инструментам. Моринхур имеет трапециевидный корпус, обтянутый иногда только с лицевой, иногда с обеих сторон кожей. Гриф — узкий, длинный, без ладков. Характерная особенность — головка в виде конской головы, загнута вперед. Часто и хучир имеет головку в виде конской головы, иногда — головы дракона, лебедя или верблюда, — также загнутую вперед. Любопытно, что более раннее название шанзы — шудургоу, как пишет Б.Смирнов, и соответствует монгольскому "шудрага", что значит прямой. Возможно имеется в виду прямая головка у шанзы, в отличие от хучира и моринхура. А М.Каратыгина дает довольно широкий ареал распространения родственных моринхуру инструментов: "В Китае этот инструмент называется матоуцинем, у тувинцев — тошпулуром, родственные моринхуру — хучир (монголов, бурят), хуур (Бурятия), икили (Алтай), пи-уан (Тибет), эху, эрху, сыху и т.д. (Китай)" [6, с.64]. Все эти инструменты объединяет, возможно, фракционный способ звукоизвлечения, а в остальных параметрах — например морфологически, между ними принципиальная разница, которая очевидна даже при сравнении моринхура и хучира.

Важной для нас является информация о бытовании у уйгуров илийской долины XIX в. целого ряда музыкальных инструментов с китайскими названиями. Это сыху (сыхуза),

эрху (ырхуза), зын, пипа и шанза, или как пишет Н.Пантусов: "Шенза или санъ-шенза": состоят они из кузова-обечайки, обтянутого с двух сторон кожаной мембраной и грифа без ладов. Мембраной служила рыбья кожа (по кит. "ша-ю-пи"). Инструмент имел три жильные струны (зи-шен — тонкая, ы-шен — средняя и ло-шен — толстая) и обладал "звенящим" звуком. Илийцы извлекали звук щипком [18, сс.5, 9]. В XIX в. шанза уйгуров идентична шанзе монголов и чанзе бурят. Варьировался материал, используемый для деки, а также для струн. Показательно, что обозначения сегментов инструмента и названия струн даны на китайском языке — так, как они использовались по отношению к нескольким инструментам в практике инструментального музицирования уйгуров XIX в. Н.Пантусов высказывает мнение, что шенза "перенята от китайцев. Это тот же ревоб таранчей на китайский лад — хытайчи ревоб" [там же], т.е. китайский раваб. Таранчами называли уйгуров, переселенных в илийскую долину из Восточного Туркестана (1770-х г.). Раваб — древнейший уйгурский народный плекторный хордофон, бытующий в уйгурском инструментарии по всем местам их обитания. По локальным зонам различается две разновидности уйгурского раваба: доланский и кашгарский. Более древняя разновидность кашгарского — койчилар раваб (пастушеский раваб), — все реже встречается в практике инструментального музицирования. Характерной особенностью кашгарского раваба является наличие у основания шейки двух, симметрично расположенных роговидных отростков, а также загнутая назад головка. Эти детали, не имея практического значения и являясь реликтами, несут на себе более древние следы, связанные с космологическими представлениями, культом огня, рогатого скота, антропоморфизма, соляризма, религиозного ритуала и др. — словом древней кочевой культуры.

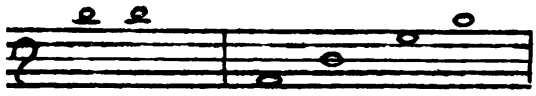
Радиус обитания уйгуров был весьма широк, а "Материальная культура древних уйгуров имеет глубокие центральноазиатские корни, и именно уйгуры начали серьезно насаждать в центральноазиатских степях и Южной Сибири оседлую цивилизацию с обширными многоквартальными городами и крепостями... Своеобразная и высокая культура древних уйгуров оставила значительный след в истории Центральной Азии и Южной Сибири" [19, с.54]. Грум-Гржимайло, приведя цитату Фасаня о том, что подъезжая к Карашару, он записал: "прибыл в землю Уй" (399 г.), добавляет "...уйгуры действительно жили в IV в. в землях Восточного Туркестана" [20, с.303], а "в V в. значительная часть гаогюйцев (ок. 100 тыс. юрт), перекочевав в район Турфана, образовала государство Гаогюй... В период Суйской династии (589-618) гаогюйцы были известны под именем теле. ... Основу конфедерации теле составляли племена уйгуров" [21, с.88]. Именно с Восточным Туркестаном связана окончательная консолидация уйгуров в единый народ, а "с VIII в. уйгуры выступали в роли культуртрегеров Центральной Азии и сохранили это свое значение в течение ряда столетий" [22, с.221]. На протяжении последних двенадцати веков уйгуры проживают на территории Восточного Туркестана или по нынешнему административному делению СУАР — Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР.

С Монголией уйгуров связывают давние и прочные контакты. На территории современной Монголии в середине VIII в. было создано Уйгурское государство: "Период существования в степях Центральной Азии Уйгурского каганата (745-840 гг.), — блестящая страница в истории уйгуров. Создав свое независимое государство, они достигли значительных успехов не только в военной области, но также в хозяйственной и культурной жизни", [23, с.55], а "...после восстания Ань Лу-шаня (755-763 гг.), ... каганат стал самой могущественной державой Восточной Азии" [23, с.65]. Именно к уйгурам обращались монгольские императоры за помощью, когда нуждались в деньгах, "например, при одном Угэдэ заплачено было им в счет долга 76 тыс. серебряных слитков; равным образом, когда князья крови и вообще сильные люди той эпохи нуждались в жемчуге и других камнях, в Уйгурию же посылали они людей своих за всем этим..." [20, с.302]. После монгольского завоевания лучшая часть населения Восточного Туркестана была уведена в завоевательные походы, а монголы переняли уйгурскую письменность. Сведения об этом содержатся в монгольской хронике династии Юань, а также "... в биографиях выдающихся деятелей, среди которых было много уйгуров" [24, с.12].

В раннем средневековье, после переселения уйгуров с территории Монголии в Восточный Туркестан, их традиционный инструментарий претерпел радикальные изменения. Трансформация шла медленно, но вместе с новыми эстетическими вкусами, критерием звукоидеала, интонацией — к позднему средневековью произошли существенные перемены не только отдельных инструментов, их групп, видов, но и всей музыкальной культуры уйгуров. Склонность к открытости, восприятию и активной творческой переработке культурных достижений, особенно музыки, пожалуй, одна из ярчайших черт национального характера уйгуров. Музыкальные инструменты привнесенные в инструментарий уйгуров из других культур, подверглись различным изменениям — подчиняясь музыке, ритмам, интонационной канве и проч., более того — шла локализация по географическим зонам внутри Восточного Туркестана и местам обитания уйгуров на территориях Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и др.

Шанза в инструментарии уйгуров XX в., по сравнению с описанной шанзой XIX в. илийских уйгуров, существенно изменилась. Обычно она изготавливалась из древесины шелковицы, иногда ели или урюка. Корпус-резонатор овальной формы и с обеих сторон обтянут кожей. Гриф — узкий, прямой и длинный — переходил в корпус; инструмент не имел ладков. Общая длина шанзы 110-120 см, длина мембраны — 30-35 см, ширина — 20-22 см, глубина корпуса — 6-9 см. Все чаще используясь народно-профессиональными исполнителями в различных сочетаниях с другими уйгурскими инструментами — для исполнения инструментальных пьес, аккомпанируя танцам и пению, сопровождая исполнение монументального инструментально-вокально-танцевального цикла "12 мукамов" — шанза подвергается изменениям. Принципиально новым, в отличие от шанзы монголов и чанзы бурят, является использование этого хордофона у уйгуров как смычкового. Фрикционный способ звукоизвлечения в свою очередь изменил позу исполнителя: инструмент стали держать не горизонтально, как все щипково-плекторные, а вертикально, — оперев основание корпуса о колено игреца. Новое положение инструмента в руках исполнителя увеличило нагрузку на гриф и, соответственно, на полый корпус — резонатор. Во избежание деформации резонатора при игре смычком (натяжение струн и вес левой руки на грифе) — стали делать сквозной гриф, который проходит через резонатор и переходит в деревянный или металлический штифт на основании корпуса. Кроме того на грифе появились ладки, а число струн увеличилось до шести. Вместе с илийскими уйгурами шанза получила широкое распространение у уйгуров Казахстана, особенно в г.Алма-Ате. С 1934 г. в среде народно-профессиональных музыкантов, а позже — в составе оркестра уйгурских народных инструментов Уйгурского театра драмы и муз. комедии г.Алма-Аты, происходят дальнейшие изменения шанзы. В основном все новшества принадлежат замечательному музыканту, солисту оркестра уйгурских народных инструментов, исполнителю на многих музыкальных инструментах уйгуров Касымджану Иминову. Изменяется форма основной подставки под струны на мембране: по аналогии с уйгурским

хордофоном сатаром, на подставке делается специальное возвышение для пары основных игровых струн, так что при звукоизвлечении смычком остальные четыре струны, расположенные ниже, не задеваются, а лишь резонируют. На грифе навязываются жильные ладки числом от 15 до 17. Шанза используется как мужской инструмент, сольно, в ансамблях и оркестрах уйгурских инструментов. При сольном исполнении основные струны настраиваются по голосу певца от "Ля" до "Ре". При звучании в ансамблях и оркестрах традиционна настройка на "Ре". Настройка шести струн шанзы уйгуров следующая:



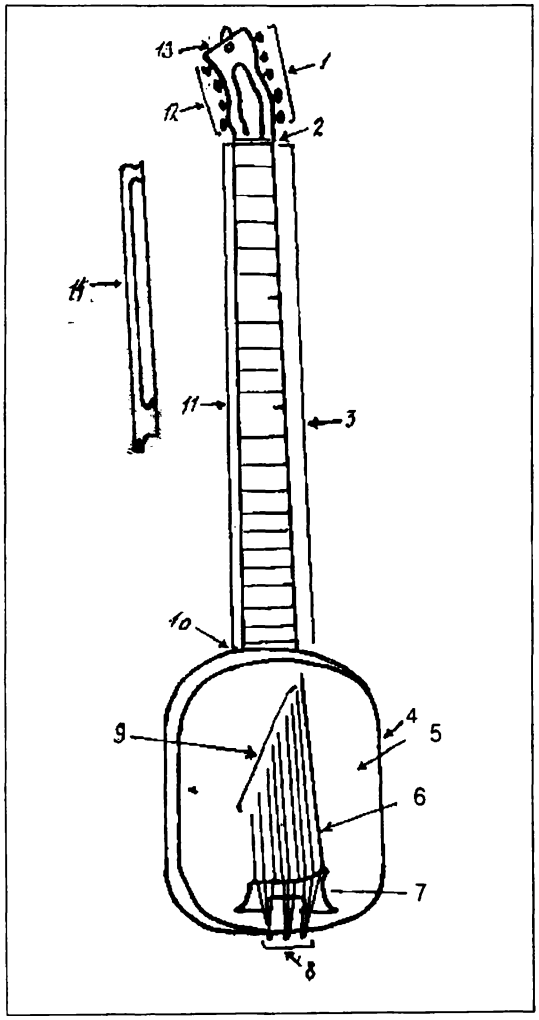


Рис.1. Шанза: 1 — Колки (кулаклар), 2 — Верхний порожек (кичик тапкя), 3 — Основные жильные ладки (тиркич пядиляр), 4 — Корпус-резонатор (беши), 5 — Мембрана из кожи (теря узлюк), 6 — основная жильная игровая струна (асасий тиркич тар), 7 — нижняя основная подставка (асасий тапкя), 8 — пуговка для закрепления струн (тугмича), 9 — стальные резонирующие струны (сим тарлар), 10 — шейка — место соединения корпуса с грифом (бойины), 11 — гриф с ладками (дастэ), 12 — верхняя часть грифа (дастэ учи) — головка, 13 — петелька для подвешивания инструмента (ильгуч), 14 — смычок (кямян).

В дальнейшем число струн было увеличено до девяти, а ладков на грифе стало 21: 19 основных и 2 дополнительных (см. рис.1). Существенно, что изменилась дифференциация струн: одна игровая и восемь

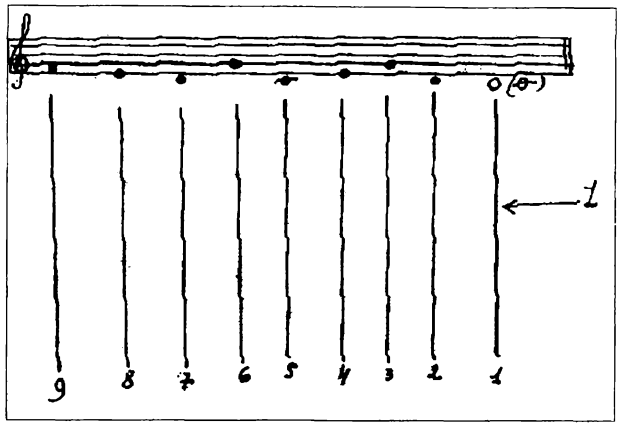


Рис.2. Настройка девяти струн шанзы: одной мелодической и восьми резонирующих; 1 — основная мелодическая струна; 2-9 — резонирующие струны.

резонирующих. Соответственно изменились звукоряд и диапазон игровой струны (увеличился до 2-х октав), а также строй резонирующих струн (см.рис.2). Инструмент транспонирующий, то есть звучит на октаву ниже записи. Звук извлекается чаще всего смычком от скрипки. Любопытно, что фрикционный способ звукоизвлечения закрепился на шанзе лишь у уйгуров, у монголов и бурят — она по-прежнему используется как плекторно-щипковая. Прекрасный знаток уйгурской музыки, виртуоз-исполнитель, яркий музыкант К.Иминов не только значительно усовершенствовал шанзу, но и блестяще овладел игрой на ней. Шанза постоянно звучала на различных концертах и музыкальных представлениях, а в 1939 г. — в г.Москве — в составе ансамбля музыки и танца уйгуров Казахстана на сцене Большого театра и на открытии ВДНХ. (см.рис.3). В программах концертов декады Казахстана в Москве участвовали известные уйгурские музыканты: А.Акбаров, Н.Кибиров, К.Иминов, Б.Исраилов, Р.Талипов, Т.Садирова, М.Кибиров и др. (см. рис.4). Это был период наиболее активного функционирования шанзы в инструментальной культуре уйгуров первой половины XX в. В руках профессионального музыканта К.Иминова шанза конструктивно изменилась и зазвучала на "уйгурский лад". Звук у шанзы густой, богатый обертонами, приглушенно-бархатный и по тембру сходен со звучанием виолончели. Характерно исполнение на шанзе протяжно-лирических инструментальных пьес и песен. Часто шанза звучала в сочетаниях с дутаром, тамбуром, равабом, геджаком, или в оркестре — с духовыми и ударными инструментами. Уйгурская шанза получила все обозначения сегментов на уйгурском языке, звучание ее органично влилось в хор уйгурских народных инструментов, и она получила признание у широкой публики. К сожалению во второй половине XX в. в Казахстане

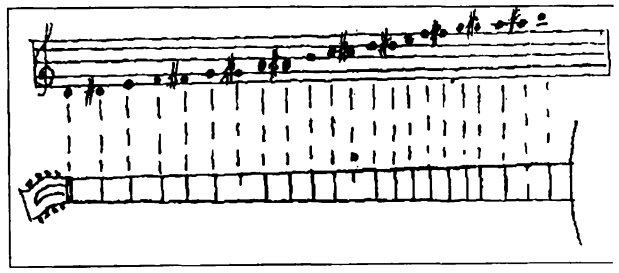


Рис.1. Гриф с ладками. Звукоряд и диапазон.

шанза практически выбыла из употребления. Причин может быть много: общий упадок интереса к народному творчеству вообще и музыке в частности; кризис социально-экономический и распад государства; уход учителей и мастеров, в связи с чем прерывается связь традиций, гибнут школы инструментального музицирования, уходят мастера по изготовлению музыкальных инструментов, исполнителей, и т.д. Что касается шанзы, то со смертью К.Иминова практически никто не концертировал более с этим инструментом. Возможно шанза, как и любой другой музыкальный инструмент, попадет еще в руки музыканта-исполнителя-творца, который возродит ее к новой жизни и она вновь запоет своим прекрасным голосом уйгурские мелодии.

Завершая статью, хочу выразить особую благодарность информаторам, сообщившим сведения о бытовании шанзы у уйгуров в первой половине XX в.: Низаму Кибирову — композитору, инструменталисту, участнику декады Казахстана в Москве в 1939 г. (в возрасте 14 лет); а также ныне покойному Касымджану Иминову, с кем автору посчастливилось общаться.

Рис.3. 2-й справа сидит — К.Иминов с шанзой, 1939 г.

Рис.4. Акбаров А., Кибиров Н., Иминов К., Исраилов Б., Талипов Р., Садирова Т., Кибиров М. — сидят (средний ряд). 1939, Москва, открытие ВДНХ.

Примечания

1. Руднев А.Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., — 1911; Мелодии монгольских племен.// Записки Императорского РГО по отделению этнографии. — Том XXXIV. /Сб. в честь 70-летия Г.Н.Потанина. — СПб., — 1909 г.
2. Владимирцов Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентэйском районах. // Сб. "Северная Монголия". II. Изд. АН СССР. — Л., — 1927.
3. Кондратьев С.А. О работах по изучению монгольской музыки в октябре-декабре 1923 г. Изд. РГО, Т.LVI, вып. 1. — М., — 1924.
4. Смирнов Б.Ф. Музыкальная культура Монголии. — М., Музгиз, 1963; Монгольская народная музыка. М., — Сов.комп., — 1971; Музыка Народной Монголии (Послеслов. Л.Н.Лебединского). М., — Музыка, — 1975.
5. Берлинский П. Монгольский певец и музыкант Ульдзуй-Лубсан-хурчи. — М., — 1933.
6. Каратыгина М.Н. Отражение мировоззрения монголов в традиции игры на моринхуре. (Музыкальные традиции стран Азии и Африки). Сб.ст. М., — 1986.
7. Каратыгина М., Дорволжингийн Оюунцэцэг. О смысловой многозначности ладовых монгольских музыкальных терминов. (Проблемы терминологии в музыкальных культурах Азии, Африки и Америки. Сб. научн. трудов. М., — 1990.
8. Кондратьев С.А. Музыка монгольского эпоса и песен. М., — 1970.
9. Hamilton J.R. Le conte bouddhique du Bon et du Mauvais prince en version ouigoure. — Paris, 1971, — LXX, 7, p.43; XXI, I.
10. Бахман В. Среднеазиатские источники о родине смычковых инструментов. // Музыка народов Азии и Африки. Вып. 2, — М., — 1973.
11. Дончев Слави. Към въпроса за произхода и най-ранната поява на струнните лъкови инструменти в Европа / Музикални хоризонти. София бюллетин. Съюз на Музикалните зейци в България. № 4, — 1984. — С.102-138.
12. Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар девони. / Девону луготит тўрк / Ўч томлик. Тошкент, Фан, т.1. — 1960, — Т.2. — 1961; Т.3. — 1963.
13. Древнетюркский словарь. Алма-Ата, АН Каз.ССР — 1969.
14. Смирнов Б.Ф. Музыка народной Монголии. М. — Музыка — 1975.
15. Васильев В.П. История и древности Восточной и Средней Азии с X до XIII века, с примечанием перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб. — типогр. Имп. АН — 1957.
16. Вертков К.А., Благодатов Г.И., Язовицкая Э.Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР. Изд. 2-е, М. — Музыка — 1975.
17. Музыкальные инструменты Китая. Иллюстрированный очерк. / Авторизованный перевод с кит. под ред. и с дополн. И.З.Алендера. М. — Гос. муз. изд. — 1958.
18. Пантусов Н.Н. Таранчинские песни / записки Имп. РГО — Т.XVII — Вып. 1. СПб. — 1890.
19. Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII-IX вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М. — Наука — 1981.
20. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. В 3 т. Изд. I-е — СПб.— 1896.
21. Краткая история уйгуров /Авторский колл. Отв. ред. Г.С.Садвакасов, Г.М.Исхаков. Алма-Ата. Ғылым, 1991.
22. Захарова И.В. Материальная культура уйгуров Советского Союза // Среднеазиатский этнографический сборник. П.М. — Изд. АН СССР — 1959.
23. Малявкин А.Г. Реальное значение термина "гун" в сообщениях китайских источников, касающихся сношений уйгуров с Китаем в X в. // История и культура Востока Азии. Т.3 — Новосибирск — 1975.
24. Малявкин А.Г. Источники по истории уйгуров IX-XIIвв. / Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. н. — 1971.

В.К.Шивлянова

Коллекция валиков Б.Я.Владимирцова в Пушкинском доме

В фонограммархиве Института Русской Литературы (Пушкинский Дом) РАН хранится уникальная коллекция фонографических валиков с записями эпоса и музыкального фольклора ойратов, собранная Б.Я.Владимирцовым в 1912-1913 гг. в Северо-Западной Монголии. Коллекция из 24-х валиков была передана в 1931 г. из бывшего Азиатского музея Академии Наук сначала в Фонограммархив фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР, а затем после Великой Отечественной войны вместе со всем фонограммархивом — в Институт Русской Литературы со следующей описью:

№ валиков	Народ	Местность и время записи	Собиратель	№ коллекции	Содержание записи
3146	ойраты (баиты)	С.-З.Монголия Кобдоский окр. Баитский р-он р.Хангельцык горы Ху-хэ 1912-1913 гг.	Б.Я.Владимирцов	LXXXI	Рассказ о Генден- Баторе (о войне 1912 г.)
3147	— " —	— " —	— " —	— " —	Запись говора
3148	олеты	— " —	— " —	— " —	Песня олетская
3149	баиты	— " —	— " —	— " —	Дайни Кюрюль (былина)
3150	— " —	— " —	— " —	— " —	Свадебные благопожелания
3151	— " —	— " —	— " —	— " —	Былина
3152	— " —	— " —	— " —	— " —	Ламская песня
3153	— " —	— " —	— " —	— " —	Песня (напев духовного стиха)
3154	— " —	— " —	— " —	— " —	1. Былина. 2. Песня "Шадзага шовун" (Сорока-птица)
3155	— " —	— " —	— " —	— " —	1. Шуно (былина). 2. Рассказ
3156	— " —	— " —	— " —	— " —	1. Рассказ. 2.Благопожелания. 3. Песня
3157	— " —	— " —	— " —	— " —	Былинный напев
3158	— " —	— " —	— " —	— " —	Песня
3159	— " —	— " —	— " —	— " —	Сказка
3160	— " —	— " —	— " —	— " —	Песня
3161	— " —	— " —	— " —	— " —	Бум Эрдени (былина)
3162	торгуты	— " —	— " —	— " —	Песня торгутская
3163	баиты	— " —	— " —	— " —	1.Благопожелания. 2. Разговор

№ валиков	Народ	Местность и время записи	Собиратель	№ коллекции	Содержание записи
3164	баиты	С.-З.Монголия, Кобдоский окр., Баитский р-он, р.Хангельцык. горы Ху-Хэ. 1912-1913 гг.	Б.Я.Владимирцов	— " —	Песня
3165	— " —	— " —	— " —	— " —	Былина
3166	— " —	— " —	— " —	— " —	Былина
3167	— " —	— " —	— " —	— " —	Тергини арндзан (Прекрасный выездной конь)
3168	— " —	— " —	— " —	— " —	Бор мерин (Серый конь)
3169	— " —	— " —	— " —	— " —	Мини мендэ (Мой привет)

Одновременно с валиками Владимирцова в Фонограммархив поступила большая коллекция из 37 валиков с записями фольклора волжских калмыков, произведенными Н.Очировым, согласно описи, в 1910 г.[1]

Долгое время описи этих коллекций оставались без каких-либо изменений, хотя названия некоторых записей требовали уточнений в написании, а также исправлений.

Благодаря представленной мне в 1988-1989 гг. возможности изучения записей Б.Я.Владимирцова и Н.Очирова непосредственно в Фонограммархиве Пушкинского Дома удалось большую часть песен и эпических напевов переложить на ноты, сверить описи с найденной в этом же архиве в папке № 30 "Калмыки" подробной описью записанного Б.Я.Владимирцовым ойратского фольклора, выполненной А.В.Бурдуковым в феврале 1936 г. В развернутой описи А.В.Бурдукова даются названия некоторых песен, указывается исполнитель былин и рассказов — Парчен, кратко пересказывается содержание отдельных песен. В настоящее время без нее весьма затруднительно было бы расшифровать звукозаписи, поскольку плохая сохранность последних не позволяла разобрать текст былин и песен. Однако в ходе расшифровки обнаружилось, что два валика — №№ 3165 и 3166, на которых записан "Джангар" в исполнении Ээлян Овла, случайно, очевидно, попали в коллекцию Б.Я.Владимирцова. Известно, что на валики "Джангар" был записан Н.Очировым. В его калмыцкой коллекции к девяти валикам с голосом Ээлян Овла как раз не доставало двух, оказавшихся в коллекции Б.Я.Владимирцова, валиков. В публикуемой ниже описи, сделанной А.В.Бурдуковым, мои комментарии, касающиеся валиков №№ 3165, 3166 и 3157 даны в сносках. [непосредственно после текста приведены примечания 1 и 2, сделанные А.В.Бурдуковым — ред.]

№ 3146

Рассказ Парчен-тульчи, об освободительной войне, происходившей в Кобдоском округе летом 1912г., в которой Парчен непосредственно участвовал.

Здесь он рассказывает об эпизоде разгрома 140 человек Китайского подкрепления, подходившего к китайской крепости, которых монголы с Дамби Джанцаном во главе всех уничтожили и захватили все оружие и огнеприпасы на 60-ти верблюдах.

№ 3147

Записи эти были сделаны как образцы разницы в произношении между русскими и баитами. Акад. Владимирцов рассказывает что-то из рассказов волжских калмыков с упоминанием Шава-Дорджи.

№ 3148

Мотив олетский, но слова не понятны, очевидно нужно отнести на счет плохой записи.

№ 3149

Пение былины Парченом. Былина эта записана и напечатана в "Образцах монгольской народной словесности" Л., 1926.

"Кігін кітн кеке томур хехе" — эпопея (стр.133-150). Перевод под этим же названием напечатан в "Монголо-ойратском героическом эпосе", стр.191-204.

Этот валик один из самых ценных валиков коллекции Владимирцова. Здесь показан образец пения ойратских былин лучшим рапсодом.

В конце говорится об обращении героя к родителям, которых он просит дать ему молодецкие доспехи, оружие, друга-коня с амуницией.

№ 1350

Свадебное благопожелание исполнено хорошо, можно слышать слова, где говорится, что "мастерица, кроящая соболей у Вас имеется, а меткий стрелок у нас имеется. Длинной ургой (укрючиной) лошадей ловят, а длительной дружбой родственные связи — потомство — продолжают (поддерживают)".

№ 3151

Ламское пение. Регент — бас баитского монастыря во время богослужения.

№ 3152

Былина, пропетая на особый мотив. Но какой былинщик пел, определить трудно.

№ 3153

"Гецель" — песня, из содержания которой можно понять только отдельные слова.

№ 3154

а) Былина. Исполняет Генден Гецель под аккомпанемент тобшура. Слышимость слабая, слова разобрать нельзя.

б) В конце валика песня на мотив "Шадзагашовун" (птица-сорока).

№ 3155

"Шуно-батор" — былина, вернее ее пересказ. Исполняет Парчен. В конце какой-то маленький рассказ, который трудно понять.

№ 3156

а) рассказ (слова не понятны);

б) благопожелание на свадьбе у баитов. Исполнено Араши-заланом;

в) старинная песня, мотив хорошо слышен, но текст не понять.

№ 3157

Былинный напев "Шериб-бо" (?)[2]. Очень похож на голос Парчена. Шаманское молитвословие в былине, переданное былинным мотивом.

№ 3158

Старинная баитская песня "Гурбон Эрдени".

№ 3159

а) баитская сказка, исполненная Генденом;

б) мелкие рассказики, слышимость хорошая, возможна частичная расшифровка.

№ 3160

"Джёро мёрн" — песня. Старинная протяжная песня. Запись хорошая.

№ 3161

"Бум Эрдени" — былина (фрагмент). Образец напева в исполнении Парчен-туульчи. В конце валика слова Б.Я.Владимирцова: "Фонограф приехал в не вполне удовлетворительном состоянии". Запись слабая.

№ 3162

Песня торгута с р.Булгун.

№ 3163

а) благопожелание, исполненное "бичечи";

б) разговор, запись средняя, слова восстановить трудно.

№ 3164

Старинная песня "Алтан-Занда". Отдельные фразы понятны, но все слова не восстановить.

№ 3165

Скороговорка (былинный мотив). Содержание трудно уловимое.

№ 3166

Продолжение былины (на валике № 31650. Слышны фразы "Уйн баһ насндан" или "Таке Зуула хаани". Запись довольно хорошая[3].

№ 3167

Песня "Тергини аран-зан". В голосе певца есть срывы, поется о чудном коне, горах и т.д. Слышна фраза "Цаган мёнгон цагралтай".

№ 3168

Песня "Алтан дельке". Слышны некоторые слова, например: бор мёрин".

№ 3169

Песня "Мини менде". Запись средняя. Понятна лишь часть слов.

Примечание 1. Большинство валиков акад. Б.Я.Владимирцова было записано на р.Хангельцык у баитов Северо-Западной Монголии, горы Хан-Кёкё или Хан-Хухэ.

Примечание 2. В коллекции Широкогорова имеются мотивы — №№ 1018, 1019, 1020.

1936 г., февраль А.В.Бурдуков.

Примечания

1. См.: Е.В.Гиппиус. Фонограмм-архив Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР. //Советский фольклор. — М.-Л. — 1936. — № 4-5. — С.406.
2. На этом валике записано то же, что и на валике № 3161, а именно, былина "Бум Эрдени" (фрагмент).
3. На валиках № 3165 и № 3166 записаны фрагменты калмыцкого эпоса "Джангар" в исполнении Ээлян Овла (запись Н.Очирова, 1908 г.). В калмыцкой коллекции Н.Очирова (№ LXXX) "Джангар", а точнее "Песня о женитьбе Хонгора" представлена на валиках №№ 3113, 3123-3125, 3127, 3132, 3136, 3138, 3139. На валике № 3165 записано продолжение фрагмента этой песни, а на валике № 3166 записан вариант фрагмента песни, звучащего на валике № 3123.

Н.С.Яхонтова

"Краткое [изложение] "Ключа разума"*

В Архиве востоковедов (разряд I, опись 3, № 57, 58) хранится монгольский текст Oyun tülkigür-ün tobaci bolai "Краткое изложение "Ключа разума", переписанный от руки и он же, наряду с "Повестью о двух скакунах Чингис-хана", двумя главами из "Гэсэра" и некоторыми другими, как часть корректуры (неполной) какого-то сборника, возможно, монгольской хрестоматии, на страницах которой есть пометки Н.Н.Поппе и Б.Я.Владимирцова. Этот текст, как нам удалось установить, совпадает с текстом рукописи С 238 из Рукописного фонда СПбФ ИВ РАН.

Сочинение "Ключ разума" хорошо известно в истории монгольской литературы. Рукописи этого популярного сборника сургалов (поучений), авторство которого приписывается Чингис-хану, имеются во многих собраниях мира. Только в рукописном фонде СПбФ ИВ РАН хранится около двадцати списков этого сочинения [3]. Его текст неоднократно издавался: издания А.Попова и А.М.Позднеева каждое основывалось на одной конкретной рукописи (обе — в собрании Филиала) [1; 2], а Ц.Дамдинсурен использовал для своей публикации пять рукописей и два ксилографа [4]. По содержанию все рукописи из собрания СПбФ ИВ РАН более или менее одинаковы и в той или иной степени совпадают с публикацией Ц.Дамдинсурена, во всяком случае различия между ними носят вариантный характер.

Однако рукопись С 238, несмотря на то, что ее название ясно указывает на связь с хорошо известным и популярным "Ключом разума", представляет собой совершенно самостоятельное сочинение. Оно почти в два раза короче текста Ц.Дамдинсурена (что частично оправдывает его название), и значительно более строго организовано: оно содержит тридцать семь аллитерированных четверостиший (с одним исключением). Какие-либо указания на реального автора в нем отсутствуют. Никак не упоминается и Чингис-хан.

По содержанию это сборник сургалов, но ни одно поучение не имеет параллелей с "классическим" "Ключом разума", хотя основная смысловая направленность обоих сочинений одна — польза учености и вред невежества. Осуждаются в нем и многие пороки и дурные поступки — в первую очередь жадность, а также жестокость, хвастовство, зависть, скупость, гордость, ложь, клевета, злоба, воровство, убийство. Тематически поучения никак не сгруппированы и иногда логически не связаны даже в пределах одного четверостишия. Заметно явное преобладание порицания отрицательных качеств над одобрением положительных, даже последнее четверостишие, как бы подводящее итог всему сказанному, начинается со слов, призывающих выбрать для себя поведение, отличное от осуждаемого выше. Те немногие примеры, которые показывают достойное поведение, описывают поступки людей надежных в дружбе, приходящих на помощь, гостеприимных.

Каждая строчка во всех четверостишиях (кроме последнего) оканчивается глаголом в форме многократного причастия. В последнем четверостишии, которое не содержит собственно сургалов, все глаголы оформлены побудительно-желательным суффиксом второго лица множественного числа — γtun. Унифицированное оформление конечного сказуемого всех предложений несколько ограничивает возможность употребления отдельных форм поучений, хотя и придает тексту определенную стройность. Так, в данном сочинении совершенно исключены такие широко распространенные формы сургалов, как запрещения или (что встречается реже) побуждения ("не делай то-то" или "делай то-то"), конечное сказуемое в которых обычно оформлено одним из побудительно-желательных суффиксов второго лица. Глагол в форме многократного причастия передает действие либо постоянно повторяемое субъектом, либо ему естественно присущее, и оба эти значения используются в другом типе поучений, просто констатирующих плохие (чаще) или хорошие качества или поступки, иногда сопровождаемые их возможной оценкой со стороны общественного мнения, или предупреждением о последствиях того или иного поведения.

Некоторые четверостишия этого сочинения построены по принципу параллелизма (например, II, III, IV, XXV и частично некоторые другие), остальные представляют собой более или менее строго организованные перечисления. Особо следует выделить V, XXVI, XVII, XVIII, XXXI и XXXIII четверостишия. Каждое из них представляет собой как бы конспективный рассказ о неправильном поведении человека в той или иной ситуации. Интересно, что в "классическом" "Ключе разума" во второй его части, которая считается более поздним добавлением, также есть два сургала этого типа.

*Исследование выполнено на средства Российского Фонда фундаментальных исследований.

По-видимому, неизвестный автор данного сочинения воспользовался названием хорошо известного и популярного "классического" "Ключа разума", чтобы заранее обеспечить своему труду уважение и популярность — прием достаточно распространенный в истории литературы.

Транскрипция

//1а// Oyun tülkigür-ün tobaci bolai:
//1б// ovam suasti sdam siri:

I

yerü urida-aca üiledügsen buyan kilince-yin aci üre ekideng [=ekildeg]:
yekerken saγuγcid-un buyan ebderedeg:

yegüdkel ügei sayin sedkil-i baribasu tegün-i buyan ösüdeg:

yerüngkei olan kümün-luγ-a [=lüge] das[u]basu tegün-i [=ü?] üge cobuγ-a boldoγ:

II

qarm [=qaram] sedkil-iyer ed mal //2а// yeke ülü boludaγ:

qaγaqu qaldaqu-bar yeke boldoγ:

qataγu širegün aγalibar kümün-i ülü ayilγadaγ:

qangqu metü sedkil aγali-bar ayilγada'γ:

III

olan üge kelegsen-iyer ülü γaruda γ:

onuju γaγca üge kelebesü kümün daγun ülü qaradang [=γaruda γ]:

uqamsar ügei üge-ben oladqabasu qoyin-a gemšideg:

//2б// ulam serejü kelebesü cecen boldoγ:

IV

γayiqaγday-a kemen jöb buruγu kelejü saγuγsaγar kümün-dü medegdedeg:

γaγca nige kelejü saγubasu onucutai [=oncatai] boludaγ:

γai ese medebe kemen kümün-i üge urida yabuγulbasu endegüldeg:

qamuγ-<y>i medekü kemen urida kelebesü genededeg:

V

kümün-i [=ü?] γartuki-yi abuy-a gejü yabutala öberün ed mal aldadaγ:

kücirkejü amitan-i alay-a gejü yabutala öberün amin tasuradaγ:

könügen qoorlaqu sedkil ese talbibasu öber-tü qoor-a boldaγ:

köndürkejü yekerken yabubasu könggen boldoγ:

VI

olan erdem-ün nere-yi medegsen-iyer qamuγ-tur ülü ergügdedeg:

onucu [=onca] γaγca bodi sedkil-ün jalγamji ese tasurabasu γurban yirtincü-dür degdedeg:

onca //3а// busud-i dorom̓jilan kelegsen-iyer kümün-i ülü ejeldeg:

ulam öberün yabudal-iyan jöb yabubasu qamuγ-<y>i ejel'deg:

VII

medekü kemen öberün bey-e-ben γaγcaγar-a medebesü olan-u dergede γutuduγ:

merged-ün jarliγ-<y>i olan-ta sonosbasu γajar buügüde-dü γayiqaγdadaγ:

medege ügei kümün-iyer törö bariγulbasu olan irgen-i γutaγadaγ:

medegci sayin kümün düri-yin üge kelebesü olan kümün jokiradaγ:

VIII

sedkil-ün qoor-a-bar olan em-e abuγsan kümün öd ügei jobudaγ:

šinjilejü γanca [=γaγca] sayin-luγ-a qanilaγsan kümün amuradaγ:

šilgaju eyimü-yi kelegci merged-ün jarliγ-yi ese sanabasu tangqai boludaγ:

išilejü üge-yi ese orkibasu idam sakiγulsun bayasudaγ::

IX

uridu kelegsen //3б// ügeben martaγci kümün-ü sedkil olan-dur itegel ügei boludaγ:

onca üge-ben bucan meljegci kümün olan-dur jigšigdedeg:

olan-ta maγu kigsen kümün qoyina ülü martaγdadaγ:

ucir-tai tusa kigsen kümün ürgülji sanaγdadaγ:

X

jobaqu caγ-tur tusa kigsen kümün-i qoyina nayiradaγ:

jokiju sayitur qanilaγsan kümün kündülegdedeg:

jolγan gene[d]te sai kigsen kümün inaγlaγdadaγ:

jöb-tü buruγu-tu<i>-yi ese medegsen kümün demei kemen keledeg:

XI

ölüsküi umdaγasqui-du ese tusalaγsan-iyan kümün ülü mededeg:

ünen-iyer tusa kigsen kümün-lüge qarin ataγarqadaγ:

ülemji medekü merged uridukiban ülü martadaγ:

ülü medekü kümün qoyitu-ban erkim bolγadaγ:

XII

genen kümün //4а// uridu kelejü üge-ben oriyaγdadaγ:

gem-tü kümün arγ-a egüsgejü qudal ünen ogüledeg:

keder kümün sayin maγu-yi daγariju toruda γ:

kelelcekü ügen-dü duratai kümün yaγaraqu üilen-dür jarubasu qojimdada γ:

XIII

omoγ-tu kümün yekesün dergede saγubasu jemelegdedeg::

urin kili[n]g-ten nige γajar saγubasu ebderel bolda γ:

onca eyimü-yi ese medebesü eberün [=öberün] sedkil jerligsideg::

XIV

qudal kelejü ceceg [=cecen] ülü bolda γ:

qulaγai kijü baγatur ülü bolda γ:

qonjiju abji [=abcu] bayan ülü bolda γ:

qaγurmaγ kelejü mergen ülü bolda γ:

XV

oγuγata niγuγsan öcügüken idege-ber on ülü barada γ:

üneker ügei kemen aman aldaju idegsen-iyer ülü taγulda γ:

olja ügei kemen kümün-ece //46// γuyuju ülü arbajiγulda γ:

urida öriscü kümün-ece qoyitu-ban jiγaqu-bar ülü ayiγada γ:

XVI

ger-tür ügei caγ-tur ügei balai gejü sayiqan üge keledeg:

kerbe bi [=bui] bolbasu daγun ülü γaruda γ:

gene[d]te tegün-iyen barabasu tere maγu kigsen-iyen ülü mededeg:

kelejü tere yabudal-iyan ese ögbesü qarin maγu keledeg:

XVII

γaγcaγar-a niγuju cinaγsan idege-ben kümün irebesü niγuju orkida γ:

qaraju üjeged medebesü yeke icideg:

qarin icir[i]ben baraγsan inu kili[n]gledeg:

qariju odoγsan qoyina-aca qariyal gedeg::

XVIII

sayiqan idege-ben saban-u iruγar-tur kijü jirüken-degen sanada γ:

sayin-dur kinaju γadaγadu kümün-dü ülü üjegüldeg:

sanaγsan kümün-dü baγ-a balai gejü kelejü ögüdeg:

//5a// šiγalkilju[=šinulkiju] bayiji [=bayiju] niγuju idedeg:

XIX

öberün ger-tür-iyen idege ed mal yeke bolbasu qaram omoγ yeke egüsdeg:

ügei bolun baraγdabasu ay-a ügei bolun öber-iyen butarada γ:

bayan kümün-i burqan metü šitüjü öber-iyen boγol inu boluda γ:

ükükü amin-u tala ülü qaran tegün-ü emün-e jü[=i]dküdeg:

XX

bayan sayin yabuqu caγ-tur omoγšiju beyeben burqan metü sanada γ:

baraγdaju ügeyireku caγ-tur γutuju cidgür metü yabuda γ:

baγaqan olqu caγ-tur sayin ere mön kemen qulaγai qudal-i yekedkedeg:

baram-a tere yabudal-iyar ülü sayijiran amin-ban aldada γ:

XXI

erlig-ün γajar-a yeke γutuda γ:

er'güldeg: tonilqui möri ülü oluda γ:

imkigcü [=emgenijü] jobalang-un dalai-dur olan kalab-tu kebtedeg:

//56// enerijü qayirlaγci inu γaγca blam-a ada γ[:]

XXII

orcilang-un amitan ene nigül-i ülü mededeg:

uqaγata[n] merged bilig-iyer mededeg:

öberün sanaγ-a jöb bolda γ:

onuγci merged metü ayildabasu bidaγu yirtincüyin yosun kemen bardam üge ülü keledeg:

XXIII

merged-ün bey-e nasun inu baγ-a bayitala dotor inu oγtaγui metü nom-ud tegüs baγtada γ:

medege ügei mungqaγ-ud bey-e nasun yeke bolbaci quluγana-yin nüke[n]-ü tedüi arban sayin üge-iyer töbšin ülü qadγalada γ:

medejü eyimü yabudal-iyan basa basa suγabasu ülü taγalda γ:

mergen kemen öberün buruγu-ban qarin jöbsiyedeg:

XXIV

sayin kümün-i[=ü?] üge-ber yabuγcin cögen ada γ:

sabaγ-a ügei öberün yabudal-iyan jöbšiyegcin olan ada γ:

samaγuraju nigültü üile //6a// tegün-ece γaruda γ:

saγaral ügei er'lig tegün-ece iredeg:

XXV

ceceg [=cecen] kümün üge-ben serejü keledeg:

cinege ügei mungqaγ-ud demei bardada γ:

cecerkegsen kümün γartabasu qarin yeke icideg:

icer ügei sayin üge-tü kümün-i qamuγ-iyar γayiqada γ:

XXVI

baγaqan kümün bolγul ügei cobuγurqadaγ:

bayan kümün qan qaraju bügüde-dür sayirqadaγ:

baγatur kümün qoγusun γajar-tur bardadaγ:

büke kümün maγu kümün-dür er[e]lgedeg:

XXVII

ülü medekü baγšinar qara kümün-dür bey-e-ben γayiqadaγ:

ülemji degedü merged-i irebesü te'de γutudaγ:

öberün bayan-aca degedü kümün-i teng adali gejü üjeg [=üjen] yadadaγ:

ögön odbasu yeke γašiγu-tu boludaγ:

XXVIII

ataγatu kümün-i [=ü?] sedkil ülü arildaγ:

ataγatu kümün urida ülü getüldeg:

amin tasulqui-dur bayasuγci kümün //6б// ülü tonildaγ:

arilji[=u] qudaltu geküi-dü durlaγcin ülü ügüdül deg [=ügedeldeg]:

XXIX

urbaqui qoyar aγašitu kümün qamuγ-tur šiγuluγdadaγ:

olan aγašitu kümün-i qamuγ-iyar ülü itegedeg:

onca öberün gem-i ülü meden nökür-iyen gem-tü bolγudaγ:

ünen erdem-ten ulam qanilaju saγubasu qariqui-dur γomududaγ:

XXX

qariqui-dur maγu aγašilaγad:

qarin iniyegci kümün ülü icideg:

qan kümün jisür bolbasu könggüredeg:

qatun kümün qataγu bolbasu qariyaγdadaγ:

XXXI

uciraqui urida ere em-e bolsuγai kemen yekede küsedeg:

uciran cicuγu [=sacuγu] ilige [=elige] bügere metü ülemji inaγladaγ:

udal ügei uyidqu sedkil törüjü bey-e bey-e-ece gem erin kerüldüdeg:

ulum [=ulam] busud-un ere em-e sayin kemen qaniladaγ:

XXXII

ene bügüde orcilang-yi möngke metü sanadaγ:

//7a// ebderekü cucaraqu bey-e-ben qada metü üjedeg:

endegürejü yirtincü-yin nayiman nom-i idam baridaγ:

em-e köbegün-iyen burqan metü takidaγ:

XXXIII

ecege eke-ben ükübesü öcügüken uyilaγci boldoγ:

öriscü öbleküi-yi sedkijü buliyadaγ:

eyimü teyimü kemen kelejü buyan-tu ülü jarudaγ:

em-e köbegün-iyen tejiyeküi-yi yaγaran kiciyedeg:

XXXIV

terigün kümün töbšin ese bolbasu könggerdeg:

terigüljü keleküi urida jemelegci bolbasu nöküd-iyen qaširaγuldaγ:

teyikin idegen umdaγan-dur qaram bolbasu maγu kelegdedeg:

tegün-iyen ülü medeküyin tula nöküd-iyen yeke jobaγudaγ:

XXXV

sayiqan eyimü üge-yi ülü sonosodaγ:

sabaγ-a ügei olan üge-tü kümün-dür yeke bayasudaγ:

sayin merged-iyen //7б// kereg ügei martadaγ:

samaγu yabudal-tan-i ergün kündülüdeg:

XXXVI

sadarlan kelelcegsen üge delgeregüldeg:

šibšig-tü yabudal tegün-ece iradaγ [=iredeg]:

šinjilejü eyimü gem-tü yabudal-iyan ülü iγadaγ:

šiluγun sedkil-tü nöküd-iyen eyimü duri-ber jayilaγuldaγ:

XXXVII

egün-ece busu yabudal öber-iyen adalidqan medegtün:

eg[=n]degürejü minu ene ügesi buruγu buu bolγuγtun:

ejed qad ekilen bügüdeger soyorqaγtun:

erkilejü ene <s>ügesi e[n]ggereg abaγtun:

kemebe:: : ::

Перевод

Краткое [изложение] "Ключа разума".

Пусть пребудет [с тобой] благо и счастье Шри.

I

Воздаяние за совершенные добродетельные и греховные дела берет начало издавна.

Добродетель пребывающих в гордыне разрушается.

Если [некто] придерживается непреходящих праведных мыслей, его добродетель возрастает.

Если [некто] хорошо знаком со многими людьми, его слова становятся разумными.

II

Жадностью имущество не увеличивается,
Увеличивается бережливостью и накоплением.
Жестким и грубым поведением человека не устрашишь,
Устрашишь твердым и спокойным поведением.

III

Произнесением многих слов не прославишься,

Если произнесено одно обдуманное слово, люди звука [против] не скажут.

Если свои необдуманные слова распространять, впоследствии [придется] раскаяться,

Если говорить, [сначала] хорошо осмыслив, становишься мудрым.

IV

[Если,] думая поразить, постоянно то верно, то неверно говоришь, люди [это] поймут.

Если постоянно говорить только одно, [тебя] отметят.

Если, [даже] не помышляя о зле, заранее отвергаешь слова человека, ошибаешься.

Если заранее говоришь "все знаю", поступаешь необдуманно.

V

Между тем как живешь, помышляя: "Возьму-ка я [то, что находится] в руках другого человека", своего имущества лишишься.

Между тем как живешь, хвастаясь силой и помышляя: "Убью-ка живое существо", своя жизнь оборвется.

Если не отбросить желания навредить [кому-то], себе самому навредишь.

Если чваниться и гордиться, лишишься уважения.

VI

За знание названий многих наук уважаем всеми не будешь.

Если не прерывать преемственность единственно святых помышлений, в три мира поднимешься.

Одним лишь тем, что будешь уничижительно говорить о других, над людьми не будешь господствовать.

Только если сам правильно поступаешь, над всеми будешь господствовать.

VII

Если, говоря "знаю", знаешь одного лишь самого себя, при многих опозоришься.

Если высказывания мудрых много раз выслушаешь, повсюду будешь достоин удивления.

Если позволить управлять государством незнающему человеку, [он] будет мучить многих людей.

Если знающий хороший человек говорит разумные слова, многие люди согласятся [с ним].

VIII

Человек, обманом взявший много женщин, страдает от порока.

Человек, который, выбрав, женился на самой хорошей, покоен.

Если не помнить высказывания мудрых, которые, проверив, говорят "вот так [должно быть]", останешься глупым.

Если, основываясь [на мнении мудрых], не отвергать [эти] слова, дух-хранитель обрадуется.

IX

У многих не будет веры человеку, забывающему свои прежде сказанные слова.

Многие будут избегать человека, отрекающегося от своих слов.

Человека, много раз поступившего плохо, не смогут забыть в будущем.

О человеке, который оказал существенную помощь, долго будут помнить.

X

К человеку, который во время страданий оказал помощь, потом будут испытывать дружеские чувства.

Человек правильный, надежный в дружбе пользуется уважением.

Человек, который, встречая [гостей], сразу чай готовит, пользуется любовью.

О человеке, который не знает, что верно, что неверно, говорят "никчемный".

XI

[Плохой] человек [сам] не замечает, что [он] не помог голодным и страдающим от жажды,

[И] к человеку, который действительно оказал помощь, относится недоброжелательно.

Особенно знающие мудрецы не забывают, что было с ними раньше.

Незнающие люди ждут лучшего от будущего.

XII

Глупый человек прежде говорит, [а потом] в своих словах сомневается.

Порочный человек, прибегая к уловкам, то правду, то ложь говорит.

Злобный человек и хорошего и плохого [человека] оскорбляет без разбору.

Если человека, любящего поговорить, послать по спешному делу, [он] опоздает.

XIII

Если высокомерный человек сядет рядом с великими, [его] осудят.

Если разгневанные будут в одном месте находиться, возникнет ссора.

Если даже этого не знать, душа собственная одичает.

XIV

Говоря ложь, умным не станешь.
Воруя, богатырем не станешь.
Обманом беря, богатым не станешь.
Клевеща, мудрым не станешь.

XV

Даже хорошо спрятанного небольшого количества еды на год не хватит.

Оттого что съел [ее], поклявшись, что "воистину не было", не потолстеешь.

Говоря "дохода нет", прося у людей, не увеличишь [свое достояние].

[Если] сделано раньше, то своими запоздалыми запретами человека не испугаешь.

XVI

Говорят хорошие слова: "дома [ничего] — нет, сейчас — нет, совсем [нет]",

[А] если [что-то] есть — молчат.

Если вдруг это свое растратят, то не замечают, что плохо поступили.

[Им про это] говорят, а [они], это свое не дав, в ответ [еще и] ругаются.

XVII

Свою еду, сваренную тайком, в одиночку, быстро прячут, если приходит [чужой] человек.

Если [чужой человек], посмотрев, поймет [в чем дело], то очень стыдятся.

Однако стыд проходит и гневаются.

После того, как [чужой человек уходит], [ему вслед] проклятья раздаются.

XVIII

Положив свою хорошую еду [глубоко] на дне посуды, [о ней] крепко помнят.

Хорошо следят, чужому человеку не показывают.

Человеку, который помнит [об этой еде], дают и говорят: "совсем немного есть" и

[Остальное] жадно, тайно съедают.

XIX

Если в своем [собственном] доме много еды и имущества, жадность и бахвальство сильно проявляются.

Если разоришься, став бедным, безрадостно будет, и сам погибнешь.

Если богатого человека почитать как Будду, сам рабом станешь.

Не глядя в сторону жизни, которая кончится, прежде чем это (т.е.смерть) [произошло], усердствуй.

XX

Когда богат и преуспевает, гордится и думает о себе как о Будде.

Когда беден и неимущ, печалится и ведет себя как черт.

Когда немногое обретет, умножает воровство и ложь, говоря "вот [я] молодец".

Бедняга, такими поступками [свою жизнь] не улучшив, [может] жизнь потерять.

XXI

В стране Эрлика [будет] очень мучиться.

[Будет] истязаем, не обретет путь освобождения.

В течение многих калп [будет] пребывать в океане страданий, испытывая муки.

Только сострадательный и великодушный становится ламой.

XXII

Живые существа бренного мира этот грех не замечают.

Умные, мудрые замечают благодаря знанию.

Собственные мысли исправятся,

И те, кто поймут это, если [они] поймут [это] подобно мудрецам, то не будут говорить кичливые слова: "бессмысленный мирской обычай".

XXIII

Мудрецы даже в маленьком возрасте вмещают в себя знания [обширные] как небо.

Незнающие глупцы, [даже] будучи взрослыми, десятью правильными словами не [могут] сберечь спокойствие даже в мышиной норе.

Когда знающие такому своему поведению опять и опять обучают, [глупцам это] не нравится,

"[Я] — мудр" — говоря, свои ошибки снова признают за истину.

XXIV

Мало есть поступающих согласно словам хорошего человека.

Много есть одобряющих свои легкомысленные поступки.

Если [некто] плохо себя ведет, греховные поступки от этого происходят.

Обязательно от этого [за ним] приходит Эрлик.

XXV

Умный человек говорит, понимая свои слова.

Безмерно глупые попусту бахвалятся.

Если гордящийся умом человек будет превзойден, он очень стыдится.

Застенчивым образованным человеком все любуются.

XXVI

Еще не ставший взрослым человек, не сделав ничего, гордится [своей] смышленостью.

Богатый человек, с ханом увидевшись, перед всеми хвастается.

Богатырь на пустом месте бахвалится.

Силач перед плохим человеком силу показывает.

XXVII

Незнающие учителя перед простыми людьми собой восхищаются,

Если приходят очень знающие мудрецы, они позорятся.

Ненавидят людей, богатство которых больше их собственного, и считают [его] равным [своему],

Если [приходится что-то] отдавать, очень печалятся.

XXVIII

Душа завистливого человека не очищается.

Завистливый человек, пока [не очистится], не спасется.

Человек, радующийся, когда [кто-то] лишается жизни, не спасется.

[Даже] очистившись, [человек] любящий солгать, не возвысится.

XXIX

Человека, имеющего два разных мнения, все осмеивают.

Непостоянному человеку никто не верит.

Не понимая своего несчастья, приносишь несчастье своему другу.

Действительно ученые, если [они] очень дружат, печалятся, когда [приходит время] расставаться.

XXX

Когда [кто-то] уезжает, [он] плохо говорит [об уехавшем]

И только смеется — [такой] человек не стыдится.

Если хан лжив, [его] не уважают.

Если ханша жестока, [ее] проклинают.

XXXI

Прежде чем соединиться, очень хотят стать мужем и женой,

Как только соединятся, очень любят [друг друга] подобно печени и почкам.

Вскоре наскучат [друг другу], переругаются, выискивая друг у друга зло.

Живут вместе, говоря "чужие муж и жена—хорошие".

XXXII

Эти все думают о сансаре как о [чем-то] вечном.

[Они] считают свое непрочное и бренное тело [крепким] как скала.

Согрешив, следуют заповедям восьми мирских дхарм.

Почитают свою жену и детей как Будду.

XXXIII

Если родители умирают, немного плачет.

Подумав, отнимает прежде поделенное.

Говоря "Так-то и так-то", отнятое на добродетельные [дела] не расходует,

Спешно старается накормить свою жену и детей.

XXXIV

Если глава не правит по закону, его не уважают.

Если [некто], начинает браниться, опережая, прежде чем [другие слово] скажут, друзьям недоедает.

Если [некто] будет скупиться на еду и питье, [о нем] будут плохо отзываться.

Так как [он] этого за собой не замечает, друзей заставляет страдать.

XXXV

Такие прекрасные слова не слушает.

Очень рад человеку, [говорящему] много легкомысленных слов.

Хороших мудрецов зря забывает.

Почитает смутьянов.

XXXVI

Распространяет развратные слова.

Бесстыдное поведение [еще] хуже этого.

Размышляя, свое такое греховное поведение не осознает.

Прямодушных своих друзей таким поведением отдаляет.

XXXVII

Поведение, отличающееся от этого, выбрав для себя, познайте.

Ошибаясь, вы эти мои слова не искажайте.

Все, начиная с владык и ханов, окажите милость,

Следуйте этим словам и с любовью [их] примите.

Литература

1. Попов А. Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку. Казань, 1836.
2. Позднеев А.М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. — Издания факультета восточных языков императорского С.-Петербургского университета. N 7, СПб., 1900.
3. Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т.1. М., 1988.
4. Damdinsürüng C. Mongγol uran jokiyal-un degeji jaγun bilig orusibai. Улаанбаатар, 1959.

ГАБИПАН

Монголика-III.

Сборник научных статей

Редактор: Кульганек И.В.
Макет и верстка: Виноградова Н.А.

Сдано в набор: 06.05.94. Подписано в печать 23.11.94. Уч.изд.л. 12.
Бум.офсетная. Формат 60x90/8. Гарнитура "Прагматика". Тираж 1000 экз.
Заказ № 423

Издательство "Фарн", Санкт-Петербург.
194018, СПб, пр.Шверника, 29/1.

АООТ «Типография „Правда"»
191126, С.-Петербург,
Социалистическая ул., 14.